

ОТ ЗАПОЛЯРЬЯ ДО ВЕНГРИИ

НА ЛИНИИ ФРОНТА

ПРАВДА О ВОЙНЕ

Петр Боград

ОТ ЗАПОЛЯРЬЯ ДО ВЕНГРИИ

**НА ЛИНИИ
ФРОНТА**

**ПРАВДА
О ВОЙНЕ**

П. Боград

ЗАПИСКИ

ДВАДЦАТИЧЕТЫРЕХЛЕТНЕГО ПОДПОЛКОВНИКА

1941—1945

**НА ЛИНИИ ФРОНТА
ПРАВДА О ВОЙНЕ**

Петр Боград

**ОТ ЗАПОЛЯРЬЯ
ДО ВЕНГРИИ**

**ЗАПИСКИ ДВАДЦАТИЧЕТЫРЕХЛЕТНЕГО
ПОДПОЛКОВНИКА**

1941—1945

**Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ**

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622
Б74

Серия «На линии фронта. Правда о войне»
выпускается с 2006 года

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Боград П.Л.
Б74 От Заполярья до Венгрии. Записки двадцатичетырехлетнего подполковника. 1941—1945. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2009. — 224 с. — (На линии фронта. Правда о войне).

ISBN 978-5-9524-4391-4

Генерал-майор Петр Львович Боград относится к тем фронтовикам, которые прошли Великую Отечественную войну от первого до последнего дня. Юношей, в начале жизненного пути, П.Л. Боград оказался в эпицентре жестокого противостояния. Удивительно сложилась судьба молодого лейтенанта, выпускника военного училища, 21 июня 1941 г. прибывшего по распределению в Прибалтийский особый военный округ. Вместе со всеми он сполна испытал горечь первых поражений: отступление, окружение, ранение. Уже в 1942 г., благодаря незаурядным способностям, П.Л. Боград был выдвинут в командиры стрелкового батальона. В 22 года он стал начальником штаба полка, а войну закончил подполковником, исполняющим должность начальника штаба стрелковой дивизии. Его воспоминания о сражениях, участником которых он был, потрясающих эпизодах боев и обычной жизни на фронте отличаются точностью и масштабом видения событий.

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-9524-4391-4

© Боград П.Л., 2009
© ЗАО «Центрполиграф», 2009
© Художественное оформление
серии, ЗАО «Центрполиграф»,
2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

Всегда сложно писать о человеке, которого ты знал лично, сидел за одним столом у него в гостях, который оставил в твоей памяти яркий след.

Генерал-майор Петр Львович Боград принадлежал к тем фронтовикам, которые прошли Великую Отечественную войну с первого до последнего дня.

Великую Отечественную войну он встретил в местечке Плунге на бывшей литовско-германской границе, куда прибыл поздним вечером 21 июня 1941 года старшим команды из тридцати шести новоиспеченных лейтенантов Камышловского пехотного училища, направленных в распоряжение 204-го мотострелкового полка.

А дальше — отступление до Пскова, командование ротой полка, собранного из разбитых частей, ранение.

После госпиталя Петра Бограда направили в Москву на стрелковые курсы повышения квалификации «Выстрел». 16 октября 1941 года срочно из офицерских курсов был сформирован батальон и брошен в бой под Клин.

Затем — Северо-Западный фронт. Командование батальоном, бои в Заполярье под Кандалакшей в составе 122-й стрелковой дивизии.

С осени 1944 года в составе 2-го и 3-го Украинских фронтов Петр Боград прошел Румынию, Вен-

грию и закончил войну подполковником на южной границе Австрии и Югославии в должности начальника оперативного отделения штаба 122-й стрелковой дивизии.

По окончании войны П.Л. Боград закончил Военную академию имени М.В. Фрунзе и служил на различных командных должностях, от командира полка до заместителя командующего войсками Приволжского военного округа. Служба П.Л. Богграда в рядах Советской армии продолжалась до конца 1980-х годов.

Петр Львович Боград активно поддерживал и способствовал сотрудничеству ветеранских организаций России, Израиля, США.

В Московском научно-просветительном центре «Холокост» он возглавлял военно-историческую секцию, часто выступал с интереснейшими докладами о малоизвестных широкой общественности военных событиях XX века.

Изучение архива П.Л. Богграда было начато нами еще при его жизни, вместе с ним. К великому сожалению, он серьезно взялся за написание мемуаров слишком поздно, времени не хватило.

В 2004—2007 годах весь архив (воспоминания, фотографии, рабочие тетради, аудиозаписи) генерал-майора П.Л. Богграда поступил в НПЦ «Холокост» и послужил основой для подготовки этой книги.

*Л.А. Терушкин
Д.А. Алексеев*

ОТ ЗАПОЛЯРЬЯ ДО ВЕНГРИИ

**ЗАПИСКИ ДВАДЦАТИЧЕТЫРЕХЛЕТНЕГО
ПОДПОЛКОВНИКА**

1941—1945

ДЕТСТВО

Я родился в 1920 году 12 августа в местечке Доброе. Оно находится на юге Украины, примерно в 45—50 километрах севернее Николаева. Наша еврейская колония была образована в начале XIX века. Первые поселенцы, десять семей, там появились в 1802 году. Я думаю, что они прежде жили в районах Витебска, Могилева, Польши, а также в Литве, потому что в нашей деревне использовался еврейский говор на идиш с польским, а также с литовским акцентом.

Колонии образовались еще до организации черты оседлости. Было очень много недовольства евреями в народе. Сами евреи пришли к царю и попросили разрешения уехать на юг, получить там земли и создать соответствующий своей культуре образ жизни. Они получили разрешение, и началось перемещение. Обеспечение их было очень незначительное. Больше всего людей оседало в Херсонской губернии.

Весной 1801 года в этом регионе было основано восемь еврейских колоний, в них жили 19 семей (около тысячи человек). Материальное положение их было катастрофическим. Это были несчастные люди. Они жили в жалких домишках, в ужасной скученности, страдали от болезней, им не доставало самых простых рабочих орудий и медикаментов. Царские чиновники обманывали и обсчитывали евреев, при-

сваивали себе часть ассигнований, которые правительство через них переводило поселенцам.

Но наконец нашелся честный и умный русский следователь, присланный из Петербурга. Он обнаружил, что инспектора попечительского ведомства передали поселенцам намного меньше телег, плугов, борон и другого инвентаря, чем значилось в отчетных ведомостях, а рабочие волю, закупленные ими для поселенцев, были стары и работать не могли.

Постепенно, после многих лет голода и страданий, дела еврейских поселенцев начали налаживаться. Материальное положение их укрепилось, болезни и смертность пошли на убыль, поселенцы научились разным ремеслам, в их семьях выросли дети, привычные к труду. Особенно начали расцветать колонии к середине XIX века. К этому времени на юге Украины (Одесская и Херсонская области) насчитывалось более 20 еврейских колоний. Были целые районы еврейских поселений.

Основа жизни колонии — сельскохозяйственный труд.

Я хорошо помню нашу колонию Доброе. Это был большой населенный пункт, расположенный на площади более восьми квадратных километров, численностью жителей более восьми тысяч человек. Имелась еврейская школа-семилетка, и были еще две школы-четырёхлетки — еврейская и немецкая.

В Добром была целая улица немецких поселенцев-колонистов. Я не знаю, в каком году они появились. Улица, где они жили, называлась Советской. Они были довольно зажиточными, работали в колхозе. Все так тесно переплелось, что трудно было разобрать, кто еврей, а кто не еврей. Язык немецкий почти слился с идиш.

В Добром было четыре синагоги. Самая большая стояла напротив нашего дома. Она была примерно на 600—700 посадочных мест.

Искусственно устроенные пруды как бы разделяли село на три части. В общественных прудах разводили рыбу разных сортов (сазан, карп, карась), и жители имели возможность ловить рыбу. Население занималось, главным образом, хлебопашеством и животноводством. Очень многие занимались виноградарством. Виноградники были вынесены за пределы колонии, где большинство семей имели по 0,25 десятины земли.

Я помню, как аккуратно были устроены участки: на каждом имелся шалаш, в котором работники могли в жару или дождь передохнуть и поесть. Был на 10—15 участков один колодец. Вода в наших местах ценилась на вес золота. В Причерноморье всегда были проблемы с питьевой водой. Виноградники охранял один человек — Ареле Спелярский. Маленького роста, всегда заросший, обвешанный множеством свистков разной тональности. Никто не знал, когда он спит, когда ест. Днем и ночью раздавались трели его свистков, что значило — Ареле не спит, охрана на месте. Урожай винограда были очень велики. В жаркую погоду, если попросить напиться воды, у нас предлагали медную кружку с виноградным вином.

Климат в наших краях способствовал также и высоким урожаям колосовых. Посевная начиналась в начале марта, а уборка заканчивалась в августе. На всю колонию была одна молотилка и один паровик, и в годы большого урожая обмолот проводился последовательно по группам, а в обычные годы обмолот зерна проводился на токах в каждом дворе, самым примитивным способом. Вначале специальным камнем с парой лошадей, а затем специальной доской и также парой лошадей. В 1920-х годах возникла проблема с хранением зерна, и на сходе колонии решили построить большой элеватор на десятки тысяч тонн. Это было очень красивое сооружение, которое было видно за много километров.

Большинство колонистов жили зажиточно, но было и немало бедных семей, которым по возможности оказывалась помощь. Рабочие колонии трудились на трех маслозаводах и на паровой мельнице, была также крупная молочная ферма, где производились масло и сыр высокого качества, который закупали Одесса и Николаев. В 1926 году в деревне появился первый колесный трактор, присланный, как говорили, организацией «Джойнт». Это было большое событие, вся колония сбежалась смотреть на это чудо. Электричество появилось только в 1938 году. Дома освещали керосиновыми лампами, свечами. Радио впервые мы услышали в 1933 году, когда я уже закончил 7 классов.

Папу моего звали Лев (еврейское имя — Лейб) Боград. Он родился в 1896 году. Он хорошо читал и писал по-русски. Вначале он работал гуртоправом, то есть занимался перегонкой скота для скототорговцев. Потом научился варить сыр, окончил курсы, на которых учился несколько лет, и стал лучшим сыроваром в области. В нашей деревне у него было кустарное производство. Потом отец переехал из деревни в Николаев, устроился на завод, где производство сыра было механизировано. Там он был начальником сыроваренного цеха, делал разные сорта сыра. Папа характером был в дедушку, был добрым человеком.

Маму звали Соня. Она была 1897 года рождения. В молодости она была модисткой. Ее девичья фамилия Найдина. Мама моя родилась в Смеле, это на Украине, от Киева километров четыреста. Она была человеком очень строгих правил в смысле нравственности, держала нас с братом строго, не давала распускаться. Мальчишки в деревне бегали без штанов. Мама никогда этого не разрешала. Всегда чистенькие белые рубашечки, а уж если начинала нас мыть, то так отдраивала, что мы кричали: «Боже мой!» Она была очень аккуратным человеком. В день своей смерти она встала, приняла душ и умерла. Это был 1985 год. Мама окончила начальную еврейскую шко-

лу (4 класса), была грамотной, умела читать и писать на идиш и по-русски.

У мамы и папы было два сына — я, родившийся в 1920 году, и мой брат Рувим, 1924 года рождения. Брат был очень хорошим парнем. Он был небольшого роста, курчавый, блондин. Моя мама тоже была блондинкой. День, когда он родился, я как сейчас помню. Это было 21 января 1924 года. Мама лежала на кровати, и ноги ее были привязаны полотенцем к ножкам кровати. Мой дядя, младший брат мамы, закутал меня в платок и увел из дома. А потом я помню, как брат лежал в кровати и играл золотым кольцом, которое моя бабушка спускала ему на нитке. Потом он вырос, пошел в школу, учился очень хорошо. Его из третьего класса перевели в пятый, такой он был способный. В хедере он не учился. Рувим начал ходить в школу в 1931 году, тогда уже синагогу превратили в клуб. В 1938 году он закончил семь классов и поступил в Одесский еврейский машиностроительный техникум. Я его перед началом учебного года отвез в Одессу, устроил на частной квартире.

Я пошел в хедер по настоянию бабушки в 1926 году. Мне хотелось вольности, но бабушка сказала: «Нет, в хедер, и все». Там я научился читать и писать на идиш. Как сейчас помню, как я читаю буквы: алеф, бейт, гимел. И тут мне на стол падает конфета. Надо мной стоит ребе и говорит на идиш: «Это тебе послал Бог». Я благодарю ребе и думаю: как же это Бог смог мне прислать эту конфету. Смотрю наверх: ни щели, ни дырки нет. Я смотрю, а что Бог даст Борьке Минькову, и вижу, что ребе отгибает палец и из его кулака падает конфета. Я говорю: «Ребе, это же вы бросаете!» Ребе отвечает мне: «Ах ты, мамзер!» — и бьет линейкой по рукам. «Мамзер» в переводе значит «незаконнорожденный», это такое ругательство. С тех пор, как ни странно, я перестал верить в Бога. Потом я учился в еврейской семилетней школе. Все предметы преподавались нам на идиш.

В начале 1920-х наша молодежь организовала сельскохозяйственную коммуну «Новый быт», по сути прообраз израильских киббуцев. Но, к сожалению, вскоре директивно начали создавать колхозы. Было создано два колхоза. Первый — на базе коммуны «Новый быт», второй — «Вперед». В середине 1930-х годов создали третий колхоз, «Красный луч». Голод 1930-х годов тяжело сказался на этих колхозах, однако хороший урожай кукурузы, припрятанный руководством колхозов нашей колонии, обеспечил колхозникам минимальный уровень жизни, у нас не было умерших от голода. В пяти километрах от колонии была создана специальная сельскохозяйственная ферма, где дети колхозников получали среднее агрономическое образование. Детство было прекрасным, я с радостью делал все, любую работу. Я вместе со взрослыми после занятий работал на винограднике, в поле, на току, убирал кукурузу и подсолнух.

Забегая вперед, скажу, что война оказалась переломным моментом в жизни моей родной колонии. С начала войны все годные к службе мужчины ушли на фронт. Часть жителей ушла на восток Украины. А многие жители остались, остались и дедушка с бабушкой, они пытались уехать из колонии на повозке, но немцы их перехватили и вернули обратно.

Фашисты заняли село без единого выстрела в конце августа 1941 года, а 2 сентября оставшихся жителей — стариков, детей, больных — они согнали на край села и всех 257 человек расстреляли. Были расстреляны мои близкие: дедушка, бабушка, тетя Хая, Сура, жена Иосифа, дядя Вельвел, двоюродная сестра Бася в возрасте 15 лет. Расстреляли их на немецком кладбище возле оврага. Бабушка тогда ходить не могла, ее везли на повозке. Бася сбежала и спряталась в скирду соломы. Немцы вилами разворошили эту скирду, вытащили ее и убили.

Больше всего меня возмущает то, что большинство участников убийств были немцами, жителями нашей деревни. О том, что мои родные погибли, я узнал только после войны, хотя о том, что немцы свирепствуют, убивают евреев, я знал и во время войны. Мои папа и мама к началу войны жили в Николаеве. Отец работал технологом на молочном заводе. Потом началась война. Я родным успел из Пскова дать телеграмму, что скоро буду участвовать в боях, и выслал им аттестат, и, кстати сказать, по этому аттестату они всю войну получали деньги. В начале августа немцы подходили к Николаеву. Мама и папа пешком пошли вдоль Днепра. Там переправились на другую сторону, сели на поезд и уехали в Саратов, где жила семья брата моей мамы. Дядю вскоре призвали в армию. Сначала они жили вместе с семьей дяди, а потом жили в Саратовской области, в деревне, где отец работал на элеваторе.

В 1970 году я побывал в родной колонии. Это уже была не наша колония. Все, что создавалось долгими годами, было разрушено, сады и виноградники варварски выкорчеваны. От нашей колонии осталась только школа, заросшие пруды и плохонький памятник на братской могиле расстрелянных. Больше туда приезжать у меня желания нет. После войны туда переселили украинцев из Западной Украины. Все, построенное прежде с любовью, разрушено, в руинах.

ЯРОСТНЫЙ 1937-Й

Надо признать, в юности я был весьма энергичным человеком. Интересы мои, бывало, далеко выходили за непосредственные границы того вида деятельности, которым приходилось заниматься. Впрочем, повышенная социальная активность была свойственна тогда значительной части молодежи. Правда, иногда она

приводила к непредвиденным результатам. Или, возможно, та «активность» только с нынешней точки зрения повышенная, а на самом деле нормальна?

В 1936 году, после окончания школы, я поступил в Полтавский железнодорожный техникум. Учеба давалась мне нелегко, так как я поступил в техникум после сельской семилетки. Конечно, преподаватели у нас были слабенькие по сравнению с городскими. Пришлось ликвидировать пробелы в образовании, но учился я на «хорошо» и «отлично». Жил я в общезитии — веселой и беззаботной студенческой жизнью. Я увлекся общественной работой, вступил в комсомол, стал членом комитета комсомола.

Весной я получил задание проверить состояние пути от станции Ромодан до Кременчуга. И вот мы — два студента и два путеобходчика — проделали пешком этот путь, осматривая колею, шпалы, накладки, болты, костыли, стрелочные переводы. Мы прошли двести километров, и ежедневно в газете Полтавского отделения железной дороги печаталась сводка о нашей работе. Недостатков мы обнаружили много, и группу поощрили приказом начальника службы железнодорожного пути. Это была серьезная оценка.

После этого знаменательного похода начались краткие каникулы. Побывал я в городе Новоукраинка Кировоградской области, где в это время жили мои родители. Затем отправился в колонию Доброе к дедушке, бабушке, двоюродным братьям и сестрам. Помню, что главным мотивом возвращения к истокам детства стал факт, что там в те же дни гостила любимая мною тетушка Лия, студентка сельхозакадемии имени Тимирязева. Лия — одна из младших сестер моего отца.

Юность моя начиналась прекрасно, и грядущая жизнь представлялась интересной, полной радостного труда и успехов.

Но! Первый же день моего возвращения в техникум, в конце июня, поставил первый жирный знак

вопроса в моих наивных представлениях. Вначале я подумал, что меня пригласили на утреннее заседание комитета комсомола как председателя профкома техникума. Но, когда я увидел глаза своих товарищей, сразу стало не по себе. Близкие друзья смотрели на меня как на чужака, осуждающе и даже с презрением.

Во главе заседания — Володя Волевич, с которым нас объединяла и учеба, и общественная работа, и «единые» взгляды. Рядом с ним секретарь партийной организации, еще несколько ребят. Среди них Надя Комарова, Андрей Калашников, мой земляк Гришка Косой...

— Бюград, где твой дядя?

— Какой? У меня их много.

— Дядя из Киева!

— Он — ректор Коммунистического государственного агрономического института имени Косиора.

Пауза и вопрос, как разрыв снаряда над головой:

— Ты знаешь, что он враг народа?

Ответ мой прозвучал не из рассудка, из сердца:

— Не может быть!

Тут все и началось. Точнее, продолжилось по ранее проторенной, изученной, позднее закрепленной, а еще позже осужденной дороге. Дороге, которая оказалась крепче многих железных.

— А-а... не может быть! Значит, и ты такой же! Он уже три месяца в тюрьме, а ты скрываешь, молчишь, создаешь видимость активной работы! Ты двурушник, ты кулацкий внук, ты сын зажиточных родителей, ты примазался к активу техникума, ты скрываешь свою враждебную душу...

«Ты, ты, ты...» — разрывы грохотали надо мной один за другим. Мне еще семнадцати не исполнилось, и я прекрасно помнил, что дед мой — простой кузнец, бабушка всю жизнь трудилась в полях. Они воспитали шестерых сыновей и троих дочерей в понимании того, что человеческий труд на земле —

главное в жизни и судьбе. В трудовом духе готовили к жизни и меня, учили отдавать всего себя своему личному призванию и общему делу.

Но кто же такой мой дядя, неожиданно для меня объявленный врагом народа?

Боград Ефим Исакович родился в 1898 году. Коммунист с 1917 года, прошел большой путь в партийной иерархии. Окончил Ленинградский институт красной профессуры, работал в столице Украины Харькове во ВУЦИКе с Г.И. Петровским¹, затем с П.П. Постышевым². В начале тридцатых — секретарь Кобелякского райкома партии Харьковской области, Фастовского райкома Киевской области. Затем — ректор Коммунистического вуза имени Косиора в Киеве. В марте тридцать седьмого дядю избрали членом комитета партии института. А на рассвете следующего после избрания дня его арестовали. Нарушая логику изложения, сообщу: после многих до-

---

¹ Петровский Григорий Иванович (4.02.1878—9.01.1958) — член партии с 1897 г., в 1912 г. кооптирован в состав ЦК, член ЦК в 1921—1939 гг., кандидат в члены Политбюро ЦК 1.01.1926—10.03.1939. В 1919—1938 гг. — председатель Всеукраинского ЦИК и ЦИК УССР, одновременно с 1922 г. один из председателей ЦИК СССР, в 1938—1939 гг. — заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР. С 1940 г. заместитель директора Музея революции СССР. (Здесь и далее примеч. ред. Все даты рождения даны по новому стилю.)

² Постышев Павел Петрович (18.09.1887—26.02.1939) — член партии с 1904 г., член ЦК в 1927—1938 гг., кандидат в члены Политбюро ЦК (10.02.1934—14.01.1938), член Оргбюро и секретарь ЦК (13.07.1930—26.01.1934). С 1923 г. — на партийной работе на Украине. С 1930 г. — секретарь ЦК ВКП(б), одновременно зав. отделами ЦК. В 1933—1937 гг. — второй секретарь ЦК КП(б) Украины, первый секретарь Харьковского обкома и горкома партии (до 1934) и Киевского обкома партии (с 1934). В 1937—1938 гг. — первый секретарь Куйбышевского обкома и горкома ВКП(б). Член ЦИК СССР, депутат Верховного Совета СССР 1-го созыва, на январском (1938) Пленуме ЦК выведен из состава Политбюро ЦК. Репрессирован: в феврале 1938 г. арестован, Военной коллегией Верховного суда СССР 26 февраля 1939 г. приговорен к расстрелу и в этот же день расстрелян. Реабилитирован 1 июня 1955 г.

просов и прочих мытарств дядю сослали в район Магадана, где он и погиб в 1945 году.

Гришка Косой на обвинительном заседании комитета комсомола один молчал. Молчал он и потому, что имел информацию об аресте Ефима Богграда давно. И видимо, был уверен, что и мне это известно. Ибо знали о том люди в моем Добром, знали мои родственники. Знали, но пожалели меня, не сказали. Гришке, думал я сразу после заседания, было немногим легче моего — а что, если бы открылось его тайное знание? Соучастник — тот же враг... И сказать нельзя, и молчать страшно! Так я мог подумать, так бывало. Вот как нас вязала судьба, и не только в тот яростный тридцать седьмой...

А снаряды, копившиеся надо мной с марта, продолжали рваться...

«Все, что ты делал в техникуме, — специально продуманная тактика. И действовал ты под руководством дяди — врага народа, ты им проинструктирован, он научил тебя, как вредить на железнодорожном транспорте...»

Мне напомнили и время инструктажа: 1936 год, когда, возвращаясь из Винницы в техникум с производственной практики, я заехал в Киев и посетил дядю.

«Так я мог подумать, так бывало». Это я сказал о Григории Косом, которого считал другом детства, с которым провел вместе каникулы, ехал в одном вагоне, торопился утром в техникум. А торопились мы с разными целями. Дружок Гришка-то устремился куда надо, кому надо и доложил, что у Богграда дядя — враг народа. Не забыл он написать докладную записку и в комитет комсомола. Везде успел. С его «доклада» машина и закрутилась. Впрочем, «машина» крутилась хорошо и без него или меня. Дня тогда не проходило без арестов. Предыдущий тридцать шестой буквально врубился в память народа наводящими ужас процессами, где в качестве государственного обвинителя вы-

ступал мрачный Вышинский¹. Обстановка раскалилась до такой температуры, что малой искры-упрека хватало, чтобы любой человек становился подозреваемым, затем исключался, увольнялся, арестовывался. Обвинения «клеились» самые невероятные.

О причинах этого сказано и написано столько... Сталинизм, руководители, НКВД, неудачная модель социализма — с одной стороны, а народ, как стадо готовых к закланию баранов, — с другой?! Я жил рядом с этой «машиной», побывал внутри нее. И убежден: главным тогда было то, что большинство людей старалось выступить в роли разоблачителей, заработать славу бдительного большевика. «Бдительные» не думали, что сами лягут под колеса ими же разгоняемой жизнедробильной машины репрессий.

Дядя мой ни в чем не был виноват ни перед народом, ни перед государством.

Но меня утром исключили из комсомола, а вечером буквально притащили на заседание Полтавского горкома комсомола. А там меня хорошо знали как председателя профкома, как члена комитета комсомола, инициатора многих общественных дел; часто я представлял секретаря комитета комсомола техникума на заседаниях горкома.

На заседании горкома — сенсация! Бюград — двурушник, то есть он одновременно и известный акти-

---

¹ В ы ш и н с к и й Андрей Януарьевич (10.12.1883—22.11.1954) — в социал-демократии с 1903 г. (меньшевик), член РКП(б) с 1920 г., член ЦК с 1939 г., кандидат в члены Президиума ЦК 16.10.1952—6.03.1953. В 1913 г. окончил Киевский университет, доктор юридических наук, академик АН СССР (с 1939). С 1923 г. прокурор Уголовно-судебной коллегии Верховного суда СССР. В 1925—1928 гг. — ректор МГУ. С 1931 г. — прокурор РСФСР, заместитель наркома юстиции РСФСР. С 1933 г. — зам. прокурора, в 1935—1939 гг. — прокурор СССР. В 1939—1944 гг. — зам. председателя СНК СССР. С 1940 г. — первый зам. наркома, зам. министра, в 1949—1953 гг. — министр иностранных дел СССР. С 1953 г. — первый зам. министра иностранных дел СССР и постоянный представитель СССР в ООН.

вист, и прихвостень врага народа! Меня заставили рассказать биографию, дать «развернутую анкету».

Говорю, что отец мой до революции был батраком, работал перегонщиком скота у скототорговца...

Тут же мне заявляют:

— Нет, ты сын торговца скотом! Отсюда и идеология в тебе такая!

И так далее, и тому подобное.

Все мои доводы, все слова тут же перелицовывались наизнанку. Я был ошеломлен вконец. День оказался еще тот! Град обвинений, повторяющих и имитирующих модные в то время газетные строки!

Приговор единоголосный — утвердить исключение из комсомола. Предложение — сдать комсомольский билет. Вот тут я соврал:

— Билета с собой не имею...

(Так он и остался со мной до восстановления в комсомоле через год Полтавским обкомом. Но всякий день того года правомерно бы засчитать в жизненный стаж с коэффициентом один к трем.)

...Назавтра я сдал дела председателя профкома Наде Комаровой и отправился на практику в Полтавское отделение службы пути. Внешне все шло как всегда, как надо. Нет, не все: прежние товарищи меня избегали, вокруг образовалось пустое пространство. К тому же началась предсудебная волокита. Очень «вовремя» при передаче дел в кассе профкома обнаружили недостачу более пятидесяти рублей. Недостача образовалась по вине секретаря профкома, но повод для того, чтобы посадить меня, вполне достаточный. К счастью, следствие не нашло в моих действиях состава преступления. И такое случилось! А я ежеминутно ожидал ареста.

Закончились практика, каникулы. Первого сентября я в техникуме, студент последнего курса. Уже в семь утра я в коридоре и вижу на доске объявлений приказ начальника техникума Бураковского. А в приказе: студента Богграда П.Л. и еще двоих за связь с врагами народа исключить из техникума. Я застыл.

«Что же делать, куда обратиться? Что дальше? Нет, все! Жизнь кончилась!»

Я стою столбом. Студенты, в том числе те, с кем я учился в семилетке, проходят мимо, даже не взглянув. Все, злой рок настиг жертву.

Но нет, оказывается. И в обстановке всеобщего страха жили настоящие люди, настоящие мужчины. Стою обалдевший и вдруг слышу знакомый хриплый голос, шепнувший на ходу:

— Немедленно отправляйся в отдел подготовки кадров в Харьков, там все решишь.

Петр Ильич Кихтенко, начальник учебной части техникума, наш любимый педагог! А хрипел он из-за трубки в горле. Как можно забыть его голос, его несколько сутулую фигуру? Старый, опытный инженер-строитель путевого хозяйства, больной человек — он оказался единственным настоящим среди многих трусов, взял на себя роль спасителя. Но уточню — единственный в тот день, но не единственный в жизни. И вообще, по-моему, если б в наших судьбах не было спасителей и если б мы сами не старались иногда стать таковыми, ни о какой жизни и речи бы не было.

Следующие двое суток я был бездомным и безработным, не спал, не ел... Днем пытался пробиться к начальнику техникума, к руководителям Полтавского отделения железной дороги — напрасно. На вокзал ночами не пускают, в сквере напротив холодно. Полежу на скамейке, побегаю для согрева... И вдруг вечером встречаю сторожа техникума, старого железнодорожника и члена партии. Снова спасение: он приводит меня к себе домой, кормит-поит, укладывает спать, а рано утром «прикрепляет» к знакомому кондуктору, и я поездом отправляюсь в Харьков. Там сразу же — в знакомое мне по делам в Дорпрофсоже управление Южной железной дороги. В день приезда в отделе подготовки кадров меня не приняли, но предложили все изложить на бумаге и прийти завтра.

А на Харьковском радиозаводе работала старшая сестра моего отца Дина Исаковна Коган. Ее, члена парткома завода, трагедия брата Ефима обошла стороной. Я ей все рассказал, с ее помощью написал объяснение на имя начальника отдела подготовки кадров, с которым и прибыл на следующий день. Принял меня начальник очень любезно. Говорили мы один на один, и, хотя имени репрессированного дяди не упоминалось, я понял — он его знает хорошо. В заключение встречи он посоветовал: отправляйся к родителям и жди, оставаться в Харькове или Полтаве нельзя.

Вечером встретился с тетей Диной и узнал, что начальника отдела подготовки кадров Южной железной дороги днем арестовали! И действительно, как сказала тетя, он был знаком с дядей Ефимом по работе в ВУЦИКе.

Все шло естественным путем, «машина» работала, я же метался где-то рядом с ее колесами.

Только поговорили с тетей, заходит к ней сосед-еврей, бывший член компартии Польши, в конце двадцатых годов бежавший оттуда, спасаясь от преследований. Видел его всего несколько минут, но он запомнился мне приятной наружностью и обаянием. Около четырех часов ночи нас разбудил стук в парадную дверь. Кто-то открыл, потом тишина, снова стук, на этот раз в дверь к «поляку», опять тишина. Тетя Дина выходит на кухню, возвращается и говорит:

— У соседа обыск, быстро одевайся и уходи из дома.

На выходе на меня не обратили внимания. Я не спеша миновал знаменитый автозак, окрещенный народом «черный ворон», и, не оглядываясь, быстро удалился. К тете уже не вернулся. Вечером уговорил кондуктора поезда Харьков—Одесса взять меня до нужной станции. Что было не так сложно: летняя форма железнодорожника, удостоверение личности студента третьего курса железнодорожного техникума, ни копейки в кармане.

Только в родительском доме отчаяние и горе провалились из груди слезами. Поначалу я ничего не мог даже сказать-объяснить. Но юная жажда жизни взяла свое. Я спрятал память о случившемся подальше в глубины сознания и принялся искать свое место в новых условиях. От разговоров о прошлом, о причинах ухода из техникума я уклонялся. Познакомился с ребятами из средней школы, районной типографии, больницы и маслосырзавода, где работал мастером мой отец. На последний и устроился табельщиком-учетчиком при нормировщике Саше Россенберге. Он научил хронометражу рабочих процессов, их учету, выведению средней нормы, производству расчетов для начисления зарплаты. Вначале работа захватила, потом я в ней разочаровался — слишком однообразно и скучно. Тут уволились с завода секретарь и кассир. И директор завода Пуриш (молдаванин) предложил эти должности мне. Как и почему такое получилось, и теперь не понимаю. Юноше в семнадцать с небольшим доверили получение крупных сумм (от тридцати до ста тысяч рублей)! Я их складывал в древний портфель и нес пешком около двух с половиной километров от сбербанка до завода без какой-либо охраны. Благодаря мне рабочие завода всегда знали о наличии денег в кассе. И главный бухгалтер завода, старый холостяк Хазанов, вынужден был сменить свое отношение к рабочим — началась практика выдачи авансов.

На заводе меня хорошо узнали, но тайна о недавнем прошлом и страх его возвращения не позволяли ощущать истинную радость от жизни и работы. То и дело мне приходилось внутренне как бы «скручиваться», прятаться от чужого любопытства и интереса. С детства меня приучили говорить правду, и вынужденное молчание или вранье отзывались такими укурами совести, что я чувствовал себя неполноценным и ущербным человеком.

Муллер, парторг завода, часто спрашивал:

— Ты почему не вступаешь в комсомол?

— Извините, я еще не совсем созрел...

— Ты действительно несознательный субъект!

...И вот пришел январь 1938 года. На всю страну прозвучала высочайшая формула: «Сын за отца не в ответе». Смысл ее многозначен: отец может быть плохим, а может быть и хорошим, но идеал сына — Павлик Морозов; да и вообще семейные отношения окончательно поглощались приоритетными связями «человек—государство»... Но я уцепился за формулу и в конце января написал Сталину письмо, в котором изложил все, что со мной произошло. Ответа не было долго, и надежда на него терялась.

Тут началась кампания по выборам в Верховный Совет республики. Выполняя поручение завкома, я от имени заводской молодежи выступал на предвыборных собраниях, выступления печатались на страницах районной газеты. Страх понемногу уходил, и я подумывал о том, чтобы заново вступить в комсомол.

И вдруг — письмо из приемной Сталина!

«Ваше дело поручено рассмотреть Полтавскому обкому комсомола...» А в начале августа — вызов на заседание бюро обкома...

Вечером, после заседания, я с новым комсомольским билетом уже находился в общежитии изгнанного меня техникума. Естественно: ведь меня восстановили, хотя год студенческой жизни был потерян, мои сокурсники уже закончили обучение.

Тем не менее я снова как бы обрел крылья. Еще бы: письмо из приемной самого Сталина! Но первого сентября я вновь понял — да, человек всего лишь винтик в государственной машине. Начальник техникума Бураковский распорядился к занятиям меня не допускать и от беседы отказался. Секретарша пояснила:

— С бывшим студентом и бывшим комсомольцем начальник говорить не будет!

Вид нового комсомольского билета не произвел на нее никакого впечатления. И снова спасительный совет: преподаватель техникума Сальников порекомендо-

вал обратиться напрямую к наркому путей сообщения Л.М. Кагановичу¹. Я отправил телеграмму, где сообщил о снятии ложного обвинения в сотрудничестве с «врагом народа», восстановлении в комсомоле и о противодействии Бураковского. Жить было негде, я оставил свой адрес в техникуме и уехал к родителям. Несколько дней вся семья была в жутком состоянии, мы не знали, что будет, что предпринять. Наконец, телеграмма: «Срочно приезжайте, вы восстановлены в техникуме».

Как будто все стало хорошо... Но, как верно заметил еще Маркс: жить в обществе и быть свободным от него невозможно. А советское общество продолжало гипнотизироваться, пронизываясь всеобщей подозрительностью и недоверием. Некоторые студенты открыто следили за мной, не упуская случая унижить и напомнить о происшедшем. Сочувствия не проявил никто. Люди, то ли из инстинкта самосохранения, то ли из стремления продвинуться наверх по чужим костям, всегда были готовы донести на ближнего. Случаев таких кругом было множество.

Запомнился такой...

Один студент техникума рассказал в компании, как смог проявить классовую пролетарскую бдитель-

---

¹ Каганович Лазарь Моисеевич (1893—1991) — член партии в 1911—1961 гг., член ЦК в 1924—1957 гг., член Политбюро (Президиума) ЦК (1930—1957), член Оргбюро ЦК (1924—1925 и 1928—1946), секретарь ЦК (1924—1925 и 1928—1939). В 1925—1928 гг. — генеральный секретарь ЦК КП(б) Украины. В 1931—1934 гг. — первый секретарь МГК партии. В 1935—1937 гг., 1938—1942 гг. и 1943—1944 гг. — нарком путей сообщения СССР. В 1937—1939 гг. — нарком тяжелой промышленности СССР, в 1939 г. — топливной промышленности СССР, в 1939—1940 гг. — нефтяной промышленности СССР, одновременно в 1938—1947 гг. зам. Председателя СНК (Совмина) СССР. В 1946—1947 гг. и 1956—1957 гг. — министр промышленности строительных материалов СССР. С 1957 г. директор Уральского калийного комбината. С 1961 г. — на пенсии. На июньском (1957) Пленуме ЦК выведен из состава Президиума ЦК и из состава ЦК за несовместимую с ленинскими принципами партии фракционную деятельность, в декабре 1961 г. первичной парторганизацией исключен из партии.

ность. Обедал он как-то в вокзальном ресторане, и к нему за столик подсел пожилой, измученный на вид человек. И стал жаловаться крепкому молодому парню на порядки в стране. Мол, газеты шумят о каких-то врагах народа, все делается для возвеличивания некоей одной личности, народ отвлекают от реальных трудностей... И тому подобное.

Не вступая в разговор, студент наш быстренько пообедал и немедленно отправился в привокзальный отдел НКВД. «Болтуна» тут же забрали. Но студент перед друзьями все же признался:

— С каким презрением он на меня смотрел! Стало даже не по себе...

Слабые не выдерживали давления постоянного страха. Двое студентов в отчаянии бросились под поезд...

Глава эта получилась самой объемной в книге. Я намеренно пошел на это, так как писал о временах, в которые закладывалось то, что проявило себя не только в начале войны, но и в последующей государственной биографии. И не только государственной, коснулось оно буквально всех и каждого.

И вот вопрос: всякий ли народ, любое ли общество способно подчиниться, не только внешне, но и внутренне, диктатуре страха? Не на этой ли способности прорастают имперские амбиции? А уж если ростки укоренятся в общественном сознании... Тогда можно услышать: «Да, пусть мы живем плохо! Зато мы самые сильные, все нас боятся!»

А в маленькой Швейцарии люди не знают ни внутреннего, ни внешнего страха...

ДОВОЕННАЯ АРМИЯ

В августе 1939 года, после окончания Полтавского железнодорожного техникума, я работал прорабом подвижной экскаваторной колонны, участвовал в строительстве железной дороги Магнитогорск—Ка-

раганда. Я сам напросился на строительство новых магистралей, где применялись впервые появившиеся средства механизации (экскаваторы, прицепные грейдеры, самосвалы, путеукладчики инженера Платова и другие машины). Под моим началом был экскаватор с паровым двигателем, оснащенный ковшом — «прямой лопатой», — берущим за раз полкубометра грунта.

Жили мы в больших палатках, имелась небольшая походная кухня, на местах стоянок из досок сбивались столы и скамейки. Был даже магазин, размещенный тоже в палатке. Одевались мы кто во что мог. Общими для всех были легкие, сшитые из брезента сапоги на резиновом ходу. При непогоде использовались мешки из-под продовольствия. Начальство отличалось тем, что имело брезентовые плащи с капюшоном. В общем, романтики хоть отбавляй.

Дело было в двенадцати километрах от станции Комсомольская магистрали Карталы—Акмолинск. Мы вели насыпь основной дороги. Настроение прелестнейшее, лето в разгаре, воздух свежий и даже пьянящий какой-то.

Техника, обеспечивавшая мой участок, была серьезная: десять самосвалов ЯЗ-3, один самосвал на базе автомобиля ГАЗ, подвозивший уголь для котла экскаватора, и автовозовозка, часто выходящая из строя из-за неполадок древнего двигателя.

Паровой двигатель непрерывно расходует и горючее для топки и, особенно, воду. И вот к концу дня выходит из строя мотор водовозки. Чтобы не сорвать следующий рабочий день, я принимаю решение отбуксировать водовозку на станцию, которая находилась в райцентре Полтавка. Буксир — малый самосвал. В кабину рядом с водителем я усаживаю нормировщицу колонны Лиду, невесту моего коллеги Семена Сулковского; еще двое девчат — учетчица и нормировщица моего участка — вместе со мной занимают места в кузове. Мы втроем встаём позади

кабины самосвала. Командую: «Вперед!» Позади на буксире неисправная водовозка, впереди дорога, ведущая не просто к станции, а в будущее, безоблачное, как небо над головами. Встречный ветер вихрится кругом нас, чуть ли не рвет ситцевые платяца, треплет мою брезентовую робу.

Одиннадцать километров пролетели в одно веселое мгновение, машина вышла на заключительный спуск, ведущий к станции и селу. Спуск не очень крутой, но длинный, и, подсознательно ощутив опасность, я оборачиваюсь и замечаю, что буксировочный трос оборвался. Я кричу водителю самосвала, чтобы он принял вправо, иначе плохо управляемая масса водовозки, набрав скорость, врежется в нас. Водитель или плохо меня понял, или испугался и резко крутнул руль. Борт кузова невысокий, я с девочками стою, опершись руками о гладкое железо кабины.

С силой инерции на скорости более шестидесяти километров в час трудно спорить. Девчата цепляются за меня, нас троих бросает влево-вперед, словно теннисные мячи. Я лечу за борт и приземляюсь на камни дороги вначале левым боком, затем головой. Тут же мне на грудь падают, одна за другой, девочки.

Помню ошеломляющую боль, чувствую — сердце от двойного удара (падение на каменистую дорогу и встречный вес двух крепких женских тел) останавливается. Сознание сохранилось, но в теле полное бессилие, ничего невозможно сделать, даже пальцем не пошевелить. Как я мог в тот момент предположить, что чудо уже произошло, что все обойдется потерей нескольких участков кожи? У девочек-то случилась мягкая посадка, не на дорогу приземлились, и сверху на них ничто не обрушилось, так они лишь ремонтом одежды отделались. Да и неуправляемая водовозка — как ее колеса промчались мимо, не задев никого из лежащих на дороге?

А наблюдатели происшествия единодушно решили, что я погиб, и отправили меня в районную боль-

ницу в качестве трупa. По моей колонне тут же разнесся слух о гибели прораба Богграда, попавшего между «молотом и наковальней».

Вот так двенадцатикилометровый участок пути мог стать для меня последним. То был первый в моей жизни случай, когда линия судьбы могла оборваться от внешнего физического воздействия. И этот случай поставил точку в моей гражданской биографии. Через месяц меня призвали в армию, и с октября 1939 года началась служба красноармейцем в железнодорожных войсках Дальнего Востока, в бригаде полковника Кабанова¹. Того самого Кабанова, который в послевоенные годы стал генерал-полковником, начальником железнодорожных войск страны.

2 октября 1939 года я был призван Полтавским районным военным комиссариатом Челябинской области, на территории которой размещалось управление экскаваторной колонны ПЭК-2, и спустя 25 дней оказался в Приморье, на станции Манзовка, покрыв за это время в товарном вагоне на нарах путь от Южного Урала до почти Владивостока. Более 20 дней в пути. Везли строго, как арестантов, правда, кормили два раза в день и каждую неделю мыли в бане. Все эти строгости были связаны с событиями в Монголии в районе реки Халхин-Гол.

---

¹ К а б а н о в Павел Алексеевич (11.07.1897—27.02.1987) — генерал-майор технических войск (4.08.1942). Герой Социалистического Труда (5.11.1943). Участник Первой мировой войны, служил в броневом дивизионе в Петрограде. Участник Февральской и Октябрьской революций. В 1918 г. одним из первых вступил в Красную армию. С 1939 г. командовал 5-й железнодорожной бригадой Особого корпуса железнодорожных войск на Дальнем Востоке. В марте 1941 г. бригада была переброшена в Западную Украину; где и встретила Великую Отечественную войну. В январе 1942 г. назначен начальником Управления военно-восстановительных и заградительных работ № 3. В начале апреля 1945 г. назначен начальником Главного управления военно-восстановительных работ Народного комиссариата путей сообщения СССР и одновременно — начальником железнодорожных войск Министерства обороны СССР (занимал эту должность до 1968 г.).

С октября 1939 года началась служба в железнодорожных войсках Дальнего Востока. Службу я начал в отдельном строительном путевом батальоне железнодорожных войск. Наш батальон занимался строительством и эксплуатацией железнодорожных веток в сторону китайской границы, а также в сторону океана, через уссурийскую тайгу.

На первых порах меня назначили преподавать своим же солдатам устройство железнодорожного пути. Вскоре был замечен начальством — военным комиссаром батальона старшим политруком Галареевым, который позднее, в первый месяц войны, погиб на станции Фастов, недалеко от Киева. Он предложил мне перейти к нему на комсомольскую работу — помощником по комсомолу с присвоением звания младшего политрука. Я отказался (опять боязнь рассказать о том исключении из комсомола и т. д.).

В это время, то есть в конце 1939 года, шла война с Финляндией. 18 декабря был выходной день, у нас был прием военной присяги, и здесь же объявили о записи добровольцев в лыжный батальон на финский фронт, и я записался — это для меня был выход из положения, позволивший отказаться от предложений комиссара и оправдать мои действия.

Время формирования лыжников тянулось очень долго, и лишь в начале февраля нас погрузили в эшелон, и начался обратный ход, как говорят на Дальнем Востоке, в Европу.

В дороге нам объявили, что всех нас оставят в Свердловске и направят во вновь формирующееся пехотное училище. И действительно, в первых числах марта нас выгрузили в городе Камышлове и разместили на базе военного городка бывшей 110-й стрелковой дивизии Уральского военного округа, ушедшей на финский фронт.

Итак, в первых числах марта 1940 года по воле судьбы я стал курсантом, а буквально через неделю — старшиной 7-й роты Камышловского пехотного учи-

лица. Время шло быстро, обучали нас офицеры — участники Финской войны. Командиром роты был капитан Григорий Паздников, а командиром взвода — лейтенант Юрий Хрипченко. Учеба была тяжелой, почти все время обучения — около 90 процентов — проходило в поле на учениях, на стрельбище, марш-броски со стрельбой, форсирование водных преград вплавь или на подручных средствах. Зимой на лыжах, ночевка в лесу, по-бивуачному, у костра. В зимнее время мы в месяц проходили на лыжах до 600—700 километров. Все в большинстве своем стали замечательными лыжниками.

Однажды взвод курсантов, в штате которого я состоял, принял участие в обычных тогда соревнованиях. Нам предстояли: марш-бросок на 25 километров, форсирование водной преграды на подручных средствах, стрельба по мишеням, рукопашный бой, преодоление двухсотметровой полосы препятствий. Все это — без остановок и перекуров.

Напряжение всех сил, проверка воли и выносливости, готовности помочь товарищу. Жара, комары и мошка, едкий пот, прилипшая к горячей коже гимнастерка. В ходе марш-броска я замыкал походный порядок взвода и тащил на себе, кроме собственного вооружения, еще и винтовку младшего сержанта. Тот выбыл из игры. Внезапно из-за опушки леса выскакивает всадник, лошадь со всего карьера наезжает на меня и опрокидывает; от столкновения я падаю и случайно вспарываю штыком мышцы правой руки. Шок, боль, кровь, замешательство во взводе. И тут командир взвода резко командует: «Старшина! Встать! На ходу оказать себе помощь! Продолжать движение!»

У меня в тот момент и мысли не было поступить как-то по-другому. Ведь взвод из-за меня мог проиграть соревнования. Преодолевая боль, я бежал дальше. После марш-броска вместе со взводом в полной выкладке переплыл реку, преодолел полосу препятствий, выиграл штыковой бой на эластичных штыках

и заработал в итоге приличную сумму баллов. Взвод занял первое место в училище. А для меня тогда это была великая победа над собой, проверка не только физической выдержки, но и силы воли.

Вот так ковался в Красной армии военный характер, так готовились будущие офицеры — как морально, так и физически — к приближавшейся войне. Выучка тогда была настоящая. Кадровые войска, которые в первое время войны были на передовой и сумели остановить немцев. Но мы положили эти войска, они своими телами закрыли немцам дорогу.

На следующий после соревнований день мне исполнилось 20 лет. День рождения я встретил в окопе полного профиля, который закончил оборудовать к рассвету. Рука, конечно, болела здорово. Но я был чрезвычайно горд тем, что дух мой преодолел слабость плоти. Тогда все казалось прекрасным: юность, все удавалось, невозможно было представить, что мы стоим на пороге страшной войны.

ПЕРВЫЕ ДНИ ВОЙНЫ

Наступила весна 1941 года, обстановка в мире сгушалась, ежедневно радио передавало о передвижениях войск, о якобы железнодорожных маневрах и т. д. У нас в училище стали поговаривать о досрочном выпуске. В апреле сфотографировали в форме лейтенанта и сняли мерку на обмундирование, шинель, плащ и сапоги. В конце мая, отобрав 50 процентов лучших курсантов роты, стали изучать новое оружие, винтовки и автоматы, при этом не выпускали за пределы городка в ожидании приказа об окончании училища.

10 июня с утра были проведены срочные построения, где приказали отправиться поротно на склады и получить офицерское обмундирование. После обеда все выпускники училища — более 800 человек — были построены на плацу. Нам был зачитан приказ

наркома обороны о присвоении нам первичного офицерского звания — лейтенант. Правда, тогда еще говорили не «офицерского», а «командирского» звания. В списках зачитали мою фамилию, и впервые мое имя-отчество стало звучать вместо Пейсах Лейбович — Петр Львович. По-видимому, кому-то из кадровиков не понравилось мое еврейское имя и отчество. Правда, я не возражал.

Одну ночь мы переночевали в училище лейтенантами, а на второй день нас распределили по командам. Я получил команду в 36 лейтенантов с назначением в Прибалтийский особый военный округ (ПриБОВО), в 204-й стрелковый полк, дислоцировавшийся в городке Плунге (Литва) на самой границе с Германией. В этот же день вечером нас погрузили в товарные вагоны, и начался наш путь в Прибалтику, по сути, на войну, хотя мы об этом еще не знали. По маршруту движения эшелона с выпускниками, на станциях больших и малых собирались люди и кричали нам: «Ребята, на войну? Не подкачайте!» Мы все тогда беззаботно смеялись.

Поздно вечером 21 июня (в субботу) 1941 года наш уже небольшой эшелон прибыл на станцию Рига. Пока разобрались, что нам предстояло следовать дальше, до Шяуляя, наступила ночь, и мы все уснули. Проснулись рано. Я вышел из вагона — а их уже было только два, — увидел, что мы в тупике и одна за другой мчатся электрички то в одном, то в другом направлении. Время было 4—5 часов утра. В воздухе барражируют два новых истребителя. Все казалось подозрительным. Я спросил железнодорожников, поедем ли мы дальше или нет. Ответа не было. Я поднял свою команду (36 лейтенантов), и электричкой мы отправились на главный рижский вокзал.

Лейтенанты мои разбрелись по вокзалу, так как до отправки поезда на Шяуляй, а дальше на Плунге оставалось еще час-полтора. И здесь мы узнали, что на границе с Германией идут ожесточенные бои. На-

строение у всех сразу стало жутким. Вскоре подали состав и мы начали грузиться в вагон. Вдруг слышу, как меня называют по фамилии. Смотрю: какой-то капитан-пехотинец, со знакомым мне по училищу лейтенантом. Капитан сказал мне, что по рекомендации этого лейтенанта отдел кадров округа принял решение оставить меня в Рижском пехотном училище курсовым командиром. Я ответил, что я не могу выполнить это, поскольку у меня команда лейтенантов и я обязан их довести до места назначения. «Но там уже идут бои», — сказал мне представитель Рижского пехотного училища. «Тем более», — ответил я и посмотрел на своих лейтенантов — они молча, но выразительными взглядами одобрили мое решение.

Итак, поезд тронулся, и через два-три часа мы уже были в Шяуляе, который, увы, встретил нас очень недружелюбно. Дело в том, что, как только мы стали покидать свой вагон, над железнодорожным узлом появились немецкие бомбардировщики и безнаказанно, как на полигоне, не встречая никакого огневого сопротивления, бомбили узел. Как мы остались живы, я объяснить не могу. Все мои лейтенанты со своим скарбом были рядом со мной. Я впервые в жизни не в кино, не в газетах увидел немецкие бомбардировщики с черными крестами в желтом обрамлении.

Бомбили они беспощадно и закончили пулеметно-пушечным обстрелом площади вокзала.

Тогда и даже сейчас я испытывал и испытываю большое недоумение. Где же наши средства противовоздушной обороны, почему наших истребителей нет в воздухе? И много-много других почему.

Но время требовало моих действий, и я действовал. Долго искал, но все-таки нашел военного коменданта станции Шяуляй. На это ушло несколько часов. Когда я, наконец, обратился к коменданту, то оказалось, что он ничего не знает. Единственное, что он мне пообещал, — это то, что через час-полтора к Шяуляю подойдет бронепоезд, идущий в распоряже-

ние командующего 8-й армии генерал-майора Собеж-никова и с ним можно будет отправиться в штаб армии. Обстановку на границе он не знал. Мне оставалось только ждать. Однако у меня команда лейтенантов.

Разобравшись в обстановке, я вскоре обнаружил недалеко от вокзала помещение штаба 11-го стрелкового корпуса, который накануне убыл в летние лагерь в районе Каунаса. В штабе корпуса был какой-то сержант, и я договорился с ним о временном размещении в нем моей команды.

Около 16 часов дня на станцию прибыл бронепоезд, с которым я немедленно отправился. Командир бронепоезда — капитан-танкист, убедившись, что я действительно старший лейтенантской команды, — согласился меня взять с собой на двухколесном мотоцикле для поездки на поиски штаба 8-й армии.

В это время немецкая авиация стала опять бомбить железнодорожный узел, в том числе бронепоезд. Однако внезапный огонь зенитных пулеметов бронепоездов заставил немцев бомбить менее прицельно. Мы же с капитаном в промежутках между бомбовыми разрывами на мотоцикле помчались по дороге Шяуляй—Паунче в поисках штаба 8-й армии.

Время было где-то между 16 и 17 часами, уже 22 июня. По пути мы неоднократно подвергались налетам авиации, несмотря на то что по этой асфальтовой дороге, кроме нашего мотоцикла, ничего не двигалось. Видимо, все — транспорт и войска — двигались по лесным и полевым дорогам.

Проехав на мотоцикле 35—40 километров, мы остановились на опушке леса, где двигалась группа связистов, протягивая кабель. На наш вопрос: где штаб армии — они, подозрительно посмотрев на нас, ответили, что ничего не знают, что вот уже десять километров они тянут связь в противоположном от нашего движения направлении. Связисты быстро удалились, и мы, сориентировавшись по карте, приняли решение дви-

гаться в сторону фронта по просеке в лесу, где проходил телефонный кабель. Вдруг к месту нашего нахождения подошла легковая машина, из нее вышел молодой, высокий, красивый полковник-танкист и также стал спрашивать, где штаб 8-й армии.

Спустя 15 лет, когда я был командиром механизированного полка, полковником, ко мне прибыл первый заместитель командующего войсками ПриВО генерал-лейтенант Василий Митрофанович Шатилов¹ (в 1945 году его дивизия штурмовала Рейхстаг), и я ему об этом рассказал. А он в ответ: «А ты знаешь, кто это был? Это был командир танковой дивизии полковник Черняховский Иван Данилович², будущий генерал армии, командующий 3-м Прибалтийским фронтом».

---

¹ Шатилов Василий Митрофанович (17.02.1902—16.02.1995) — Генерал-майор, Герой Советского Союза (29.05.1945). В Красной армии с 1924 г. В 1928 г. окончил Тифлисскую пехотную школу, в 1938 г. — факультет моторизации и механизации Военной академии имени М.В. Фрунзе. Участник похода советских войск на Западную Украину и Западную Белоруссию 1939 г. В начале войны — начальник штаба, командир 196-й стрелковой дивизии. С августа 1942 г. по апрель 1944 г. — командир 182-й стрелковой дивизии. В мае 1944 г. назначен командиром 150-й стрелковой дивизии, которой командовал до конца войны. С 21 апреля 1945 г. 150-я стрелковая дивизия (79-й стрелковый корпус, 3-я ударная армия, 1-й Белорусский фронт) сражалась на улицах Берлина, участвовала в штурме Рейхстага. К исходу дня 1 мая подразделения дивизии овладели Рейхстагом и водрузили на нем дивизионный штурмовой флаг, который затем стал Знаменем Победы.

² Черняховский Иван Данилович (16.06.1906—18.02.1945) — советский военачальник, генерал армии (1944), дважды Герой Советского Союза (1943, 1944). В рядах РККА с 1924 г. Военное образование получил в Киевской артиллерийской школе (1928) и Военной академии механизации и моторизации РККА (1936). До войны служил в танковых войсках, командир батальона, полка. С марта 1941 г. командовал 28-й танковой дивизией в Прибалтике. Проявил себя талантливым военачальником и сделал одну из самых быстрых карьер в РККА: командовал 18-й танковым корпусом (июнь—июль 1942), 60-й армией (июль 1942 — апрель 1944), 3-м Белорусским фронтом (с апреля 1944). Самый молодой генерал армии за всю историю Советской армии. Смертельно ранен во время обхода позиций 18 февраля 1945 г. в районе города Мельзак в Восточной Пруссии.

Уже стемнело, когда мы, поплутав по множеству просек, наконец-то выехали в район командного пункта 8-й армии, который был расположен в лесу, в 50—60 километрах западнее Шяуляя.

В штабе со мной быстро разобрались, дали три грузовые автомашины, и к рассвету я отправился в город Шяуляй за моими лейтенантами, с тем чтобы уже к 15 часам 23 июня прибыть в штаб 10-го стрелкового корпуса, которым командовал генерал-майор Николаев (погиб при переходе остатков корпуса по морю из Таллина в Ленинград).

По данным штаба армии, штаб 10-го корпуса находился в 15—18 километрах восточнее города Плунге. Прибыв в Шяуляй рано утром, мы быстро погрузились в машину и к установленному сроку, пройдя около 100 километров без особых происшествий, прибыли на командный пункт корпуса.

Это было в 15 часов 23 июня 1941 года. Я сразу представился командиру корпуса генерал-майору Николаеву¹ (хорошо запомнил человека с продолговатым

---

¹ Николаев Иван Федорович (6.05.1890—18.08.1944) — генерал-лейтенант (1942). В русской армии с 1912 г., штабс-капитан. Участник Первой мировой войны, командир батальона на Западном фронте. В Красной армии с 1918 г. В Гражданскую войну командир стрелковой бригады, начальник штаба стрелковой дивизии. В 1937—1940 гг. — начальник штаба, помощник командира и командир 19-го стрелкового корпуса Ленинградского военного округа. Принимал участие в Советско-финской войне. С февраля 1940 г. — командир 10-го стрелкового корпуса 8-й армии Прибалтийского военного округа.

С начала Великой Отечественной войны соединения и части корпуса в составе 8-й армии Северо-Западного фронта участвовали в приграничном сражении, ведя тяжелые оборонительные бои с превосходящими силами противника в Шяуляйском укрепленном районе. В дальнейшем в составе армии отходили в направлении Риги и далее на Пярну. В июле корпус в составе этой же армии Северного фронта успешно вел оборонительные бои на рубеже Пярну—Тарту, отразил несколько попыток противника высадить морской десант на побережье Рижского залива. Противнику удалось 6 августа расколоть войска армии на две группировки. 10-й стрелковый корпус составил основу восточной группировки

лицом и рыжей бородкой а-ля д'Артаньян), он хорошо принял меня, приказал забрать у меня пакет с 36 личными делами лейтенантов, подкрепиться в офицерской столовой и ждать офицеров связи от полков, в которые мы имели назначение. Меня, до того уставшего и столько пережившего за эти сутки начала войны, до того сморило, что я приткнулся тут же около дерева и уснул. Не знаю, сколько я спал, но поднял меня страшный шум на командном пункте и какой-то голос, называвший мою фамилию. Оказалось, что обстановка резко изменилась, противник стал обтекать правый фланг корпуса в сторону Тямяная, и командир корпуса, во избежание окружения, решил сменить командный пункт. Мне же начальник строевого отдела — какой-то старший лейтенант — приказал от имени командира корпуса в сопровождении нескольких моих лейтенантов отправиться в 204-й стрелковый полк (то есть в полк, куда я назначался еще приказом наркома обороны) и передать приказ командира корпуса: удержать занимаемый рубеж до наступления темноты.

Я помню, солнце еще было высоко в небе (где-то 16—17 часов дня). Я сказал: «Слушаюсь! Но у меня нет ни карты, ни компаса, ни оружия». На что последовал суровый окрик: «Идите вот в этом направлении, а из этого ящика возьмите наган и пару пачек патронов». Я это все быстро сделал, накоротке посоветовался с лейтенантами, которые в училище со мной обучались в одной ротѣ, — их было несколько,

---

армии, которая до конца августа вела боевые действия по обороне Таллина. Решением Ставки ВГК от 17 августа оборона города возлагалась на командующего Краснознаменного Балтийского флота вице-адмирала В.Ф. Трибуца, а И.Ф. Николаев был назначен заместителем командующего флотом по сухопутной обороне. С сентября 1941 г. И.Ф. Николаев — заместитель командующего, а с ноября командующий 42-й армией того же фронта, войска которой участвовали в боях на дальних и ближних подступах к Ленинграду. С января 1944 г. — командующий 70-й армией. 18 августа 1944 г. умер от болезни.

но запомнил я только Гришу Мальцева, бывшего учителя из Омской области, и Толю Блинова, сибиряка. Штаб корпуса улетучился буквально как дым.

Нас осталось около девяти человек со своими чемоданами — вещи, которые мы получили по окончании училища. Мы быстро их сложили и подожгли. Все наши доспехи очень весело пожирались пламенем. Закончив с вещами, я зарядил наган, и мы, сориентировавшись по солнцу, пошли на запад на звуки боя. Прошли примерно два-три километра, вышли на развилку асфальтовых дорог и здесь на опушке леса обнаружили сваленные в кучу стальные каски. Мы сняли свои офицерские фуражки, разрыли в лесу у перекрестка неглубокую яму, сложили туда свои фуражки, надели каски и пошли дальше. Примерно спустя еще два часа мы почувствовали запах боя. За это время мы прошли примерно 12—14 километров. И вдруг перед нами как из-под земли вырос старший лейтенант — рыжий, с веснушками и с автоматом ППД в руках. Как потом мы установили, это был командир 1-го батальона 204-го стрелкового полка старший лейтенант Сайкин. Его батальон был на правом фланге полка и вел бой с немцами. Когда мы подошли, бой вроде затих. Связи ни с командиром полка, ни с соседями батальон не имел. Я ему передал устный приказ командира корпуса, и мы влились в состав батальона. Вскоре, спустя примерно час, мы уже отражали атаки немцев. Это было уже около 20 часов дня 23 июня. Как здесь же выяснилось, батальон имел уже большие потери.

Почти до самой темноты мы не отходили и отражали атаки немцев. С наступлением сумерек командир батальона, не имея связи и получив данные от своей разведки, что противника перед фронтом нет и что он обходит нас справа, принял решение отходить на Тельшая.

Батальон для передвижения имел автомобили ГАЗ-ААА, с резиновыми гусеницами, которые находились в кузове вдоль переднего борта, в ящике. Всего, как

я подсчитал, было около 15 автомашин. Когда батальон погрузился, я с комбатом обошел всех и увидел, что нас оставалось не более 100 человек. Комбат приказал мне двигаться в головной заставе впереди батальона на удалении не более одного километра. Стало темнеть, а связи никакой не было — ни радиостанций, ни сигнальных средств. Предварительно на листочке бумаги я с единственной крупномасштабной карты у комбата нанес маршрут движения и по указанию комбата начал движение. Примерно в полночь, после двух часов движения на перекрестке, где мы должны были повернуть в направлении Шяуляя, нас неожиданно остановил немецкий патруль на мотоцикле, который вначале принял нас за своих. Их было три человека. Водитель остался на мотоцикле, а двое подошли к кабине, где я сидел. В кузове все бойцы после двух дней боя спали крепким сном. У меня не было времени для размышлений, я выхватил наган и в упор сделал два выстрела. Немцы упали, а их водитель с перепуга укатил на мотоцикле. Выскочившие из кузова после стрельбы бойцы схватили немцев: один был убит сразу, второй, не придя в сознание, вскоре скончался. В это время подскочил комбат Сайкин, я ему доложил обстановку, и мы уже по асфальту устремились к городу Тельшяя. В этом коротеньком эпизоде мужество проявил сержант Серков, я запомнил его фамилию. Он первый выскочил из кабины со своим карабином и бросился на немцев, после моих выстрелов. Серков был водителем автомашины.

До конца дня 28 июня мы беспрерывно были в боях: в начале под Шяуляем, а затем отходили на Елгаву, Митаву, в сторону города Риги. В этих боях я потерял своих лейтенантов Мальцева и Блинова.

В ночь с 28 на 29 июня 1941 года остатки нашего батальона отходили через Ригу. Что там творилось, трудно передать словами. Когда автомашины подходили к перекрестку, нас буквально поливали огнем с чер-

даков зданий и из окон верхних этажей. Когда к рассвету мы остановились восточнее Риги, то на наши машины было жалко смотреть: десятки пробоин в бортах, крыльях и лобовых стеклах, и только один бог знает, как нас пули миновали. Разобрались: нас осталось около 30 человек и четыре автомашины, во главе с двумя комбатами — стрелкового и автомобильного батальонов. Со мной осталось еще три лейтенанта из моей бывшей команды. Долго решали вопрос, куда отходить: на города Валку и далее Таллин или на Псков.

Большинство высказалось за Псков, и уже к утру 30 июня мы были в районе Пскова, где в течение двух суток из отходивших разрозненных подразделений 8-й армии спешно формировался 202-й мотострелковый полк. Командиром полка был назначен капитан-танкист Котов, командиром 2-го батальона — младший лейтенант Леус и командиром 4-й мотострелковой роты — лейтенант Боград. За эти два дня с политруком роты Колтыпиным сформировали роту трехзвонного состава. На большее людей не хватало. Плюс автозвод — 10 автомашин ГАЗ-ААА. Успел из Пскова послать родителям денежный аттестат, по которому они всю войну получали деньги.

До 1 июля 1941 года полк формировался в районе Крестов, что неподалеку от Пскова, около военного аэродрома, поэтому всю ночь над нами летали самолеты — как свои, так и противника. В ночь с 1 на 2 июля полк был переброшен на юг в лес севернее города Опочка. В течение 2 июля пополнялись вооружением, боеприпасами и продовольствием. Впервые с начала войны я поел досыта. У старшины роты появились съестные припасы. Район Опочки — это большие труднопроходимые леса, болотистые участки, множество ручьев, особенно вблизи старой государственной границы с Латвией. На рассвете 3 июля командир полка собрал всех комбатов и командиров рот на одной грузовой машине, и мы отправились на рекогносцировку участка обороны полка. Моей роте

достался район деревни Дымово и мост через реку Синюю, что западнее города Красное.

В этом районе люди говаривали: «Город Красный, река Синяя, и люди — темные». Район действительно медвежий угол. Сюда в направлении города Опочки устремился противник. Ему-то навстречу и был брошен 202-й мотострелковый полк. Рано утром мы уже были в Опочке и воспользовались пока действующей почтой, чтобы бросить письмо родителям. В это время раздались позывные радиостанции «Коминтерн» и голос Левитана, пока еще малоизвестного диктора, сообщил о выступлении Сталина. Это было его первое выступление с начала войны. Мы все замерли и внимательно слушали его речь. Я сейчас думаю так: да, безусловно, Сталин был узурпатором, миллионы людей до, во время и после войны погибли по его личной вине. Но, видимо, хорошо было то, что большинство людей видели в нем вождя, верили ему и его словам, и поэтому миллионы шли на смерть и победили во время войны, хотя это были победы не разума, а человеческого мяса. Ни Сталин, ни большинство его полководцев нас, людей, не жалели и победы одерживали за счет гибели миллионов. Это я говорю сегодня, спустя почти 50 лет после окончания войны.

Если бы меня сейчас обвинили в злопыхательстве, я мог бы привести только из моей жизни десятки примеров в подтверждение вышесказанного. Могу больше сказать: в душе я давно об этом думал, но сказать это в те годы было равносильно самоубийству.

Итак, после выступления Сталина, воодушевленные его речью, мы отправились на рекогносцировку и в течение почти всего светлого времени 3 июля выбирали позиции для обороны. Моей роте досталось по фронту около полутора километров, при наличии в роте примерно 70—75 стрелков. В полк мы вернулись уже в темноте, спали до рассвета, а затем до обеда получили дополнительные боеприпасы и тронулись на автомашинах в свой район обороны.

К 6 июля рота заняла оборону севернее деревни Дымово. Передний край проходил по старой государственной границе между СССР и Латвией. На правом фланге позиции упирались в дорогу с твердым покрытием и мост через реку Синюю. В предутренних сумерках 6 июля я в сопровождении красноармейца занялся проверкой боевого охранения, которое находилось впереди переднего края на удалении около 800 метров, рядом с заброшенными строениями у перелеска. Когда мы вышли на место, то боевого охранения не нашли. Обеспокоенный, я начал осторожно передвигаться по местности, надеясь обнаружить своих подчиненных. Сопровождавший меня солдат обеспечивал прикрытие.

Немцы обнаружили меня через несколько минут. Раздались крики по-немецки и по-русски:

— Рус, сдавайся!

Я сделал вид, что не понимаю по-русски, а тем более по-немецки, и начал отползать к огневым позициям роты. Тут начался перекрестный огонь из стрелкового оружия. Добравшись до своего бойца, я приказал ему открыть огонь. И только поднял правую руку с наганом, как в нее попала пуля. Несмотря на ранение, оружия я не выпустил, перехватил его в левую руку и тоже начал отстреливаться. Вдвоем мы сумели броском достичь перелеска. Нас окружили, но здесь было легче укрыться от выстрелов приближающихся фашистов. Я уж было решил: все, пришел последний день. Но человек способен лишь предполагать. Политрук роты Колтыпин, услышав стрельбу, выслал в помощь стрелковое отделение. Командир роты был спасен от пленения. В расположении роты меня перебинтовали, а к вечеру отправили в медсанроту полка.

Позже стало известно: боевое охранение в составе стрелкового отделения было захвачено в плен в сонном состоянии. Конечно, это было моим упущением, которое, впрочем, можно объяснить: роту наспех

сформировали из числа отходящих солдат и сержантов разных частей, и я их не успел узнать как надо.

Всему миру известно, как обходились фашисты с гражданскими евреями. А как бы они поступили с пленным в бою, с оружием в руках, евреем-лейтенантом? И если даже допустить, что удалось пережить плен с лагерями и прочим, то что было бы с освобожденным на своей стороне? Там и там — крест! Огонь в одну точку с разных направлений и называется перекрестным. Вот так я побывал несколько решающих минут в перекрестье прицела судьбы...

Но в тот июльский рассвет это перекрестье не покинуло меня совсем, а лишь отошло в сторонку, выжидая очередной удобный момент. Может быть, вот это неумолимое перекрестье прицела и называют роком? В том случае, когда приготовленный выстрел-вариант не проходит мимо?

Я еще сумел пару часов покомандовать ротой, вернулся, уже раненый, к основному составу роты, а противник с ходу, уже огнем артиллерии прорвал наши позиции. Я доложил комбату, младшему лейтенанту Леусу, обстановку и то, что я ранен. Он приказал отправиться на полковой медпункт, а роту сдать политруку Колтыпину.

По дороге в полковой медпункт я попал под бомбежку и едва добрался до медпункта. Меня сразу же бросили в санитарку и повезли в госпиталь в Опочку. Город уже горел, десятки самолетов висели в небе и непрерывно бомбили все без разбора, в том числе горбольницу, куда меня привезли.

Где-то около 17 часов дня нас погрузили на открытую грузовую машину и повезли на станцию Новоржев, где должен был быть армейский госпиталь. Его там не оказалось, и нас разместили в каком-то большом сарае (типа клуни) на соломе, без перевязки. Утром 6 июля нас подняли, привели на вокзал. Подошел какой-то пассажирский поезд, и нас, более ста человек, погрузили в него. Мы тронулись, куда —

я не знал, однако к обеду я увидел на подходе большой железнодорожный узел — это была станция Дно, а к ночи нас привезли в Ленинград.

Из Ленинграда, в связи с высокой температурой и сильной отечностью правой руки, меня отправили в город Вологду, где на базе городской больницы развернулся госпиталь, в котором я пролежал до конца августа месяца 1941 года. Писал письма, правда левой рукой, но ни от кого не получил ответа. Однако, когда уже в мирное время я командовал механизированным полком, один из начальников штаба батальона майор Игнатьев (бывший курсант 7-й роты Камышловского пехотного училища, в которой я был старшиной) рассказал мне, как мое письмо читали в училище, а каким подъемом политработники его преподнесли...

В первых числах сентября я прибыл в распоряжение командира запасного командирского полка и стал проситься на фронт вместе с маршевой ротой. Однако там уже было много офицеров, раньше меня выписавшихся из госпиталя. Мне отказали.

РУБЕЖ НА РЕКЕ СВИРЬ

Почти 20 дней я находился в резерве, и наконец-то нас собрали в группу численностью примерно человек двенадцать и отправили в Москву, в Главное управление кадров, для комплектования новых дивизий. Из Вологды до Москвы в ту пору поезд шел более трех суток. Мы шли вне расписания — раньше пропускали воинские эшелоны. В Москве нас быстро распределили. Я получил назначение на командира строевой роты в Чернышевские казармы около Даниловского рынка. Прибыл туда, а старший по городку сказал, что сегодня можно весь день отдыхать, а к вечеру прибыть в городок. Помню, ходил по Москве и удивлялся. Стены Кремля разрисованы, как много-

этажные дома. Над Мавзолеем висит сделанное из полотна четырехэтажное здание. Окна ГУМа и других первых этажей домов заложены мешками с песком. В ГУМе я впервые в жизни купил себе ручные часы и долго их носил, пока в 1944 году нас не снабдили новыми часами со светящимся циферблатом, карманными.

По прибытии вечером в казарму нам сообщили, что мы должны убыть ночью в Солнечногорск на курсы «Выстрел», и почему-то по ошибке в предписании меня назвали майором. Это было неплохое предзнаменование, так как я, лейтенант, уже через год действительно, в сентябре 1944 года, получил звание майора.

На курсы «Выстрел» мы прибыли поздно ночью, утром разобрались, и меня определили в группу по подготовке командиров пулеметных рот. Тогда эта должность считалась выше командира стрелковой роты, и с нее уже назначали на батальон.

Там, между прочим, я встретился с лейтенантом железнодорожных войск Володей Волевичем, бывшим секретарем комитета комсомола. Того самого комитета, который в июне тридцать седьмого осудил меня за то, чего я не совершал и о чем никогда не мыслил. Начал-то травлю против меня он, Володя. Встретились мы — и никакого разговора. Сухо поздоровались — и все. Может быть, мне руки ему подавать и не стоило. Но ему-то я ничего плохого не сделал, а свинья-то была подложена мне... Интересно, какую судьбу он прошел и как примирился со своей совестью? И как распорядилась судьба с его характером? И как характер повлиял на судьбу? Разве не из слияния, взаимодействия этих двух трудно определенных по содержанию вещей рождается и развивается жизнь каждого из нас? Если судьба — величина неизвестная и потому независимая, то характер — тот наверняка хоть в чем-то подвластен воле его носителя.

Учеба на курсах «Выстрел» шла, несмотря на войну и непрерывные воздушные тревоги.

Вдруг 16 октября нас срочно сняли с занятий, сформировали офицерский батальон под командованием старшего преподавателя полковника Грызлова (бывшего командира стрелкового полка в городе Ростов-на-Дону).

Я был назначен командиром крупнокалиберного пулемета, со мною было еще шесть лейтенантов. В этот день шел снег, и его столько напало, не менее 20 сантиметров глубиной. Мы были одеты в хромовые сапоги, летнее (хлопчатобумажное) обмундирование и солдатские шинели, на голове у каждого у кого что было, у меня была кожаная меховая кубанка, единственная теплая вещь.

Погрузили нас на автомашины и отправили в город Клин. К этому времени обстановка в районе города Клин была, можно сказать, катастрофической (а это ведь в 150—180 километрах от Москвы). Немцы прорвали нашу оборону и устремились в двух направлениях: Клин, Москва и Волоколамск, Москва. Резервов ближайших — никаких. И вот, для организации преграды противнику, на Клин был брошен наш офицерский батальон, а также поспешные формирования из числа отходящих разрозненных подразделений. Офицерский батальон занял оборону по северной и северо-западной окраине Клина.

Целую неделю до 24 октября батальон держал свою позицию, несмотря на то что снабжение было очень плохое, не только боеприпасами, но и питанием. Хорошо, что местные жители не жалели нам картошки и соли. А водку подвозили прямо с городских складов. Это было единственное средство обогреться.

Батальон выполнил свою задачу и в ночь на 25 октября 1941 года был снят с фронта и отправлен в Солнечногорск, где уже полным ходом шла погрузка всего состава курсов в эшелон. Курсы «Выстрел» по приказу Ставки Верховного главнокомандующего

эвакуировались на Урал, как нам стало известно уже в ходе движения эшелона.

Эшелон прибыл в город Кыштым Челябинской области накануне празднования 7 Ноября. Недолго я задержался на курсах, и вскоре, во второй половине ноября, небольшая группа курсантов, ввиду плохого поведения, была отправлена на фронт. Причина отправки: мы обматерили комиссара нашего отделения полкового комиссара Пешкова. Скажу, что за долгую службу имел дела со многими политработниками, разной степени «сволочности», но такого ни до, ни после этого не видел. Правда, был после войны еще один — член Военного совета Приволжского военного округа генерал-лейтенант Ляшко. Даже политработники — его подчиненные не выносили его издевательств. Итак, опять на фронт.

До Свердловска мы добрались за одну ночь. В Свердловске мы двое суток ждали попугного транспорта на Вологду и далее — на Ленинград. В первую очередь один за другим шли эшелоны на Москву. Хорошо, что в Свердловске жила семья моего хорошего знакомого, курсанта Сапожникова из моей роты. Раньше, до армии, он работал помощником машиниста, жена — тоже железнодорожница из аппарата, и двое детей. Они меня приняли как родного. Помылся, постирался и по-человечески часа три поспал, пока Люся была на работе, а дети в садике. Вскоре пришли мои ребята и сказали, что через час отходит порожняк — санитарный поезд на Ярославль, через Вологду. Пришлось не прощаясь покинуть приютившую меня на несколько часов семью Сапожникова.

Как потом мне стало известно, в это время сам Сапожников, будучи командиром транспортной роты стрелкового полка, попал под артиллерийский обстрел и погиб в лесах в районе Тихвина.

Более 20 суток добирались мы до Вологды. Это вполне объяснимо: в первую очередь проходили эше-

лоны с войсками, боевой техникой и боеприпасами, а затем все остальные. По несколько суток стояли мы на маленьких разъездах, и, если бы не девчонки, медсестры эшелона, мы бы умерли с голода, они нам иногда приносили похлебку из их скудного пайка. Жаль, не помню ни их имен, ни фамилий.

Несколько суток ожидали мы попутные эшелоны на Тихвин, куда мы имели назначение. И только в конце декабря нам удалось попасть в эшелон военнопочтовой базы, с которым мы доехали до станции Бабаево. Наше знакомство с девчонками из ВПБ потом стало причиной того, что не все письма до нас доходили, так как некоторые они припрятавали для удобного случая. Так, извещение в 1943 году, в январе месяце, о том, что нашлись мои родители, я получил раньше, чем письмо от них самих, то есть по военным линиям связи. Задачей ВПБ была проверка содержания писем с фронта и с тыла. Всё находилось под неослабным оком НКВД.

Со станции Бабаево, где нас экипировали зимней одеждой и питанием, в связи с боями в районе Тихвина мы отправились пешком по зимнику (то есть по дороге, работающей только зимой, так как она была проложена через леса и болота).

Прошло более пятидесяти лет, но я до сих пор не могу забыть этот маршрут. Во-первых, населенные пункты со староверами жили добротнo, чисто, но хозяева нас в дома не пускали, приходилось ночевать в лесу у костра, а маршрут был более 230 километров. А там, где были маленькие населенные пункты лесорубов, дома были сделаны по-черному. Сруб, полуоткрытая крыша. В доме вместо печки все время горел небольшой костер и вдоль стен вокруг костра — нары. Так жили семьи, оставленные лесорубами, ушедшими на фронт. Еды, кроме даров леса (ягоды, грибы разные — соленые, сушеные), а также замороженной дичи, — никакой. Ни одного кусочка хлеба и очень-очень мало соли. Пришлось раздать почти весь свой

паек, до того было жалко малышей, закутанных в тряпье.

Более шести суток длился этот переход, и, наконец, 30 декабря мы прибыли в населенный пункт Оять, что в 40 километрах от линии фронта. Этот день нам дали отдохнуть после тяжелого перехода, по снегу пешком, глубина снежного покрова — 30—40, иногда и более 50 сантиметров. 31 декабря прибыли представители отдела кадров 7-й армии. Оказалось, что вместо Волховского фронта нас переназначили в 7-ю армию, которая прикрывала петрозаводское направление на реке Свирь между Онежским и Ладожским озерами и Дорогу жизни по Ладоге. Я получил назначение на должность командира батальона в 21-ю Пермскую стрелковую дивизию. Скажу честно, меня это не обрадовало, ведь я был лейтенантом, успел лишь неделю покомандовать ротой в бою. Я хотел на первых порах побыть заместителем командира батальона. Но кадровики сказали: «Поедешь завтра в дивизию, представишься командиру, и он решит».

Новый год я впервые в жизни (до этого как-то не принято было это отмечать) встретил в Ояте. Пришли молодые врачи из хирургического госпиталя, принесли спирт. Мы сложили свои пайки и только сели за стол, как забежал начальник госпиталя, вылил спирт на пол, забрал своих врачей, но молодость взяла свое, и без спирта и девчонок мы повеселились и уснули богатырским сном.

Рано утром на санях, запряженных дохлыми лошадами, прибыл офицер связи из 21-й дивизии, и мы отправились на командный пункт дивизии. Оказалось, что в эту дивизию назначение получил только я один, — повезло. К вечеру мы прибыли на КП дивизии. Меня определили в оперативное отделение, где я должен был ждать до утра 2 января 1942 года прибытия командира и комиссара дивизии, которые на ночь уехали в тыл в баню. Война войной, а мыться надо.

В оперативном отделении меня окружили офицеры, проявившие ко мне, как к «бывалому» фронтовику, большой интерес. 21-я дивизия лишь в конце ноября 1941 года прибыла с Дальнего Востока из города Спасск в Приморье. С ходу вступила в бой. Дивизия была укомплектована кадровым составом — ни одного запасника, — причем имела в своем составе более 15 тысяч человек, в том числе три стрелковых полка (94, 116 и 326-й), два артиллерийских полка (пушечный и гаубичный), зенитный полк, танковый батальон, саперный батальон, батальон связи, автомобильный батальон и целый ряд специальных подразделений, в том числе разведывательный батальон¹.

Удар дивизии был до того неожиданным, что финны буквально бежали за реку Свирь. Дальше про-

---

¹ 21-я стрелковая дивизия сформирована 3 сентября 1918 г. из отдельных партизанских отрядов Пермской губернии под наименованием 5-й Уральской пехотной дивизии. 19 марта 1919 г. переименована в 21-ю стрелковую дивизию.

На 22 июня 1941 г. дислоцировалась на Дальнем Востоке (Спасск-Дальний), 11 сентября 1941 г. переброшена на северный участок советско-германского фронта и заняла рубеж по реке Свирь. После отражения наступления противника занимала оборону на том же рубеже вплоть до марта 1943 г., затем переброшена еще севернее, в Заполярье. Участвуя в разгроме группировки финской армии в районе Алакуртти, вышла на советско-финскую границу.

Позднее дивизия была переброшена в Молдавию, а затем в Венгрию, где участвовала в боях в районе Будапешта, находилась на участке главного удара двух немецких армий в марте 1945 г.

Состав дивизии: 94, 116, 326-й стрелковые полки, 78-й легкий артиллерийский полк, 109-й гаубичный артиллерийский полк (до 9.02.1942), 93-й отдельный истребительно-противотанковый дивизион, 37-я разведрота, 56-й саперный батальон, 2-й отдельный батальон связи (761-я отдельная рота связи), 64-й медико-санитарный батальон, 74-я отдельная рота химической защиты, 129-я автотранспортная рота (430-й автотранспортный батальон, 801-я автотранспортная рота), 5-я ремонтно-восстановительная рота, 724-я (79-я) полевая хлебопекарня, 17-й (186-й) дивизионный ветеринарный лазарет, 46-я дивизионная авторемонтная мастерская, 130-я полевая почтовая станция, 40-я (264-я) полевая касса Госбанка.

двинуться дивизия не смогла, так как вела бой на широком фронте, более 15 километров в условиях бездорожья лесисто-болотистой местности. К моменту моего прибытия в дивизию уже неделю она стояла в обороне. Меня встретил начальник оперативного отделения дивизии подполковник Иван Зорин, в последующем командир 94-го стрелкового полка, а затем и начальник штаба дивизии.

Рано утром 2 января меня представили командиру дивизии и комиссару. Командир — полковник Петр Виссарионович Гнидин¹, комиссар — бригадный комиссар Д.П. Семенов². Была очень длительная и содержательная беседа. Они в подробностях интересовались началом войны за западе, первыми боевыми действиями. Я, в меру своей осведомленности, рассказывал. Видимо, мой рассказ им понравился. Здесь же командир предложил мне принять стрелковый батальон в 94-й стрелковом полку.

Я убедительно попросил дать мне возможность вначале стать заместителем командира, войти в обстановку, освоиться, а потом, если буду достоин, назначить на батальон. Комиссару дивизии моя просьба понравилась, и меня отправили в этот же день заместителем командира 1-го стрелкового батальона 94-го стрелко-

---

¹ Г н е д и н (до июля 1944 г. — Гнидин. По указанию И.В. Сталина фамилия была изменена на Гнедин) Петр Виссарионович (27.09.1893—1.02.1962) — генерал-майор (1942). В русской армии с 1914 г., младший унтер-офицер. В Красной армии — с января 1918 г. Участник Гражданской войны, комиссар кавалерийский бригады, командир кавалерийского полка. С мая 1941 г. — командир 21-й стрелковой дивизии 7-й отдельной армии. С февраля 1944 г. — командир 4-го стрелкового корпуса той же армии. С ноября 1944 г. — командир 135-го стрелкового корпуса 4-й гвардейской армии 3-го Украинского фронта. С сентября 1947 г. в запасе.

² С е м е н о в Дмитрий Прокофьевич (1906—1967) — генерал-майор (6.12.1942). Военный комиссар 21-й стрелковой дивизии (5.05.1940—25.05.1942), 4-го стрелкового корпуса (15.06.1942—10.07.1942), член военного совета 28-й армии (29.09.1942—17.11.1943), 8-й гвардейской армии (9.12.1943—9.05.1945).

вого полка. Командиром полка был майор Сопенко¹ (впоследствии генерал-майор). Комиссар — старший батальонный комиссар Емельянов, начальник штаба полка — майор Антонов (в 1947 году случайно встретил в Военной академии имени Фрунзе в чине полковника), заместитель начальника штаба полка — капитан Коля Жаренов (служили вместе до конца 1943 года. После войны генерал-майор Николай Гаврилович Жаренов — командир воздушно-десантной дивизии, впоследствии начальник Уссурийского суворовского училища, уволился в 1968 году. Жил в городе Житомире, умер в 1986 году, накануне Дня Победы).

Первым, кто меня встретил в полку, оказался Коля Жаренов, а также начальник разведки полка капитан Ахмадеев (башкир по национальности). Полк занимал оборону на фронте шириной 15 километров, имел все три батальона в линию. 1-й батальон был на правом фланге на фронте четыре километра. Справа — непроходимое болото Куйдо, слева — озеро и заболоченный участок в направлении железнодорожной станции Януега.

Командиром батальона был майор Лопухин, комиссаром — старший политрук Костенко, начальником штаба капитан Винокуров, страшно заросший бородой. Буквально через неделю майор Лопухин убыл к новому месту службы, и вместо него был назначен старший лейтенант Мусабинов, которого я звал «великий святой татарского народа», а он меня тоже «великим» — еврейского народа. Воевали мы с ним дружно. Мусабинов, уже будучи в должности заместителя командира полка в соседней дивизии, погиб в ходе наступления на Петрозаводск.

Я уже писал, что батальон оборонялся на широком фронте с наличием разрывов между ротами. Зимой

---

¹ С о п е н к о Василий Каленикович — командовал полком 23.06.1938—26.01.1942. Командир 368-й стрелковой дивизии 11.06.1942—9.05.1945. С 16.10.1943 генерал-майор.

снежный покров глубокий, оборонительных сооружений, кроме траншей в снегу и отдельных ячеек для стрельбы стоя, не было. Для отдыха и обогрева были выкопаны котлованы, перекрытые бревнами в несколько накатов. Мне по заданию командира приходилось беспрерывно находиться на переднем крае для организации патрулирования в разрывах между взводами, а также для высылки снайперов за передний край. Естественно, я многократно попадал под пулеметный и артиллерийский огонь с флангов, но Бог меня миловал, хотя и бывал в очень сложных ситуациях, особенно при передвижении на лыжах между взводами и ротами.

Один такой случай запомнился особенно.

По указанию комбата я направился в левофланговую роту. Надо было пройти метров 800. Хорошо протоптанная в глубоком снегу тропа, маскхалат... Вдруг, не дальше как в пятидесяти метрах, слышу финскую речь. И вижу: четверо финнов движутся на лыжах в мою сторону. Я один, силы неравные, пришлось залечь. Когда до них осталось метров тридцать, решил их расстрелять. Все-таки в руках автомат. В качестве личного оружия мне незадолго до этого вручили крайне тяжелый финский автомат «суоми». До этого я из него ни разу и не стрелял.

И вот, в самый ответственный момент, вместо поражающей очереди раздался лишь громкий щелчок, — пуля застряла в стволе. Финны услышали загадочный звук и, круто повернув назад, заработали лыжными палками. Я же, то ли чтобы добавить им страху, то ли чтобы снять свой испуг, стал им вдогонку что-то кричать.

Потом думал: то ли любящий осечки и заклинания автомат «суоми» приглашал меня побыть военнопленным в стране своего производства, то ли тот же перекосящий пулю и звук холостого движения затвора не согласился с желанием всего механизма?

Опомнившись, я увидел первую из несостоявшейся очереди пулю, наполовину торчавшую из ствола. Спас меня автомат или нет — пришлось его выбросить. Но в одиночку больше не ходил и, кроме отечественного автомата, всегда держал за пазухой ватной телогрейки пистолет ТТ. А за пазухой потому, что при сильном морозе смазка в нем застывала, и стрелять он отказывался.

Зима 1942 года была крепкой и тяжелой. Все дороги замело снегом, подвоз всех видов снабжения ограничился до минимума. Из полковых складов, расположенных от передовой на расстоянии до десяти километров, солдаты носили на себе промерзший в лед хлеб, пакеты горохового супа-пюре и такой же заледеневшей пшенной каши. Мерзлый хлеб рубили саперными лопатками, потом разжигали костер и грели его. Убитых лошадей мы ели. Было очень тяжело. Не только еды, но и боеприпасов было мало. Приходилось экономить. Одеты, правда, мы были неплохо. Были валенки, ватные брюки. Я полушубком почти не пользовался, потому что еще у нас было две пары белья — обычное и теплое. Летом нам давали сапоги. На голове — пилотка со звездой. Еще был подшлемник. Это теплая шерстяная шапка, надевавшаяся под шлем. Была еще теплая фуфайка. В ней я ходил до июля. Там все-таки и летом было прохладно. Иногда нам давали водку. На каждый батальон была бочка. Каждому наливали по 100 граммов. За долгую зиму люди отошали, появилось немало дистрофиков.

За все это время, более полутора месяцев нахождения в батальоне, я, как и все, ни разу не купался, а только менял белье. Вшей бывало ужас сколько. Буквально, сбросишь гимнастерку на снег, а она колышется. Вытряхнешь вшей — и опять надел, опять вперед, в подразделения.

В последних числах февраля 1942 года, а к этому времени я уже стал старшим лейтенантом, меня вы-

звали с вещами на КП дивизии. Я и Мусабилов поняли, что мы расстаемся, и чувствовалось почему-то, что навсегда, правда, спустя полтора месяца мы снова встретились на короткое время в бою, когда я атакой уже своего батальона ликвидировал угрозу окружения батальона Мусабилова. Об этом разговор будет ниже.

Поздно вечером я прибыл на КП дивизии, представился командиру, а тот, не давая передышки, приказал отправиться в 326-й Верхнеудинский стрелковый полк. Уже за полночь на лыжах прибыл в штаб 326-го полка, где еще не спали мой знакомый по 94-му полку начальник штаба майор Антонов и заместитель командира полка майор Володя Костров (Владимир Петрович — очень толковый штабной офицер, образованный и обходительный). Командир полка — полковой комиссар Юсупов (заменивший в бою раненого командира), комиссар — старший батальонный комиссар Малофеев. Они оба спали, причем, видимо, не одни, поэтому их не будили, а приказали без доклада отправиться и принять 1-й стрелковый батальон 326-го полка, ведущего бой на фронте гидроэлектростанция Свирь-3 — город Лодейное Поле.

С ходу включился в обстановку и только на следующий день основательно разобрался в обстановке. Это было 25 февраля 1942 года. Комиссаром батальона был политрук Шубкин Вячеслав, начальником штаба батальона — старший лейтенант Блинов, командиром 1-й роты — капитан Никитин, политруком роты — политрук Черныхов (погиб в ноябре 1942 года в бою за гору Верблюд), командиром 2-й роты — капитан Батраков (скоро его сменил старший лейтенант Маслов), командиром 3-й роты — капитан Молев, командиром пулеметной роты (12 станковых пулеметов «максим») — капитан Родимов, а командиром взвода связи — лейтенант Карев. Фамилий командиров минометной роты и других подразделений уже не помню.

Командиры встретили меня вначале очень настроенно, но потом мы воевали дружно, относясь с большим уважением друг к другу. Не помню, на второй или третий день моего командования, незадолго до наступления вечера, раздался телефонный зуммер и телефонист докладывает:

— Вас вызывает командир полка.

Это было в первый раз за все истекшие сутки. Ни «здрасте», ничего, кроме мата:

— Ты чего сидишь там, у тебя финны под носом открыли шлюзы и под этот шум подтягивают танки. Сейчас тебя с твоим батальоном разгромят.

Я ему в ответ:

— Шум слышу. Наблюдатели видят движение нескольких десятков одноконных саней по дамбе, у меня их нечем достать.

Он опять:

— Ты смотри мне, а то вот приеду, в уши наосу и заморожу!

Мой ответ лаконичен:

— Слушаюсь.

Это потом, позже, спустя пару недель, я научился обстреливать финнов дальним пулеметным огнем из закрытых позиций. Причем довольно эффективно.

Так я продолжал вести бои больше двух недель, а командира полка и комиссара так и не видел.

КУРИНАЯ СЛЕПОТА

Боевые действия батальона, то оборонительные, то наступательные (главным образом контратаки), с переменным успехом длились до середины марта 1942 года, когда вдруг 15 марта я получил приказ сдать район обороны подразделениям 67-й стрелковой дивизии и сосредоточиться к утру 16 марта в рощах северо-восточнее населенного пункта Тенежечи, недалеко от командного пункта полка. Смену я закончил, едва-

едва успев к утру, а вот выйти в течение ночи в указанный район не смог. И это пришлось делать уже с наступлением светового дня. Хорошо, что финская авиация в этот день не работала, несмотря на прекрасную погоду.

Проходя мимо командного пункта полка, я впервые прибыл к командиру полка с докладом. Когда я зашел в блиндаж, где было уютно и тепло, особенно после окопов, я увидел перед собой высокого худого татарина в форме полкового комиссара (4 шпалы в петлицах). Он меня, к моему удивлению, очень приветливо встретил, поблагодарил, что я сумел за ночь сдать район, а то, что днем сосредоточусь в новом районе, — не очень хорошо, но авиация противника бездействует. Здесь он подозвал адъютанта, а мне сказал, скорее утвердительно:

— Водку пьешь.

Я не успел ответить, как адъютант поднес мне эмалированную кружку с водкой, а командир приказал немедленно выпить. Я ранее так много водки не пил и хотел было отказаться, однако мой комиссар батальона подергал меня за фуфайку и шепнул:

— Пей, иначе будет скандал.

Я выпил и хорошо помню, как с комиссаром едва-едва добрался к какому-то заброшенному дому, без окон и дверей, и свалился в угол спать, а начальник штаба Блинов стал оборудовать командный пункт.

Я проспал, видимо, где-то часа три-четыре, а когда проснулся, в центре дома горел небольшой костер и было тепло. А на улице мороз 10—15 градусов и снегу не меньше метра высоты. Здесь же мне вручили приказ: с наступлением ночи совершить марш протяженностью 40—45 километров и к утру сосредоточиться в районе населенного пункта 10—12 километрами южнее озера Ван-озеро.

Я собрал командиров рот и был поражен докладами командиров о том, что примерно 70—80 процентов личного состава ночью не видят, то есть страдают ку-

риной слепотой. Что делать? Доложить командиру полка, но он все равно прикажет выполнять. И я решил с наступлением темноты построить батальон по-ротно, в две шеренги. Впереди иметь зрячих солдат и офицеров, вдеть лыжные палки в палки и так двигаться по лыжне. В голове колонны шли я и комиссар, и так мы начали движение.

Примерно через два часа после начала марша — а шли мы параллельно накатанной дороге — вдруг из-за поворота появились огни фар автомобиля. Я продолжил движение, а по колонне пошла команда: командира и комиссара батальона к автомашине командира дивизии. Мы остановили движение и быстро на лыжах спустились к дороге, где стоял автомобиль М-1 с командиром дивизии. Я подъехал на лыжах и четко, громко доложил командиру дивизии: кто, куда, с какой задачей двигается. А он мне говорит:

— Почему батальон идет палка в палку, ведь это замедляет движение?

— Верно, — доложил я командиру, — но причина в куриной слепоте.

Он сам был поражен этому сообщению и сказал, что с прибытием в новый район примет соответствующие меры. Здесь же спросил:

— А вы курите?

— Да, товарищ полковник.

— А курить есть чего?

— Нет, — отвечаю я, — вот уже несколько дней, как наши запасы кончились.

А запасы эти составляли сухие листочки какой-то травы, которые находили в стогах сена в нейтральной зоне, и немало людей было ранено в ходе добывания из нейтралки этой травы.

— Ладно, — говорит командир дивизии и раскрывает свой портсигар, — берите, сколько унесете.

Я взял две папироски, а комиссар, не стесняясь, хотя и не курил, взял штук десять. Это была хорошая

мысль. Распрошавшись, командир дивизии пожелал нам успеха.

С большим трудом мы к рассвету добрались к месту сосредоточения и весь день отдыхали. Там предстоял еще один переход, и тоже ночью. Наш полк выводился во второй эшелон в преддверии наступления. Мой батальон сосредоточивался в 4—5 километрах позади 1-го батальона 94-го стрелкового полка, то есть того батальона, где я был заместителем командира. Местность была мне знакома, и мы в течение десяти дней подготовили район. По приказу командира дивизии нам прислали приличное количество куриной печенки, которую в сыром виде ели мои люди, и это их излечило от куриной слепоты.

Эпизод этот, конечно, не-столь значителен сам по себе, но симптоматичен. Оглядываясь назад, я признаюсь себе, как часто я оказывался в положении больного куриной слепотой. Что полезно, а что вредно? Ведь все зависит не от непосредственного восприятия, а от последствий того или иного поступка, часто весьма и весьма отдаленного. И вообще: непонятный нам рок — он добрый или злой все-таки? Правомерно ли оценивать то, что вне нашего разумения, привычными земными плюсами-минусами?

Подумал я о том, что скрыто от нас в повседневности завесами незнания, и вспомнил историю из жизни человека, который к небу ближе любого из нас. Имя его известно на земле всем — Моисей. Тот Моисей, которого считают автором Пятикнижия, ядра Ветхого Завета. В юности он встретил человека, известного более всего под именем Хизр. Человека-легенду, которого традиция многих народов относит к бессмертным, равным, к примеру, пророку Илье, вознесенного на небо живым.

Хизру Бог даровал вечную жизнь. Ходит он по земле, помогает людям в беде и открывает истину, которая чаще всего вне нашего разумения. Не всем, конечно, открывает... И Моисей, само собой, встре-

тился с ним не случайно, и сразу понял, кто перед ним. И, склонившись перед носившим зеленые одежды праведником, попросил разрешения идти рядом, чтобы научиться человеческой мудрости. Хизр согласился, ибо наверняка знал миссию, возложенную на Моисея. Но предупредил, что не хватит у его юного спутника понимания и терпения, чтобы выполнить необходимое условие. А условие такое: не спрашивать Хизра о причинах его поступков и не порицать его. Естественно, Моисей не выполнил условия, не выдержал испытания по причине юношеской горячности и торопливости в суждениях.

Легенды упоминают о трех эпизодах из их совместного путешествия. Первый: Хизр, проходя по берегу рядом с поселком бедных рыбаков, продырявил одну из лодок. То есть, исходя из нашего понимания, совершил плохой поступок, даже вредительский, нанес серьезный урон рыбацкой семье. Второй: он лишает жизни встреченного близ одного из селений мальчика. Это уж совсем ни в какие ворота, не так ли? Третий: чинит ветхую стену одного из домов в селении, в котором их встретили весьма негостеприимно.

Всякий раз Моисей упрекает Хизра за совершенное и постоянно задает вопросы, нарушая изначальную договоренность. Хизр делает вид, что раздражен до предела, и прощается со спутником. Но перед расставанием объясняет смысл своего поведения, всю стоящую за ним мудрость, невидимую человеческим, ограниченным во времени и пространстве разумом. А оказалось так... Он спас рыбаков от более страшного исхода — от пленения вместе с лодкой царьком-тираном, который в те дни пиратствовал вблизи берегов. Он убил мальчика, которому предназначено было стать злодеем-преступником, и тем дал возможность родителям избежать неисчислимых горестей и бед. А вместо этого сына у них будет рожден другой, добродетельный. Что касается стены, то в ней хранился клад, спрятанный умершим уже отцом детей-

сирот, живших в этом доме. Клад был предназначен именно им, и они найдут его, когда подрастут. Иначе ценности достались бы соседям — людям злым и неправедным. Такова история с Моисеем. А еще, говорят в преданиях, Хизр встречался с Александром Македонским, в жизни которого тоже немало загадок и тайн.

Да и не только поступок, но и каждое слово имеют несколько толкований-смыслов. Особенно ярко видно это на примере знаменитых притчей Иисуса. Желающему откроется не только буквальное значение его слов, но и тайный смысл.

Откройте Евангелие от Луки: «Может ли слепой водить слепого? Не оба ли упадут в яму?» Разве здесь говорится только о глазах как органе зрения? Не больше ли о невежестве, о непонимании, об отдаленности от истинного знания? Не потому ли сборище глупцов обычно называют вавилонским столпотворением?

Для солдата нет вопроса, в справедливой или несправедливой войне он участвует. Это уже много позже идеологи обволакивают прошлое ярлыками надуманной морали, чтобы затем обвинить или оправдать тех, кто на полях боев проливал кровь и отдавал свои жизни. Для солдата имеет значение только приказ, отданный тем, кто представляет для него волю родной земли.

Кому позволено судить тех, кто мерз в снегах Суоми, тех, кто остался там навсегда?

Снег финского Приполярья особенный — он и обжигающе холоден, и ослепляюще, по-летнему ярк одновременно. Для нас он тогда был яростен и враждебен; а для с рождения живущих среди него — родственно мягок и спасителен.

Батальон шел по красной карандашной стреле, видимой только на штабных картах, и не было альтерна-

тивы приказу: взять кусочек чужой земли или погибнуть. Погибнуть или взять! Невыполнение приказа исключает солдата из списка живых.

Перед боем на севере устанавливается загадочная тишина, каждый звук напрягает, зрение ищет скрытую опасность, красота природы проходит мимо восприятия. Солдаты России всегда умели воевать. Но и финны хорошо сражались на своей земле, на своем снегу. Ведь героями становятся по обе стороны фронта. А патриотизм, по сути, интернационален.

...Тот финский солдат в районе гидроэлектростанции Свирь-3 был героем. Оборона финнов проходила 500 метрами восточнее поселка Свирь-3, на нашем берегу. Там были обустроены несколько огневых точек. Особенно ярко велся огонь из двухэтажного продолговатого каменного дома, окрашенного в желтый цвет. На всю жизнь запомнил я эти непрерывные потоки пулеметного огня.

С военной точки зрения выбор огневой позиции был безупречен. Солдат тот был талантливым воином. По его, пусть во многом интуитивному, расчету советский батальон не должен был выполнить боевую задачу и весь полечь на искрящемся жарком снегу.

...Судьба капризна и переменчива, враги становятся друзьями, друзья — врагами. Первое воспринимается с радостью, второе — горько. Разве такое — не парадокс человеческого бытия, один из многих? Предугадать и то и другое у меня никогда не получалось. Как и в тот момент...

Напрягая мышцы и волю, мы пробивались сквозь снег, шаг за шагом сдвигая линию фронта на запад. Ожесточенного, изматывающего силы человеческого сопротивления не было, сопротивлялась природа. Перебежки, переползания, свист пуль, стоны и крики раненых — все как положено на войне. Но вдруг — пулеметный огонь, длинными очередями, и — неизвестно откуда. Достаточно одного пулеметчика, чтобы остановить рвущуюся вперед роту, если этот пулеметчик уме-

ет выбрать огневую позицию и знает свое оружие. Нам «повезло», именно такой и появился перед нами.

Атака моего батальона захлебывалась... Я в бессилии оглядывал поле боя, пытаюсь принять правильное решение. А солдаты зарывались в снег, понимая, что вперед двигаться стало невозможно, а назад — нельзя. Пулеметчик нащупывал цели, появились тяжело раненные и убитые, число их росло. Наконец я определил его местонахождение: второй этаж окрашенного в желтый цвет здания, среди тех самых строений, которыми мы должны овладеть.

Обычным стрелковым оружием с дальней дистанции пулеметчика взять было невозможно. Я попытался представить его себе: возраст, одежду, настроение, мысли... Отношение к нему в тот момент было двойственным: «Гад, сволочь, как же до тебя добраться?! Дай только придумать, и я тебя своими руками...» И тут же: «А ведь молодец! Как отлично устроился: один против целого батальона, и держится, не трусит. Патронов, видно, достаточно, готов всех нас зарыть в свою землю».

Я не буду сейчас в деталях описывать тот бой, не в том задача. Выход мы нашли, приказ был выполнен точно и в срок, с минимальными потерями. Но этот эпизод напрямую связан с другим, отстоящим на годы вперед. В этой связи все дело.

...В середине октября 1982 года начальник Генерального штаба Вооруженных сил СССР Маршал Советского Союза Н.В. Огарков поручил мне встретить и сопровождать финскую военную делегацию, возглавляемую начальником Военной академии Финляндии генералом Сеттеле. Генерал оказался человеком весьма толковым и общительным. Финны ставили задачу познакомиться с опытом работы наших высших военно-учебных заведений.

Побывали они в Московском высшем общевойсковом командном училище, в военной академии бронетанковых войск, в других вузах. На очереди — поездка

в Солнечногорск, на высшие академические курсы «Выстрел». Переводчик мой опаздывает, и я принимаю решение ехать вместе с генералом Сеттеле в одной машине без посредника. Я немного владел английским, и этого оказалось достаточно для нормального общения. Он рассказывал о своей жизни, о том, что окончил военную академию в Лондоне, а во время Второй мировой был рядовым... Я говорил о себе, беседа получилась очень теплой. И вот он задает вопрос:

— Почему вы, господин генерал, так правильно называете финские населенные пункты и так подробно знаете местность Финляндии?

Я отвечаю, что во время войны с конца сорок первого до середины сорок второго года воевал против финнов. А он, заметно удивленный, говорит, что в те же месяцы воевал против русской армии. Естественно, я его спрашиваю:

— В каких же местах?

— В междуречье Ладоги и Онежья, на реке Свирь, — отвечает Сеттеле.

Я, не менее удивленный, говорю:

— Так я именно там и был, в районе гидростанции города Свирь-3 и города Лодейное Поле.

— В Свири-3, — сообщает он ошеломляющую новость, — я служил пулеметчиком.

Тут я ему и рассказываю, как один пулеметчик однажды очень нас обеспокоил своим непрерывным огнем со второго этажа двухэтажного дома, выкрашенного в ядовитый желтый цвет. Тут генерал Сеттеле, еще больше взволновавшись, признается, что именно там, на втором этаже этого дома, и была его позиция...

Я ему говорю:

— Ваш бесконечный огонь, как вы помните, большого вреда нам не принес. Но вы заставили нас задуматься, изменить рисунок боя. Чего только стоило продвижение в глубоком снегу от укрытия к укрытию... Ведь перед вами был батальон, которым командовал я

в звании старшего лейтенанта. И вот я перед вами, целехонький...

Он мне заявляет:

— И я перед вами целехонький! Хотя ваши маленькие пушчонки тогда нас здорово беспокоили. Нам офицеры говорили, что перед нами какая-то особая дивизия, снятая с границы России с Маньчжурией, оккупированной Японией.

— А вы, — говорю я финскому генералу, — воевали в составе пехотного батальона, единственного на этом участке финской танковой бригады?

— Правильно, — отвечает он, — это действительно было так.

Пишу эти строки и спрашиваю себя: а как бы мы тогда поступили оба, если б смогли заглянуть оттуда в день будущий, узнать то, чего тогда и предполагать не могли? А если бы о дне сегодняшнем знали в дни войны все воевавшие по обе стороны фронта? А может, и лучше, что человек не может предвидеть? Ведь могла бы возникнуть такая великая путаница, что история превратилась бы в хаос, в переплетение абсолютных случайностей... Такой хаотично устроенный материалистический мир не способен долго существовать, ибо человеческий разум не способен объять всей суммы событий и их последствий...

Ко множеству размышлений привело меня сопоставление описанных выше двух встреч. В частности, вторая встреча с финским воином имела и неприятные последствия. Не положено было мне в те времена общаться с иностранным генералом без переводчика, без свидетелей. А водитель моей машины не знал английского, на котором мы беседовали. У моего непосредственного начальства возникли тогда некоторые подозрения относительно моей политической позиции, и я получил большой нагоняй от соответствующих органов.

ВЕСНА 1942 ГОДА. НАСТУПЛЕНИЕ НА РЕКЕ СВИРЬ

После морозной, снежной зимы 1942 года по приказу командующего 7-й армией генерал-лейтенанта Гореленко¹ мы стали готовиться к наступлению. Зима была крепкой и тяжелой. Всюду лежал глубокий снег, и потому даже на поле боя мы передвигались преимущественно на лыжах. По плану наступления мой батальон предназначался для развития успеха 1-го батальона 94-го стрелкового полка, действовавшего впереди. Исходное положение батальона было севернее деревни Ван-Озеро. Мы должны были продвигаться через деревню на город Подпорожье.

Наступление велось очень низкими темпами, и потому финнам удавалось парировать наши удары. И вот первый эшелон захлебнулся в атаке, и мне пришлось ввести в бой свою вторую стрелковую роту, которая успешно атаковала противника во фланг и продвинулась на 600—700 метров в глубину, где была остановлена хорошо оборудованной обороной противника. Однако действия роты обеспечили возобновление ата-

---

¹ Гореленко Филипп Данилович (26.11.1888—25.01.1956) — генерал-лейтенант (1940). Герой Советского Союза (21.03.1940). Участник Первой мировой войны, прапорщик. В Красной гвардии с ноября 1917 г. В Красной армии с 1918 г. В Гражданскую войну командовал партизанским отрядом, полком, бригадой, стрелковой дивизией. С августа 1939 г. — командир 50-го стрелкового корпуса 7-й армии Ленинградского военного округа. Участник Советско-финской войны. За умелое руководство корпусом и личное мужество удостоен звания Героя Советского Союза. С января 1941 г. Ф.Д. Гореленко — командующий 7-й отдельной армией Ленинградского военного округа.

С начала Великой Отечественной войны по сентябрь 1941 г. и с ноября 1941 г. по июнь 1942 г. командовал 7-й армией Северного, а затем Карельского фронтов, преобразованной в сентябре 1941 г. в 7-ю отдельную армию. С июня 1942 г. и до конца войны — командующий 32-й армией Карельского фронта. В ноябре 1944 г. 32-я армия была выведена в резерв Ставки ВГК, а в августе 1945 г. ее управление расформировано. После войны помощник командующего войсками Белорусского военного округа.

ки первого эшелона наших войск, и они углубились в оборону противника на километр.

Но дальнейшего развития наступление не получило, активные боевые действия были прекращены. Этот неудачный опыт наступления зимой выявил много недостатков. Стрелковые подразделения не могли успешно действовать в глубоком снегу в лесисто-болотистой местности — не было опыта ни у бойцов, ни у командиров. Боеприпасов, особенно артиллерийских, не хватало, и огневое обеспечение боя было скорее символическим, чем реальным. В таких условиях и упущенная мелочь становилась серьезным препятствием. К примеру, крепления лыж к валенкам были весьма примитивны — всякие там веревочки на палочках, — что резко ограничивало темп движения: лыжи то и дело срывались с ног. Другими словами, подразделения были экипированы слабовато. Штабы плохо изучили передний край и оборону противника, многие огневые точки и артиллерийско-минометные позиции не были выявлены... Потому и боевые задачи, как и в общем цели наступления, формулировались расплывчато. Да плюс истощенный вследствие плохого питания личный состав! Единственное достижение от неудавшегося наступления — передний край приблизился к противнику на расстояние 300—400 метров и обеспечил выгодное положение для организации обороны.

Итак, дело было в конце апреля сорок второго. После безуспешного весеннего наступления 1-й батальон 326-го стрелкового Верхне-Удинского полка, которым я командовал, сменил подразделения 94-го стрелкового Осиновского полка и занял оборону. Слева от нас непроходимое Куйдо-болото, справа, в четырех километрах, — высота 98,1.

И небо, и земля смотрели на нас холодным неродным прищуром. Продолжала царить зима. Обилие снега, насквозь промерзший грунт, стылый ветер, отсутствие как естественных, так и искусственных укрытий.

Обстановка располагала к унынию, но войска ждали перелома и стремились к празднику. А праздниками нам могли стать только успешные действия на фронте, пусть пока и малозначительные с точки зрения общей стратегии.

Грунт ни на сантиметр не поддавался никакому долбежному инструменту. Окопы и прочие огневые позиции сооружались из снега. Разведение огня было запрещено, но холод и сырость грозили уничтожить батальон без единого выстрела. Нарушая приказ, мы занимали нейтральные высоты и на обратных к противнику скатах устраивали небольшие костры. Только так можно было немного согреться и просушить, не снимая, валенки и портянки.

Мой наблюдательный пункт находился на высоком дереве, что стояло у высоты, обозначавшей правый фланг батальонного района обороны. Влезть на НП, как и слезть с него, всякий раз было серьезной проблемой. Но эти гимнастические сложности компенсировались отличными условиями наблюдения. Как-то ко мне наверх вскарабкался мой подчиненный — капитан Родимов, командир пулеметной роты, имевшей 12 станковых пулеметов «максим».

Стояло раннее, прозрачное, пронизанное цветными морозными искрами утро. На той стороне оживали позиции противника. С высоты дерева мы хорошо видели, как из глубины вражеской обороны по узкоколейке к переднему краю движется паровозик, тянущий несколько вагонов. Вот он останавливается, и к составу со всех направлений тянутся солдаты с ведрами и котелками. Мы впервые своими глазами увидели, как «вертушка»-паровозик подвозит на позиции питание.

Родимов задумался на минуту и тихонько мне говорит:

— Давайте мы их крепко побеспокоим. Предлагаю обстрелять их в это время из станковых пулеметов с закрытых огневых позиций.

Предложение неожиданное, но оригинальное. Через сутки огневые позиции для четырех «максимов» и данные для стрельбы были готовы.

Очередной рассвет. Я на дереве-НП со стереотрубой. Все идет по распорядку, финны пунктуальны не хуже немцев. Подходит «вертушка». Я даю команду на открытие залпового огня, по 250 патронов в каждой пулеметной ленте. Наблюдаю результат. Несколько десятков солдат падают недвижимыми в снег, остальные разбегаются и уползают.

Мы повторили опыт еще несколько раз, также по утрам и днем. В ответ финны выпустили не одну сотню артиллерийских снарядов, но безрезультатно, ибо стреляли наугад. Обнаружить с той стороны огневые позиции пулеметов на обратных скатах высоток было невозможно. Да и кто мог даже предположить, что пулеметы стреляют не по классическому варианту, а вслепую, по наводке комбата, находящегося на дереве!

Как и говорил капитан Родимов, «побеспокоили» мы противника крепко. «Вертушка» больше днем не появлялась, снабжение переднего края разладилось. Я представил командира роты и наводчиков пулеметных расчетов к наградам, а опыт использования пулеметов для стрельбы с закрытых огневых позиций быстро распространился по всей дивизии.

Таковыми вот небольшими праздниками мы украшали будни, но общая стратегическая обстановка не менялась. Я ежедневно обходил передний край обороны батальона. Утром 20 апреля решил побывать на НП командира 2-й стрелковой роты капитана Маслова. Разогревшееся солнце торопило запоздавшую весну, снег оставался только в тени да в низких местах-углублениях. Кругом — сыро и мокро. Иду по скользкой и водянистой земле, и вдруг рядом с ногой «чиркает» пуля. Естественно, я бросился в обильно перемешанную с белым снегом жижу. Не сразу подумал, что сапоги, как и телогрейка с брюками цвета хаки, делают меня прекрасной мишенью.

Выстрелы следуют один за другим, с равными паузами. Враг не спеша определяет верный прицел. А я пытаюсь все глубже зарыться в противную холодную промерзшую смесь земли и снега. И наконец, фиксирую двух-трехсекундные интервалы между выстрелами. Выжидаю момент и бросаю тело в сторону. Бросок оказывается спасительным — пули ложатся точно в то место, где я только что лежал. Я вскакиваю и почти мгновенно скрываюсь за скатом небольшой высоты, в мертвой зоне.

После, вспоминая этот случай, я всякий раз снова ощущал себя брошенным на раскаленную сковороду, под которой бушует пламя.

Финский снайпер вел огонь из нейтральной зоны и был хорошо замаскирован. Но наш снайпер, омич ефрейтор Ситников, смог его выследить и уничтожить. Я оказался последней мишенью, на которой он так хладнокровно оттачивал мастерство скрытого убийцы. На войне как на войне... Для победы над врагом используешь все доступные средства, и никто из своих тебя не осудит. Но по-моему, стрельба «из-за угла» напоминает снятие скальпов с побежденных и плененных.

Наступление на реке Свирь было намечено на 10 апреля, и глупее ничего нельзя было придумать. Самое главное — набухание рек, озер и болот, а это примерно 60—70 процентов местности в междуозерье Онеги и Ладоги, южнее реки Свирь. Приказ есть приказ. Я пользовался каждой минутой, чтобы натренировать людей на большие переходы на лыжах, так как переход из района Свирь-3 в район Ван-озера показал, что люди засиделись на Свири в обороне.

Мой батальон был вооружен в это время только автоматами (ППШ). В каждом отделении был еще один ручной пулемет, а в батальоне — пулеметная рота: 12 станковых пулеметов и минометная рота: де-

вать 82-миллиметровых минометов. К тому же в батальоне был еще взвод 45-миллиметровых орудий (3 штуки). Батальон по тем временам был очень сильным в огневом отношении, однако почти 50 процентов личного состава уже составляли запасники от 40 до 45 лет, и подготовлены они были слабо. Учитывая все это, я днем и ночью проводил занятия по тактике и с каждой ротой — учения с боевой стрельбой.

В тот период я был самым молодым комбатом в дивизии. На одном из занятий, проводимых командиром дивизии, ему понравились мои ответы на вопросы и предлагаемые действия по решению вводной. Он тогда, в конце марта 1942 года, сказал, что вот из таких, мол, командиров надо готовить командиров и начальников штабов полков. Через три месяца это осуществилось.

Наступление началось 10 апреля. В первом эшелоне наступали 94-й и 116-й стрелковые полки нашей дивизии, а наш 326-й полк наступал во втором эшелоне. Мой батальон шел в первом эшелоне полка за 1-м батальоном 94-го стрелкового полка не далее двух километров от него. Так как началась распутица, двигаться было очень трудно.

За два часа до начала движения меня вызвал командир полка Юсупов и отдал приказ:

— Наступать углом вперед! Понял?

— Да, — ответил я.

Здесь же адъютант налил традиционный стакан водки, и командир полка сказал:

— Пей и иди.

Вот и весь приказ. Я знал, что мне надо делать, а этот приказ командира накануне грозных событий в душе рассмешил меня.

Пехота первого эшелона дивизии начала атаку не одновременно после артиллерийской подготовки, так как некоторые роты не успели позавтракать и, как говорят, вместо атаки начали делить сухари. Естественно, первый бросок сразу же захлебнулся в крови.

После плохо проведенной артиллерийской подготовки почти все финские артиллерийские батареи ожили и открыли огонь по нашим боевым порядкам. Командир полка Юсупов по логике вещей должен был бы остановить мой батальон. Однако он этого не сделал, и батальон настолько приблизился к впереди наступавшим частям, по сути стоящим на месте, что также попал под огонь артиллерии финнов. Спасло положение то, что я хорошо знал этот район, где находились пустые блиндажи, траншеи, и очень быстро рассредоточил батальон по этим укрытиям.

Однако не обошлось без первых жертв и раненых. У меня до сих пор перед глазами лицо солдата, лежащего на носилках: лицо белое как снег. Однако он был в шоке и, несмотря на раздробление костей таза, ранение в живот, он бодро рассказывал, что с ним произошло. Его быстро унесли, однако вряд ли он остался в живых.

Когда батальон был укрыт и я стал разбираться, где же впереди наступающие, то оказалось, что две роты 94-го стрелкового полка лежат впереди батальона, в 250—300 метрах. Стало известно, что одна рота выдвинулась на один километр вместе с комбатом Мусабириным и ведет бой на краю болота Куйдо-болото в полуокружении. Выход у нее только один — через непроходимое болото, но это верная смерть.

Я доложил командиру полка Юсупову, он ответил: «Жди моих указаний, я доложу командиру дивизии». Вскоре я получил приказ ударить одной ротой в направлении Куйдо-болота, где окружен Мусабиринов. Буквально через 15 минут рота старшего лейтенанта Маслова, самая быстроходная, помчалась по лесу на лыжах и буквально через 30 минут, развернувшись с ходу, стрельбой из автоматов атаковала финнов, отбросила их и соединилась с подразделением Мусабиринова. Там оказались стрелковая и минометная роты его батальона и 45-миллиметровый взвод орудий на

санях с ляжками (без лошадей, орудия таскали по снегу расчеты). Воспользовавшись удачной атакой второй роты, я ввел в бой роту капитана Никитина и почти два взвода пулеметной роты, что дало возможность расширить фронт наступления и углубиться на полтора-два километра в глубину обороны финнов, до населенного пункта 31-й квартал (не дошли 500 метров). Эта весть взбудоражила командира дивизии, и он приказал всем частям атаковать противника. Однако все попытки в течение последующих четырех-пяти дней успеха не имели. Мы несли потери и продвинуться вперед не смогли. На этом, можно сказать, «весеннее наступление войск 7-й отдельной армии» было окончено!

За активные действия моей второй роты командир роты Маслов был награжден орденом Красного Знамени. Я получил звание капитан.

Все остановилось, кругом распутица, грязь, бездорожье. Боеприпасы и питание подносили на плечах за 15—20 километров из тыла. На это было задействовано все, что находилось во втором эшелоне. Я же со своим батальоном оказался на переднем крае и вскоре сменил подразделения 94-го стрелкового полка, перейдя к обороне на фронте протяженностью пять километров. Несколько дней ушло на расстановку огневых средств с учетом местности: леса, болота, озера.

За это время мы в батальоне сократили нейтральную полосу между нами и финнами с одного километра до 250—300 метров, занимая каждую ночь небольшие безымянные высотки в нейтральной полосе, а когда финны спохватывались, мы уже были рядом. Устроили завалы в лесу, заминировали открытые танкодоступные участки. Жизнь в обороне была насыщенная.

Когда же определился устойчивый боевой порядок, я, по предложению командира пулеметной роты, организовал стрельбу кочующих пулеметных батарей на большие дальности в полтора-два километра. Это внезапная залповая стрельба пулеметной батареи была настолько эффективной, что финны не выдерживали и открывали огонь из артиллерии по нашим боевым порядкам, однако пулеметную батарею поразить не могли, так как безымянные высотки не нанесены на карте и трудно было определить их местоположение, тем более что стрельба шла из закрытых позиций.

Я же с высокого дерева, то есть со своего НП, вел наблюдение за результатами стрельбы. Мы часто стали вести огонь по скоплениям финнов. Результаты бывали значительные — паника и много раненых. Долгое время — более двух недель — они нащупывали позиции пулеметных батарей, однако им так и не удалось их обнаружить. Очень сильно мы беспокоили финнов своими снайперами, которые в течение ночи занимали позиции вблизи финнов, маскировались и днем уничтожали противника. Однажды и я попал под огонь финского снайпера, однако Бог меня миловал, остался жив. Так до конца мая месяца батальон оборонялся активно. С 20 мая по 23 июня батальон находился во втором эшелоне 326-го стрелкового полка в лесу южнее реки Яндеба (район Ван-озера). Личный состав приводился в порядок после весенних боев и занимался боевой подготовкой.

Впервые после тяжелой зимы личный состав батальона, выйдя во второй эшелон, получил возможность хорошо искупаться и пройти через «вошебойку». Очень мы все завшивели, и подвижное санэпидотделение во главе с ленинградкой Лидочкой Самариной — товарищем старшим лейтенантом медслужбы — очень хорошо поработало. Могу с уверенностью сказать: после этого в батальоне вшей не было, а у меня — до самого конца войны.

НАЧАЛЬНИК ШТАБА ПОЛКА В 22 ГОДА

В начале июня 1942 года командир полка, к этому времени подполковник Запирич, приказал мне провести батальонные учения с боевой стрельбой. Учение я провел, видимо, хорошо. А присутствовавший командир дивизии полковник П.В. Гнидин объявил мне, что я скоро буду начальником штаба полка. Я согласился. Однако на второй день батальон был поднят по тревоге и получил задачу сменить подразделения отдельной морской бригады и занять оборону восточнее Куйдо-болота до Ур-озера протяженностью семь километров по фронту. Так начался новый этап боев в обороне. Это несколько задержало мое назначение.

Сюда, на этот участок, вскоре прибыл ко мне в батальон командующий 7-й отдельной армией генерал-лейтенант Трофименко¹. Внешне очень красивый человек, спокойный, выдержанный. Ни разу за время нахождения в батальоне не повысил голоса, очень подробно интересовался делами батальона, очень много интересовался лично мною. В батальоне мы его угостили обедом из лосятины — накануне лось подорвался на mine. Накануне приезда командующего армии мне наговорили много страшилок о его поведении. Предупредили, что он ходит по переднему краю во весь рост, пулям не кланяемся и не терпит суетливых и трусливых офицеров.

---

¹ Т р о ф и м е н к о Сергей Георгиевич (10.09.1899—16.10.1953) — генерал-полковник (1944), Герой Советского Союза (1945). В 1919 г. вступил в Красную армию. Участник Гражданской войны, командир взвода, помощник командира пулеметной команды. Участвовал в Советско-финской войне, заместитель начальника штаба 7-й армии. С 1940 г. — начальник штаба, с января 1941 г. — командующий войсками Северо-Кавказского военного округа. Во время Великой Отечественной войны в 1941—1942 гг. командовал оперативной группой Карельского фронта, с марта 1942 г. — 32-й, с июля 1942 г. — 7-й, с января 1943 г. — 27-й армиями. После окончания войны — командующий войсками ряда военных округов.

Я его встретил у подножия высоты, где размещался мой батальонный НП, доложил и предложил пройти наверх, на НП, и стал его вести не по траншее, а напрямиком в гору. Что тут началось... Командир дивизии кричит: «В траншею!» — командир полка тоже... Командующему стало как-то не по себе, и он говорит мне:

— Хочу посмотреть, как у тебя траншеи сделаны, — и я с удовольствием повел его на НП по траншее.

Ему у меня понравилось, и он объявил о моем назначении начальником штаба 116-го стрелкового Новороссийского краснознаменного полка 21-й стрелковой дивизии. В конце июня 1942 года я сдал батальон своему заместителю капитану Лобову. Итак, прощай мой боевой 1-й батальон 326-го Верхне-Удинского стрелкового полка...

Перед отъездом к новому месту работы я прибыл на командный пункт 326-го полка попрощаться с товарищами. Начальником штаба полка был мой дорогой друг Коля Жаренов, он был уже опытным оперативным работником. Я ему говорю:

— Коля, с чего начать, ведь я ничего не знаю? Это же большой аппарат, с бумагами и так далее.

Он мне говорит:

— Бумаги есть разные — входящие и исходящие. Так вот, те, которые приходят от начальства, — это входящие, а те, которые ты сам пишешь и отправляешь, — это исходящие.

Вот с такими багажом в неполные 22 года я отправился принимать штаб полка.

Мне повезло. Прибыв в полк, я встретил командира полка майора Владимира Петровича Кострова, моего старого знакомого по 326-му полку, очень опытного штабного работника. Так вот, первое время, почти два или три месяца, не глядя на войну, я каждую бумажку переписывал по два-три раза, а иногда и более. Спасибо Володе Кострову, с его помощью я стал в последующем неплохим работником штаба и

почти из 50-летней службы в армии более 20 лет прослужил на штабной работе в разных штабах — от полка до округа и до начальника управления Министерства обороны.

Целых два года мне выпало служить в 116-м полку. Поэтому познакомлю читателя с другими моими сослуживцами (запись из дневника):

«Комиссар — старший батальонный комиссар Кривич (все звали его Кузьмич, а некоторые — Василий Теркин).

Заместитель командира полка по снабжению — майор Картешкин (из командиров транспортных рот).

Первый помощник начальника штаба (ПНШ-1) — старший лейтенант Пашкевич.

ПНШ-2 — майор, фамилию забыл, очень хорош. Его заменил младший лейтенант Голев.

ПНШ по связи — капитан Федотов.

Начальник химслужбы полка — старший лейтенант Галущенко.

Начальник инженерной службы (полковой инженер) — капитан (усатый) Сумароков.

Парторг — капитан Миша Попов (из Омска).

Агитатор-пропагандист — капитан Шавыров (из Ленинграда).

Оперуполномоченный — Иван Иванович Шабухин (он вскоре заменен на Курашова).

Завделопроизводством, затем ПНШ по строевой — старший сержант административной службы, затем лейтенант административной службы Сергей Бахарев.

Командир 1-го стрелкового батальона — капитан Пертаков.

Командир 2-го стрелкового батальона — капитан Кондрашов.

Комиссар — старший политрук Агафонов.

Командир 3-го стрелкового батальона — майор Филинов (бывший капельмейстер полка).

Командир взвода пешей разведки — старший лейтенант Семенов.

Командир взвода конной разведки — старший сержант Ян Кайзер.

Коновод — ефрейтор Субботин (Алтайский край).

Ординарец — ефрейтор Кузьма Иванович Носков (крестьянин из Челябинской области).

Командир отделения автоматчиков полка — старший сержант Козлов (ныне заслуженный артист РСФСР)».

За эти два года трех командиров полков пережил я, но лучше Володи Кострова никого не было. Много событий прошло за эти годы. Напишу только об отдельных, так как обо всем подробно писать времени не хватит. Не сразу пошла у меня служба в полку, прежде всего по причине слабой подготовки. И только время, старание, резкие изменения обстановки в течение двух лет дали мне возможность приобрести достаточные навыки работы начальника штаба полка.

В начале сентября 1942 года мне было присвоено звание майор.

Первым большим испытанием для меня как начальника штаба полка стала операция по захвату высоты Верблюд. Эта высота была господствующей в центре боевого порядка полка. На одном горбу была наша огневая точка, на другом — огневая точка финнов. Расстояние — 70—80 метров. Нашу огневую точку я установил летом 1942 года, когда еще командовал батальоном. И вот командир дивизии решил к празднику 7 Ноября захватить вторую высоту.

Атака началась на рассвете 7 ноября, для чего были привлечены 1-й батальон полка, рота автоматчиков и подразделения усиления (артиллерия, саперы и т. д.). В течение двадцати минут высота была захвачена, и финны бежали. Однако спустя примерно полтора-два часа финны, опомнившись, накрыли высоту сплошным артиллерийским огнем, причем их артиллерия

не умолкала в течение всего дня. Все наши попытки продвинуться в глубину расположения противника успеха не имели, и мы были вынуждены сидеть в захваченных финских окопах, которые, естественно, были хорошо пристреляны, и поэтому мы несли большие потери.

Помогал командовать этим неудачным боем комиссар полка старший батальонный комиссар Кривич. Ночью мы отвели свои подразделения в исходное положение, понеся большие потери.

8 ноября к утру все было подготовлено к началу повторной атаки. После короткой артподготовки 3-й стрелковый батальон по проделанным накануне ходам в заграждениях и минных полях ворвался в траншею противника и захватил северный бугор высоты Верблюд.

Но и в дальнейшем все наши атаки успеха не имели. Наши засели в траншеях и окопах противника, продолжая нести больше потери. Бои продолжались до 12 ноября.

Командир батальона управлял боем с соседней высоты.

Штаб дивизии во главе с командиром дивизии занял подготовленный полком НП в районе КП оборонявшегося района.

Штаб полка вынужден был занять КП на высоте Глаз, что в полутора-двух километрах юго-западнее высоты Верблюд, и наблюдать за боем под острым углом. Командир полка (это был уже не Володя Костров), будучи связанным по рукам и ногам, управление действующими подразделениями бросил, напился пьяным и, по существу, проспал самые критические моменты боя.

Все выпало на одного начштаба полка и его штаб, правда при очень тесной и душевной помощи комиссара полка Кривича. Вмешивались в управление все — от командира дивизии до начальника оперативного отделения штаба дивизии, однако отвечать при-

шлось начальнику штаба полка (так как с командира спрос был невелик).

А расплачивались мы за путаницу и неразбериху жизнями солдат, сержантов и офицеров 3-го стрелкового батальона 116-го стрелкового полка и роты автоматчиков. Потери были большие. Награды получили немногие. Командиру дивизии было присвоено звание генерал-майор, и, как говорят, именно с этого момента вместо буквы «и» в фамилии Гнидин после первого «н» появилась буква «е», и комдив наш стал Гнединым.

Можно еще много и долго писать об этом поучительном для меня бое, неудачных и неумелых действиях командиров всех степеней — от батальона до дивизии. Он сослужил свою службу на будущее. Но потерянных жизней не вернуть.

Я часто тогда, потом и позже задавал сам себе вопрос: зачем и кому нужны были эти боевые действия, приуроченные к 25-летию Октября?

Примерно такими же были действия 21-й стрелковой дивизии в начале апреля 1942 года, когда, по сути, вся дивизия сумела за неделю боев продвинуться на 250—300 метров в нейтральной полосе. А сколько положено человеческих жизней! Кто за это в ответе? Кто???

12—15 ноября шел период ликвидации последствий боя за высоту Верблюд. Хоронили погибших друзей и товарищей, отправляли в тыл раненых, восстанавливали оборонительные сооружения и заграждения. Особенно прочно укрепили южный горб высоты и подступы к нему. Долго затем еще десятки дней нельзя было высунуть голову в районе этой высоты. Финнам она тоже дорого стала.

Штабы заполняли боевые журналы для истории, а командиры всех степеней проводили поучительные разборы. Особенно мне запомнился разбор, проведенный командиром дивизии, и высказанные им замечания, довольно-таки бестолковые. Например:

— Раненые и убитые уходят с поля боя, бросая котелки и оружие!

Или:

— Надо воевать не умением, а числом!

На замечание бригадного комиссара Семенова: «Не числом, а умением» — комдив опять:

— Я и говорю... не умением, а числом!

На этом и были закончены активные наступательные действия дивизии в районе озер Онежского и Ладожского, южнее реки Свирь.

В эти дни я узнал, что 3 ноября 1942 года под Сталинградом погиб мой родной единственный брат Рувим Львович Боград, 1924 года рождения.

Со второй половины ноября и до конца декабря полк, получив указания штаба дивизии, занимался совершенствованием обороны и поочередно выводил подразделения в тыл для боевого сколачивания и подготовки личного состава к ведению активных боевых действий. Много работы было у начальника штаба и штаба в целом: организация боевого обеспечения по всем видам, проверка несения боевой службы и непрерывная разведка противника.

К концу года заместителем командира полка был назначен мой друг Николай Жаренов, ранее занимавший должность начальника штаба 326-го стрелкового полка. Он очень успешно организовал разведку, неоднократно захватывал пленных, за что был награжден орденом Красной Звезды.

Много времени у меня отнимала организация и ведение разведки. Взвод пешей разведки возглавлял старший лейтенант Семенов, которому я помог перевести в его взвод его родного отца из другой дивизии. Однако Семенову, несмотря на личную храбрость, не удалось сплотить взвод. В результате при проведении ночного поиска в марте 1942 года старший лейтенант Семенов, двадцати лет от роду, красавец парень, погиб. Место захоронения помню, хотя прошло более пятидесяти лет.

После этого случая пришлось переформировать взвод разведки, ввести в его состав лучших людей из роты автоматчиков полка: Яна Кайзера, Сергея Чембарова и маленького ефрейтора Левенка (парень из Владивостока). Кстати, все остались живы. Заместителем помощника начальника штаба по разведке мы назначили бывшего адъютанта командира полка, младшего лейтенанта Голева.

Все это дало свои результаты. Однажды мы решили захватить пленного днем. Нам не было ясно, кто перед нами находится. Выбрали участок и стали в тылу тренировать своих разведчиков, как приближаться к противнику ползком. Был конец мая месяца, трава выдалась густой и высокой, и вот две недели разведчики готовились в тылу на подобранном близко к переднему краю месте.

Когда все было готово, я прибыл к разведчикам и попросил показать мне, как это будет. Я сел на пригорке, и Голев показал мне направление, где должны были действовать наши разведчики. Я пошел и стал ждать. Когда прошло примерно минут сорок или пятьдесят, я спросил Голева: в чем дело, почему разведчики тянут и не начинают действовать? Я смотрю на Голева, а его глаза смеются. В это время два парня схватили и обняли меня сзади. Смотрю, да это же Чембаров и Левенок! Так искусно они проползли на открытом участке местности, что я ничего не заметил, даже шевеления травы.

Все готово. Все в исходном положении, утро. Конец мая или начало июня. Ребята пошли, более часа длился период переползания. Вдруг взрыв — все замерли. А через десять минут бегут: Чембаров и Левенок, Кайзер и еще несколько разведчиков и тащат громадного солдата. Прибыли на мой КП в роте. Я всех срочно, вместе с пленным, отправил на командный пункт полка, а спустя минут 30—40 финны опомнились и открыли вдруг огонь по нашим позициям. Но разведчики были уже вне их досягаемости.

Это был очень важный пленный, он дал ценные показания. Пленный был солдатом финской армии, но по национальности швед, ростом примерно 185—190 сантиметров. Я всегда удивлялся, как могли старший сержант Чембаров, ростом примерно 170 сантиметров, и младший сержант Левенок, ростом менее 160 сантиметров, тащить на себе этого тяжелого шведа больше полукилометра ползком и довольно быстро.

Все мои разведчики были награждены орденами, в том числе и мой помощник по разведке младший лейтенант Голев — орденом Красной Звезды. Я награжден не был. Причина — я начал разведку, но не доложил своему командиру полка, в то время подполковнику Чураеву (или Чугаеву). Он мне этого не простил.

Кстати, взрыв в ходе разведки произошел уже на обратном пути при преодолении проволочного и минного заграждения. В результате Левенок получил легкое ранение шеи, но остался в строю.

Разведчики наши стали знаменитыми во всей армии.

Отгремел 1942 год, дни этого года вошли в историю страницами, написанными кровью наших людей, и, если бы меня спросили, каким цветом отпечатать тома по истории нашей страны 1942 года, я бы сказал — **красным**.

Новый, 1943 год встретили в землянке командира 2-го стрелкового батальона майора Кондрашова — слушали по радио выступление Михаила Ивановича Калинина, отметили фронтовыми ста граммами. Ночь была безлунная, но стоял крепкий мороз, и много-много звезд мерцало. Для меня Новый год принес радость: мне из Бугуруслана (были розыски) прислали впервые после августа 1941 года адрес моих родителей.

Ранней весной около недели в полку жил член военного совета 7-й отдельной армии генерал-майор Васильев¹. Не могу говорить о нем вообще, запомнился как очень красивый мужчина.

Сменился командующий армией. Вместо генерал-лейтенанта Трофименко командармом стал бывший начальник штаба армии генерал-майор Крутиков², а начальником штаба армии стал генерал-майор Орлеанский³.

В мае или в июне я ему докладывал обстановку и решение — он остался доволен.

С нового года мы стали носить погоны. Отменили старые звания политработников. Был введен в действие новый Боевой устав 1942 года и Полевой устав 1943 года. Еще раньше командира полка подполковника Кострова сменил бывший старший офицер разведотдела армии подполковник Чугаев. До войны он был командиром батальона в Ленинградском пехотном училище. Вояка он был неважный, а первое серьезное дело показало всю его командирскую ник-

---

¹ В а с и л ь е в Георгий Андрианович — генерал-майор (6.12.1942). Начальник политотдела 7-й армии, дивизионный комиссар (26.10.1940—13.12.1941). Член военного совета 7-й армии (13.12.1941—18.01.1944). Командир 16-й гвардейской стрелковой дивизии (21.08.1944—3.09.1944).

² К р у т и к о в Алексей Николаевич (20.07.1895—23.04.1949) — генерал-лейтенант (1943). Участник Первой мировой войны, поручик. В Красной армии с сентября 1918 г. Участник Гражданской войны. Командир стрелковой роты и батальона. С ноября 1940 г. — начальник штаба 7-й армии Ленинградского военного округа. С начала войны — начальник штаба 7-й армии Северного фронта, преобразованной 25 сентября 1941 г. в 7-ю отдельную армию. С 29 января 1943 г. — командующий 7-й отдельной армией. С апреля 1944 г. — начальник штаба Карельского фронта. С апреля 1945 г. — начальник Приморской группы войск на Дальнем Востоке. Участник советско-японской войны.

³ О р л е а н с к и й Виктор Павлович — начальник штаба 7-й отдельной армии (январь—ноябрь 1943 г.), полковник. В дальнейшем — генерал-майор, начальник штаба 33-й армии. После войны — начальник штаба Беломорского военного округа.

чемность (здорово щелкал каблуками — вот все, что я о нем запомнил).

В конце весны 1943 года полк был выведен во второй эшелон, оставив на правом фланге в обороне 2-й стрелковый батальон, оперативно подчиненный командиру 326-го стрелкового полка. Однако спрос за этот батальон был с нас в полной мере, и мне часто приходилось там бывать. Много и с большим старанием трудился командир 2-го стрелкового батальона майор Кондрашов.

Все окопы и траншеи были забраны жердями, было отрыто много ходов сообщения, тоже забраных жердями. Землянки же солдат и офицеров были прочными — в 3—4 наката — и обеспечивали безопасность от огня артиллерии.

Так как батальон оборонялся на фланге дивизии, потребовалось уточнить группировку противника.

Был выбран участок проведения поиска и установлено круглосуточное наблюдение за противником. Разведчики тренировались в тылу. Наблюдение показало, что противник более бдительно несет службу днем и менее — ночью, правда, периодически освещает местность. Участок для проведения поиска был полузакрытого типа. Кустарник на болоте, затем высокая сухая трава и редколесье. В этой связи мною было принято решение проводить поиск ночью, а вернее, в полночь, когда противник нес службу менее бдительно, чем обычно.

Август ушел на разведку района, наблюдение за противником. Кроме того, для введения противника в заблуждение мы несколько раз имитировали разведку днем, невдалеке от избранного места поиска. Помню, что в конце августа были очень тихие дни и ночи. Пришлось выжидать.

В начале сентября я доложил командиру полка, что выезжаю во 2-й стрелковый батальон и буду вести поиск при благоприятной погоде (ветерок и те-

мень). К концу дня я прибыл верхом в район НП командира правофланговой роты. Вызвал своего помощника, уже лейтенанта Голева, и командира взвода, уже младшего лейтенанта Яна Кайзера, а также командира группы захвата старшего сержанта Чембарова, командира артиллерийской батареи, моего хорошего старого знакомого капитана Председателя и командира батальона майора Кондрашова. Заслушал всех о готовности и приказал занять исходное положение. Сам со своим помощником Голевым убыл в окоп командира взвода, туда были поданы линии связи.

В полночь все началось. Около трех часов ползли наши из группы захвата, и такая осторожность обеспечила полную внезапность. Один раз, когда группа обеспечения занимала удобную позицию для установки пулемета, задела проволоку от сигнализации противника, финны всполошились, начали бросать ракеты в этом направлении, но, так как был ветер, они скоро угомонились. Группа Чембарова бесшумно проникла в окоп и буквально на цыпочках приблизилась к наблюдателю противника в тот момент, когда он бросил осветительную ракету. Этого мига было достаточно, чтобы Чембаров воткнул ему в рот кляп и быстро с братьями-казахами Нурмагомбетовыми связал и вытащил его из окопа. Все остальное было делом техники. При подходе уже к нашему переднему краю противник вдруг открыл сильный пулеметный огонь. Предполагаю, что пришедшая для смены наблюдателя группа противника не обнаружила его и открыла огонь. Я дал команду Председателю, и 10—15 снарядов точно легли в этот окоп. Пленный на сей раз оказался разговорчивым финном.

Все было проведено отлично. Пленного взяли безо всяких потерь. Пока я двигался с группой на КП батальона, майор Кондрашов доложил в штаб полка, что нами захвачен пленный. Дежурный не стал беспокоить командира полка Чугаева и доложил в

штаб дивизии, а там немедленно донесли командиру дивизии Ивану Зорину. Тот, естественно, позвонил командиру полка, а он в ответ молчит и не знает, в чем дело (любил человек поспать). Мне это стоило того, что лично командиром полка был вычеркнут из списка представленных к награждению орденами.

После этого события разведчики 116-го Новороссийского стрелкового краснознаменного полка прославились на всю армию как мастера бескровных поисков. Хорошо нам эта наука пригодилась затем в зимне-весенних боях в Заполярье.

В октябре 1943 года полк пополнился личным составом, были организованы занятия по боевой подготовке по наступлению и формированию водных преград. Мы готовились к форсированию реки Свирь.

Убыл к новому месту службы бывший командир дивизии генерал-майор Гнедин, вместо него прибыл после окончания краткосрочных курсов при Военной академии имени Фрунзе полковник Анфимов¹.

Курсы, видимо, подковали его, и он очень любил в самых неожиданных условиях задавать вопросы. Эта участь и меня не миновала. Как-то во время доклада плана очередного поиска (кстати, который я очень в душе не хотел проводить) мне был задан вопрос: что такое взаимодействие? И я, не окончивший полного курса училища и не имея даже полного среднего военного образования, просто, исходя из уже имевшегося опыта, доложил, что это согласованное по цели, месту и времени действие войск и т. д. Полковник Анфимов, по-видимому, остался доволен и всегда в последующем относился ко мне доброжелательно.

---

¹ А н ф и м о в Петр Дмитриевич, полковник — командир 70-й морской стрелковой бригады (3.11.1941—8.12.1943), командир 21-й стрелковой бригады (20.12.1943—20.03.1944).

Утвержденному плану проведения поиска, назначенного на конец января, не было суждено осуществиться.

Новый 1944 год мы встретили, находясь во втором эшелоне дивизии — в лесу южнее Ван-озера.

ПЕРЕБРОСКА В ЗАПОЛЯРЬЕ

В январе 1944 года в течение месяца полк приводил себя в порядок. Разведчики готовили поиск, который никому не был нужен, кроме как товарищу Анфимову для доказательства своей активности. Назначенный на конец января поиск не состоялся по важным причинам.

Дивизия получила задачу сдать полосу обороны частям 114-й стрелковой дивизии и приступить к погрузке на станции Оять.

Сдача района прошла организованно, но плохо прошел переход (более 120 километров) в район станции Оять. Личный состав двигался на лыжах, а артиллерия и вообще тяжелое оружие на конной тяге — все шло по бездорожью. Снежный покров достигал 80—90 сантиметров, и приходилось буквально рыть траншею в снегу до грунта и по ней двигаться. В район погрузки мы вышли к середине февраля и с ходу стали грузиться в эшелоны. Назначения никто не знал. На одном из переходов в населенном пункте, названия которого не помню, я встретил Н.Т. Жаренова. Он уже был подполковником, начальником штаба морской бригады и тоже не знал о нашем назначении. Узнал я однажды ночью, когда, не доезжая до станции Вологда, нас пустили по северной ветке в сторону Архангельска, через станцию Няндомы. В конце февраля мы прибыли на станцию разгрузки Ням-озеро, что западнее Канда-лакши.

Дивизия прибыла в полном составе, кроме трех стрелковых батальонов, еще задолго до этого изъятых

и отправленных на усиление медвежьегогорского направления в распоряжение командующего 32-й армии Карельского фронта. Мы поступили в распоряжение 19-й армии.

Из записной книжки:

«Командующий — генерал-лейтенант Козлов¹.

Член Военного совета (ЧВС) — генерал-майор Панков².

ЧВС — полковник Каплуновский³.

НШ — генерал-майор Маркушевич⁴.

Начальник оперативного отделения штаба — полковник Дмитриев.

Замначальника оперотдела — подполковник Ушаков (кличка У-2).

Командующий артиллерией — генерал-майор артиллерии Безрук.

---

¹ К о з л о в Георгий Кириллович (1.01.1903—21.12.1970) — генерал-лейтенант (1944). В Красной армии с 1918 г. Участник Гражданской войны. В период Великой Отечественной войны был начальником оперативного отдела штаба армии, командиром 27-й стрелковой дивизии, начальником штаба 26-й армии. С мая 1943 по март 1945 г. — командующий 19-й армией на Карельском и 2-м Белорусском фронтах. После войны находился на должностях заместителя командующего армией, начальника штаба Приморского, Беломорского и Северного военных округов и на преподавательской деятельности.

² П а н к о в Сергей Иванович — в 1941 г. батальонный комиссар, с 6.01.1942 — бригадный комиссар, с 6.11.1942 — генерал-майор. Начальник политотдела 194-й горнострелковой дивизии (23.08.1939—29.07.1941), 8-й армии (12.08.1941—21.06.1942). С 15 августа 1942 по 22 января 1943 г. — член военного совета 11-й армии. С 29 декабря 1943 по 18 февраля 1944 г. — член военного совета 63-й армии. С 18 марта 1944 по 9 мая 1945 г. — член военного совета 19-й армии.

³ К а п л у н о в с к и й Андрей Павлович — бригадный комиссар, с 6.11.1942 — полковник. Военный комиссар 104-й стрелковой дивизии (27.05.1941—20.10.1941), член военного совета 19-й армии (31.03.1942—9.05.1945).

⁴ М а р к у ш е в и ч Самуил Абович — генерал-майор (27.01.1943). Начальник штаба 19-й армии (апрель 1942 г. — март 1945 г.).

Командующий бронетанковыми войсками — полковник Соколов.

В состав армии входили 122-я стрелковая дивизия, 104-я стрелковая дивизия, морская бригада (в последующем переименована в 348-ю стрелковую дивизию), наша 21-я стрелковая дивизия и прибывшая 67-я стрелковая дивизия (командир — генерал-майор Токарев¹)».

Армия занимала оборону по реке и озерам Верхний и Нижний Верман фронтом на запад. Фланги упирались: правый фланг — западнее горы Пограничной (на старой госгранице), левый фланг — северный берег озера Толванд. На южном берегу озера Толванд на горе Войта оборонялся лыжный батальон 122-й стрелковой дивизии (командир батальона — подполковник Николай Колчев).

Перед фронтом армии оборонялся корпус 20-й Лапландской армии немцев. Фланги 19-й армии прикрывали пограничные отряды.

Переброска войск (свежих 21-й и 67-й стрелковых дивизий) имела целью разгром противостоящего противника на кандалакшско-куголаврском операционном направлении.

Решением командарма 104-я и 21-я стрелковые дивизии выходили на северный фланг на рубеж: Пипосунтюма, Третури, поселок Репотрентури (104-я стрелковая дивизия), Репотрентури, гора Пограничная (21-я стрелковая дивизия).

---

¹ Токарев Сергей Федорович (19.09.1904—22.07.1969) — генерал-майор (1.09.1943). В Красной армии с 1921 г. В Гражданскую войну — командир взвода, роты. В период Великой Отечественной войны командир 67-й стрелковой дивизии (18.10.1941—20.09.1944). Помощник по военным делам председателя СКК в Финляндии (октябрь 1944—1948). Военный атташе при посольстве СССР в Финляндии. Арестован в 1949 г. по ложному обвинению. 12.04.1952 лишен воинского звания. Реабилитирован в июле 1953 г., восстановлен в воинском звании и уволен в запас в том же году.

Конец февраля и начало марта ушли на обучение войск действиям в условиях Заполярья. Глубокий снежный покров, валунные поля и почти полное бездорожье в каменистых, заросших лесами и кустарником сопках.

Днем и ночью мы проводили занятия со всеми подразделениями.

Командование полка под прикрытием взвода пешей разведки в первых числах марта вышло на рекогносцировку на южных скатах горы Репотрентури (целая цепь безымянных высот, заросшая лесом). В ходе рекогносцировки наметили порядок выхода полка в исходное положение. Для обеспечения его выхода мы оставили взвод пешей разведки на безымянной высоте южнее горы Репотрентури, а сами отправились за полком.

Обратное движение наше было обнаружено противником, и мы были накрыты сильным артогнем. Все обошлось благополучно, без потерь. Вернулись к южным скатам горы Пограничной, доложили командиру дивизии полковнику Анфимову, который проинформировал нас, что разведотряд дивизии ведет бой с противником юго-восточнее горы Репотрентури (разведывательный отряд в составе стрелкового батальона 94-го стрелкового полка).

До утра мы отдыхали. С рассветом командир полка отправился разыскивать подходящие подразделения полка, а я остался на месте и организовал пункт управления. К середине дня подошел батальон капитана Базилева (1-й стрелковый батальон 116-го стрелкового полка), и буквально через два часа я получил приказ по телефону лично от начальника штаба дивизии (к этому времени им стал подполковник Аникин) немедленно лично выдвинуть 1-й стрелковый батальон в район южных скатов высоты Репотрентури и ударом во фланг с юга отбросить атакующие перед фронтом 94-го стрелкового полка подразделения противника, то есть выйти

в район, где мною был оставлен взвод пешей разведки.

Нам предстояло пройти почти 12 километров, уже стало темнеть. Люди, наши замечательные советские солдаты, несмотря на усталость от предыдущего суточного перехода, встали на лыжи и за мной и командиром батальона капитаном Базилевым быстро начали продвигаться на указанный рубеж. Я с одним разведчиком быстро оторвался, чтобы к моменту подхода батальона разобраться с обстановкой и уточнить взаимодействие с действующим впереди разведотрядом 1-го батальона 94-го стрелкового полка во главе с заместителем командира полка майором Василием Васильевичем Ефимовым.

С подходом нашего батальона в указанный район усиленный батальон 94-го стрелкового полка был уже окружен. Стало темнеть. Я развернул батальон и на лыжах, без огня артиллерии с юго-восточных скатов горы Репотрентури атаковал взвод противника. Атака была неожиданной для противника. Мы подошли к нему на расстояние 100—150 метров и открыли шквальный огонь. Продолжая стремительное движение, с криками: «Ура! За Сталина! За Родину!» — бросились на противника. Он начал поспешно отходить, а майор Ефимов стал ракетами освещать бегущего противника. Много немцев мы побили (более 30 человек), а также много оружия захватили. Батальон продолжил выдвижение на указанный рубеж, где находился взвод пешей разведки полка.

К рассвету батальон был выведен мною в указанный район и занял исходное положение для наступления. Взвод пешей разведки я свернул и организовал разведку на фланге полка. Трое суток длился ожесточенный бой в тяжелых условиях. И только с рассветом четвертых суток подошел наш 2-й батальон, но уже без командира полка подполковника Чугаева, который заблудился с батальоном в тылу, был обнаружен там командующим 19-й армией и от-

странен от должности. Больше его я не видел, не знаю, куда он делся.

Еще пять суток длились ожесточенные кровопролитные бои на фланге 19-й армии, где подразделения 116-го стрелкового краснознаменного Новороссийского полка разгромили до двух батальонов противника и заняли рубеж горы Репотрентури. Этими боями из-за отсутствия командира полка руководил я, за что был награжден орденом Отечественной войны II степени, хотя был представлен к ордену Красного Знамени. Получилось это потому, что выход главных сил 19-й армии на фланг немецкой группировки был скомпрометирован и войска армии не смогли перейти в наступление.

Начался период подготовки к окончательному разгрому армейского корпуса 20-й Лапландской армии немцев в Заполярье.

В период этих боев я (как многие дни до него и все последующие) не знал, что ноги мои обморожены и будут напоминать о войне в Лапландии всю оставшуюся жизнь. Болезни (как тела, так и души) просачиваются в человека тихо и незаметно. Приходит время, и они, крепко угнездившись, начинают проявлять себя. Но тогда борьба с некоторыми из них уже становится делом труднейшим, а зачастую и напрасным.

С наступлением затишья и переходом к обороне на захваченном рубеже был назначен новый командир полка — вначале майор, затем подполковник Ефимов Василий Васильевич. Замполитом полка был майор Анатолий Мальцев.

При закреплении захваченного рубежа мною была организована разведка перед фронтом на флангах, которая каждый день захватывала пленных. В одной из стычек при захвате пленного юго-восточнее горы Липосунтоматунтуры, были тяжело ранены старший сержант Сергей Чембаров и ефрейтор Левенок. Это было в конце марта — начале апреля 1944 года. Больше о

них я никогда не слышал. Но за этот бой Чембаров был награжден вторым орденом Красного Знамени.

Оборону рубежа мы вели активно. Противник неоднократно предпринимал контратаки под прикрытием боевой авиации, однако его попытки отбросить нас на исходный рубеж за гору Пограничную успехом не увенчалась. Днем и ночью мы совершенствовали оборону, готовили запасные и ложные позиции.

Полковник Анфимов за необеспечение выхода главных сил дивизии в срок на исходный рубеж был отстранен от занимаемой должности, и вместо него командиром 21-й стрелковой дивизии был назначен полковник Архангельский¹ (бывший начальник штаба 122-й стрелковой дивизии). Начальником политотдела дивизии стал подполковник Тимофеев² (до войны был заместителем директора Эрмитажа в Ленинграде).

В июле получил извещение о присвоении мне очередного воинского звания подполковник (приказ ГУК НКО от 22 мая 1944 года). Мне тогда шел 24-й год.

В конце июня 1944 года я был назначен начальником оперативного отделения — заместителем начальника штаба 122-й стрелковой дивизии.

---

¹ Архангельский Владимир Алексеевич (15.06.1906—1952) — полковник (1942). В Красной армии с 1923 г. Участник Советско-финской войны, начальник штаба полка. В начале Великой Отечественной войны в августе 1941 г. — начальник оперативного отдела Кандалакшской оперативной группы в составе 14-й армии Карельского фронта. С ноября 1941 г. — начальник штаба 122-й стрелковой дивизии, с декабря 1943 г. — начальник штаба 104-й стрелковой дивизии 19-й армии Карельского фронта. С весны 1944 г. — командир 21-й стрелковой дивизии. В ноябре 1944 г. дивизия переброшена в Румынию в состав 3-го Украинского фронта. В феврале 1945 г. отстранен от командования дивизией и назначен заместителем командира 223-й стрелковой дивизии. С 1946 г. в запасе.

² Тимофеев Дмитрий Дмитриевич — майор, с 22.05.1943 — подполковник. Начальник политотдела 21-й стрелковой дивизии (24.03.1943—9.05.1945).

122-Я СТРЕЛКОВАЯ ДИВИЗИЯ: НЕМНОГО ИСТОРИИ

Это дивизия, с которой я дошел уже до самого Дня Победы, поэтому считаю нужным кратко посвятить читателя в ее историю, непосредственно со мной не связанную, но весьма поучительную. Дивизия имела богатый послужной список, успев с момента своего формирования в сентябре 1939 года принять участие в трех военных кампаниях — «освободительном» походе в Польшу осенью 1939 года, зимней войне с финнами 1939—1940 годов и, наконец, в Великой Отечественной войне, где сражалась в сложнейших условиях Заполярья.

Осенью 1939 года в обстановке начавшейся Второй мировой войны советское правительство предприняло определенные меры по усилению военно-экономической базы, увеличению численности и повышению технического оснащения вооруженных сил. Но, как показал дальнейший ход событий, оно не успело завершить перевооружение армии и флота новой боевой техникой.

Дивизия была сформирована в период с 3 по 15 сентября 1939 года в городе Ельце Орловской области в следующем составе: 420, 596 и 715-й стрелковые полки, 285-й артиллерийский полк, 369-й гаубичный артиллерийский дивизион, 208-й отдельный противотанковый артиллерийский дивизион, 252-й отдельный зенитный артиллерийский дивизион, 223-й отдельный саперный батальон, 153-й отдельный разведывательный батальон, 256-й отдельный батальон связи и 172-й медико-санитарный батальон.

В этом составе дивизия принимала участие в так называемом «освободительном» походе советских войск в Польшу. В период с 28 октября по 28 ноября в связи с обострившейся обстановкой на советско-финской границе по приказу народного комиссара обороны дивизия передислоцируется по

железной дороге из района Слуцка в район Канда-лакши.

При совершении марша к государственной границе, а затем в ходе боевых действий дивизия испытывала огромные трудности: слаборазвитая дорожная сеть, резко пересеченная болотистая местность, труднопреодолимые порожистые ручьи. Все это замедляло движение, ограничивало маневр войск, усложняло инженерные работы и применение танков и артиллерии.

Кандалакшское направление полностью находится за полярным кругом с полугодичным циклом дневного и ночного времени, длительным периодом зимы с глубоким снегом, который ложится в сентябре—октябре и сходит в мае—июне. Глубина снежного покрова достигает иногда 2—2,5 метра.

На климат этого района существенное влияние оказывают близость Баренцева и Белого морей, большое количество огромных водных пространств: озер, бурных рек, болот, многие из которых топкие и не замерзают даже в самые морозные зимы. Таежные смешанные леса с вкраплениями тундрового ландшафта. Теплое течение Гольфстрим, под влиянием которого внезапно морозную погоду сменяет проливной дождь и наоборот. Короткие ночи, теплые влажные летние дни способствовали неимоверному размножению комаров и гнуса, которые нередко выводили личный состав из строя. Рельеф местности резко пересеченный с большими перепадами высот — 300—500 метров. Некоторые горы имеют альпийский облик и соответственные трудности их преодоления.

30 ноября 122-я стрелковая дивизия, имея в авангарде 596-й стрелковый полк, перешла государственную границу в районе 72-й погранзаставы и начала движение в направлении Алакуртти и Вуориярви, ведя авангардные бои с мелкими подразделениями финской армии.

Преследуя отходящие подразделения противника и преодолевая его упорное сопротивление, труд-

непроходимые участки местности в условиях бездорожья, по тропам в болотах и узким просекам, при глубоком снежном покрове части дивизии к концу декабря 1939 года овладели населенными пунктами Меркьярви, Курсу и главными силами подошли к городку Йоу-Тсиярви, а передовым отрядом (715-й стрелковый полк) вышли 28 километрами восточнее города Кемиярви (крупного железнодорожного узла на дороге, связывавшей Финляндию и Швецию). Дивизия углубилась в территорию Финляндии на 150—180 километров.

Развивать дальнейшее наступление не представлялось целесообразным в связи с большим отрывом частей от своих тылов (50—60 километров) в условиях бездорожья и непрерывного упорного сопротивления противника с целью перерезать единственную грунтовую дорогу в районе населенного пункта Меркьярви.

В этих тяжелых условиях части дивизии были вынуждены отойти в район Меркьярви (200 километров западнее города Кандалакши) и перейти к обороне. Этот рубеж дивизия удерживала вплоть до заключения перемирия с Финляндией.

Интересны воспоминания полковника Н.А. Корякова, бывшего в то время командиром взвода (420-й стрелковый полк). Он вспоминает, что штаб дивизии размещался в землянках и шалашах из хвойных веток. Только командир дивизии — в маленькой «хибарке», чудом уцелевшей после отступления финских войск. Мы ожидали сопровождающего из штаба полка, а мороз был под 40 градусов. Поздно вечером прибыл в роту. Пробившись в темную закопченную клетушку (землянку), набитую людьми, доложил о прибытии командиру роты, который сидел в углу у коптилки.

Рано утром все обитатели «норы» вышли наверх. Командир роты в закопченном полушубке собрал нас за бугром и объяснил обстановку. Нам стало ясно,

что наша рота находится на переднем крае обороны, что провели ночь в ДЗОТе (деревяно-земляная огневая точка).

Когда мне представили взвод, я увидел печальную картину. Перед нами стояло 15 солдат — закопченных, неумытых, в черных прожженных ватниках и дырявых валенках. Возглавлял взвод один младший командир Чернышев. Он сказал, что для приведения взвода в порядок нам отводится один день. Однако при этом забыли, что в Заполярье в зимнюю пору день очень короток, если сумерки вообще можно считать днем. Взвод был укомплектован в основном пожилыми солдатами (35—40 лет), призванными еще на летние сборы по переподготовке в 1939 году в городе Ельце.

В дивизии сплошного фронта обороны не было. Активные боевые действия сторон, главным образом, происходили на открытых флангах. Это была разведка, диверсионные действия отдельных групп лыжников, нападения на маленькие гарнизоны и другие виды действий в глубоком тылу противника. На переднем же крае днем и ночью велась ружейно-пулеметная и артиллерийско-минометная перестрелка. Так проходили дни, наши войска несли потери, были и немалые потери от обморожения.

13 марта 1940 года в дивизию было сообщено, что в 12.00 будут прекращены все боевые действия. До этого времени было приказано расстрелять «лишние» боеприпасы. Четыре часа непрерывно гремела канонада. Как рассказывают очевидцы, огонь вели из всех видов оружия: винтовок, пулеметов, минометов, орудий и танков. Над противником непрерывно висела наша авиация. Это был бессмысленный, никому не нужный огневой бой, в результате которого лилась человеческая кровь, но он преподносился как «победный» салют.

Ярко светило в этот день солнце, как бы встречая мир. К 12.00 все внезапно умолкло. Наступила мертвая

тишина. Около часа мы и противник приходили в себя. Затем стало видно, как в обороне противника эвакуируют раненых и убитых, откапывают блиндажи и заваленные окопы. Сначала в одиночку, а затем и группами из окопов стали выходить финские солдаты и офицеры. Началась очистка нейтральной полосы обеими сторонами от оружия, танков и убитых в предыдущих боях людей. Через сутки начался отвод наших войск на рубеж новой государственной границы.

Полки начали сосредотачиваться в предназначенные районы: 715-й стрелковый полк — Куолоярви, 596-й стрелковый полк — Вуориярви, 420-й стрелковый полк — Кайрал, 285-й стрелковый полк — Алакуртти.

Подводя итоги проведенным боям, отмечаем: 265 человек командиров, политработников и красноармейцев были награждены орденами и медалями Союза ССР, майору Т.О. Козакову, командиру 596-го стрелкового полка, было присвоено звание Героя Советского Союза, а 420-й стрелковый полк, чей личный состав особо отличился в боях, указом президиума Верховного Совета СССР был награжден орденом Красного Знамени и стал именоваться краснознаменным.

Таким образом, к началу Великой Отечественной войны 122-я стрелковая дивизия успела принять участие в двух военных кампаниях.

Части дивизии приобрели большой опыт ведения боевых действий в сложных условиях Заполярья, на самостоятельном направлении, вне взаимодействия с соседями. Вместе с тем боевые действия наглядно показали имеющиеся существенные недостатки в подготовке наших войск. Надо было в корне менять метод подготовки войск, качество их вооружения и экипировку.

После Гражданской войны война с Финляндией стала первой, взбудоражившей страну, вызвавшей недоверие к ее целям, она принесла во многие семьи горе и страдания. Погибло более 70 тысяч человек.

Более 175 тысяч человек оказались обмороженными и ранеными. Среди них было немалое число воинов нашей славной дивизии. Война эта напоминает, насколько важно проявлять государственную мудрость, гибкость и рассудительность, взвешивать все за и против прежде, чем принимать решения.

В период с лета 1940 года по 1941 год весь личный состав дивизии наряду с боевой подготовкой занимался строительством жилья, складов, служебных помещений, одновременно в районе государственной границы возводил инженерные сооружения и заграждения в Сальском укрепленном районе. В это же время силами отдельных частей дивизии и вновь прибывшей дивизии (104-й) была построена автомобильная дорога Кандалакша—Алакуртти и продолжена железнодорожная ветка до мыса Кайрал. Все эти мероприятия значительно улучшили связь и снабжение частей дивизии, улучшилось сообщение с городом Кандалакшей. Однако к июню 1941 года строительство укреплений в районе государственной границы не было завершено.

К лету 1941 года 122-я стрелковая дивизия вошла в состав вновь сформированной 14-й армии, которая была развернута для прикрытия города Мурманска и Кировской железнодорожной ветки на кандалакшском и лоухском направлениях.

Великую Отечественную войну дивизия начала на прежних рубежах. Однако в ходе оборонительных боев летом и осенью 1941 года линия фронта стабилизировалась и 122-я стрелковая дивизия в результате проведенных перегруппировок к 18 сентября заняла новый оборонительный рубеж по восточным берегам рек Средний и Нижний Верман (исключительно) озеро Толванд. Этот рубеж, за исключением отдельных изменений, дивизия обороняла до сентября 1944 года.

Сформированная на этом направлении 19-я армия имела задачу не допустить прорыва гитлеровских

войск, прочно прикрыть Кандалакшу и Кировскую железнодорожную дорогу на своем участке.

Командование принимало все меры для создания непреодолимой обороны на кандалакшском направлении с учетом особенностей Южного Заполярья. Полоса обороны армии на этом направлении составляла 200 километров, главные силы были сосредоточены на фронте в 40 километров. Слева и справа соседей не было, кроме погранотрядов с пограничными заставами. Разрывы между нашим направлением, мурманским и лоухским составляли от 200 до 300 километров по фронту.

Боевой порядок дивизии в первое время (сентябрь—октябрь 1941 года) был построен в один эшелон (596-й и 420-й стрелковые полки). 715-й стрелковый полк находился в оперативном подчинении 104-й стрелковой дивизии, а в последующем (с середины октября) вошел в состав дивизии и составлял второй эшелон. 104-я стрелковая дивизия оборонялась севернее на рубеже гора Пограничная — озеро Верхний Верман.

Основу главной полосы обороны составляли батальонные районы. При оборудовании местности главное внимание уделялось прикрытию основных направлений, и в первую очередь дорог. Широко применялись завалы, засеки, противотанковые и противопехотные препятствия.

При инженерном оборудовании местности в зимних условиях учитывалось, что в результате сильных снегопадов снижается степень эффективности фортификационных сооружений. В связи с этим предусматривались более высокая посадка огневых сооружений, проволочная сеть, рогатки, проволочные заборы устраивались на длинных кольях. В лесистой местности оплетались проволокой кустарники, деревья по опушкам, просекам и лесосекам, создавались барьеры, засеки, завалы с проволочными ограждениями с самовзрывающимися фугасами. По берегам рек и озер

применялось зимой обледенение. Используя характер местности и имевшиеся подручные средства, в частях дивизии научились оборудовать из камня и дерева огневые позиции, наблюдательные пункты, блиндажи, укрытия.

Все это создавалось по указаниям командира дивизии, командиров частей, дивизионного инженера Е.И. Майкова и полковых инженеров. Для этого использовались саперные подразделения частей и 223-го отдельного саперного батальона (командир — майор Яковлев).

Большое внимание уделялось инженерному обеспечению стыков и флангов частей и подразделений. Была создана и в последующем совершенствовалась система фортификационных сооружений и заграждений, позволявших прочно удерживать занимаемые рубежи и в то же время умело использовать их для ведения активной обороны. Личный состав всей дивизии упорно и успешно решал эту задачу, проявляя при этом творчество и инициативу.

На оборонительном рубеже реки Верман и озера Толванд только силами 223-го отдельного саперного батальона (командиры рот лейтенант Кузнецов и старший лейтенант Кладов) было построено: дзотов — 179, установлено противотанковых мин — 5700 штук, установлено противопехотных мин — 1800 штук, сделано лесных завалов — 4350 квадратных метров, установлено противотанковых надолб — 2530 штук, установлено камнеметов — 115 штук, установлено проволочных препятствий — 450 километров, проложено колонных путей — 54 километра, построено мостов — 36, построено блиндажей — 92, заминировано мостов — 21, снято мин противника — 1820 штук.

Важнейшим фактором, обеспечившим непреодолимость и устойчивость обороны в условиях Южного Заполярья, явилось эффективное применение всех средств поражения, которыми располагали части дивизии, и прежде всего организованной системы огня,

которая включала огонь стрелкового оружия, артиллерии и минометов в сочетании с особенностями условий местности (болота, озера, валунные поля, горы, ущелья) с инженерными заграждениями. Перед передним краем главной полосы была подготовлена зона сплошного огня на глубину до 1000 метров, но не менее 400 метров. Плотность ружейно-пулеметного огня перед передним краем составляла 3—4 пули в минуту на погонный метр.

Основная масса огневых средств и сил пехоты сосредоточивалась в опорных пунктах на высотах. Для обороны с тыла подготавливались запасные огневые точки для кругового обстрела. Важное значение имел командир дивизии, командующий артиллерией. Артиллерия, на которую возлагались задачи проведения дальних огневых налетов на скопления войск, поддержки действий пехоты, разрушения оборонительных сооружений, ведения контрбатареинной борьбы, размещала свои огневые позиции с расчетом маневра огнем и создания максимальной плотности на направлениях вероятного наступления противника. В этом большая заслуга принадлежала командующему артиллерией дивизии полковнику И.С. Ступину, командиру 285-го артиллерийского полка майору Г.Д. Сагачу, командирам дивизионов капитану Н. Баулину, майору Локшину и др.

Большое внимание уделялось организации противотанковой обороны. Наиболее полное развитие она получила в конце 1943 года. Она опиралась на систему ротных противотанковых районов, объединенных в батальонные противотанковые узлы, оборудованные главным образом на танкоопасных направлениях вдоль дорог и в межозерных дефиле. Так, в полосе дивизии было оборудовано три противотанковых узла на глубину до шести километров вдоль дороги Кандалакша—Алакуртти. В дивизии был создан противотанковый резерв, а в полках подготовлены истребители танков, вооруженные противотанковыми гранатами,

связками противопехотных гранат и бутылками с горючей смесью. По танкоопасным направлениям были подготовлены огни артиллерии дивизии.

Противовоздушная оборона дивизии осуществлялась зенитными артиллерийскими дивизионами под командованием майора Гузенко и постами ВНОС. Кроме того, для борьбы с самолетами противника привлекались стрелковое оружие, противотанковые ружья и дежурные пулеметы (станковые и ручные). Конечно, эффективность использования этих средств была небольшой, но их огонь заставлял противника подниматься на большие высоты, что значительно уменьшало эффективность воздействия его авиации по нашим боевым порядкам.

Большие трудности представляло обеспечение южного открытого фланга дивизии, где необходимо было прикрыть разрыв с южным соседом из 26-й армии, а также стыки между частями и подразделениями. На таких участках, кроме инженерных заграждений, организовывалось патрулирование. Открытое пространство между 19-й армией (на левом фланге 122-й стрелковой дивизии) и 26-й армией обеспечивалось погранзаставами, действиями разведывательных отрядов и групп 122-й стрелковой дивизии 19-й армии, а также батальонным районом обороны на рубеже южный берег озера Толванд—гора Тюртойва, где заняла оборону наша дивизия, а в последующем — отдельный лыжный батальон дивизии.

Командование и штабы особое внимание уделяли оборудованию командных и наблюдательных пунктов и организации надежной связи. В дивизии были оборудованы основной и запасный командные пункты, такие же пункты оборудовались и в полках первого эшелона. В условиях Заполярья командные и наблюдательные пункты были приближены к войскам. Так, штабы батальонов располагались в удалении 300—800 метров, штабы полков — в 2,5—3 километрах; штаб дивизии: КП в семи километрах, НП в полутора-

двух километрах на главном направлении обороны. В частях и подразделениях, действовавших в условиях лесисто-болотистой местности, наблюдательные пункты оборудовались на деревьях.

Основными средствами связи в обороне были проводные — телеграф (в том числе с буквопечатающей аппаратурой СТ-35 для связи со штабом армии) и телефон. Так как ширина полосы обороны дивизии достигала 25—30 и более километров, в качестве проводной связи использовалась простая проволока, иногда даже колючая, так как табельных средств явно не хватало. Радиосвязь применялась ограниченно, лишь в ходе активных оборонительных боев. Кроме технических средств связи была организована дублирующая связь — конные и пешие посыльные, офицеры связи и связные.

Части и подразделения связи проделали значительную работу по наведению связи и еще больше в ходе эксплуатации всех ее видов. Большая заслуга в этом принадлежит связистам отдельного батальона связи. Это начальник связи дивизии капитан Дашичев Иван Михайлович, в последующем майор Поляков Александр Иванович, командир батальона старший лейтенант Попов Николай Гаврилович, командиры рот старший лейтенант Скобликов Иван Павлович (в последующем — генерал-майор, начальник кафедры Военной академии связи), лейтенант Маркелов Павел Иванович, младший лейтенант Гусев Александр Владимирович (ныне доктор биологических наук, профессор), командиры расчетов и рядовые связисты старший сержант Соловьев Яков Васильевич, сержант Гуляр Конон Арестович, младший сержант Баранов Николай Михайлович, красноармейцы Бедный Федор Дмитриевич, Соломасов Петр Васильевич, а также связисты частей под командованием лейтенантов Иванова Александра Петровича, Ефремова Ивана Ивановича. Большинство из них были награждены орденами и медалями Союза ССР.

В период стабильной обороны подразделения частей дивизии поочередно выводились в тыл на определенное время (10—15 дней), где усиленно занимались боевой подготовкой. Они обучались не только ведению обороны, но и наступательным действиям. Планировались и проводились учения со штабами частей (штабные и командно-штабные на местности).

Таким образом, за период с конца 1941 года по сентябрь 1944 года части дивизии создали прочную оборону, которая дала возможность удерживать занимаемые рубежи, активными действиями наносить противнику потери и готовить личный состав к наступлению.

ОПЫТ ОБОРОНЫ В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ ЗАПОЛЯРНОГО ТЕАТРА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

За три года войны с сентября 1941 года по сентябрь 1944 года, с учетом характера и особенностей театра военных действий, недостаточного количества войск на кандалакшском операционном направлении, неполной укомплектованности личным составом и боевой техникой, войска на этом направлении, в том числе части 122-й стрелковой дивизии, применяли такие формы и способы боевых действий в обороне, которые изматывали силы врага, не давали ему возможности ослаблять свою группировку и перебрасывать свои части на другие театры военных действий, а также обеспечивали захват выгодных участков местности для улучшения тактического положения своих частей и подразделений, отражения попыток наступления противника.

Наиболее характерными из них были бои по улучшению переднего края, разрушению оборонительных сооружений противника и уничтожению его живой силы и боевой техники, разведка боем, рейдовые действия подразделений (батальон—рота) по тылам вра-

га, широкое использование снайперов, огневые удары артиллерии, планомерный и методический захват у противника господствующих над местностью высот, овладение его отдельно расположенными на флангах оборонительными районами и уничтожение находящейся там живой силы.

Эти действия проводились систематически по планам командиров дивизии и частей, согласованным с вышестоящим командованием. Подготовка подразделений к бою, как правило, начиналась с тщательного изучения противника, уточнения расположения его огневых точек, минных полей, окопов, проволочных заграждений, выявления системы огня. В тылу подбиралась местность, схожая с той, на которой предстояло вести бой. Здесь стрелки, разведчики, пулеметчики, саперы, связисты тренировались в преодолении заграждений, умении вести бой в окопах и траншеях, а также учились блокировать и захватывать огневые точки врага.

Бои за улучшение переднего края обороны велись подразделениями 596-го стрелкового полка и 420-го краснознаменного стрелкового полка на протяжении сентября—октября 1941 года. Передний край оборонительной полосы дивизии проходил по восточному берегу водной системы Верман. Ширина рек Средний и Нижний Верман — 10—15 метров, в отдельных местах — до 50—60 метров, имелись броды. Западный берег — пологий, низкий. Восточный берег — выше. Прилегающая местность покрыта густым кустарником и лесом.

Первая траншея и отдельные огневые точки наших частей по восточному берегу находились на 10—50 метров от уреза воды. По западному берегу перед передним краем обороны противника было установлено проволочное заграждение в четыре кола, на отдельных участках — спираль «Бруно» в несколько рядов. Первая траншея противника проходила по восточным склонам гор Лысая, Войта, высот 386,4, 366,4.

Такое расположение требовало улучшения нашего переднего края, особенно на отдельных участках. С этой целью были предприняты активные действия вновь сформированным 4-м стрелковым батальоном на рубеже Верман. Его атаки на левом фланге дивизии закончились успешным выходом на северный берег озера Толванд.

Неоднократные активные действия предпринимал 596-й стрелковый полк в районе юго-восточных скалов высоты 386,4 на западном берегу озера Нижний Верман, которые дали возможность овладеть целым рядом безымянных высот, улучшить начертание переднего края обороны и выставить боевое охранение в составе усиленного взвода на западном берегу озера Нижний Верман. Активные и смелые действия проводили подразделения 420-го краснознаменного стрелкового полка в районе железнодорожного разъезда № 5 и в полутора километрах западнее. Все эти действия, а также активная работа разведывательных подразделений, особенно 153-го отдельного разведывательного батальона (командир капитан Репин), обеспечили закрепление дивизии на рубеже системы Верман.

Во второй половине октября дивизия получила пополнение — несколько маршевых рот (по 450—500 человек каждая), что обеспечило доукомплектование стрелковых подразделений, а также формирование минометных батальонов и рот автоматчиков во всех стрелковых полках.

На отдельных направлениях противник почти ежедневно проводил разведку боем подразделениями в составе от усиленной роты до пехотного батальона; особенно упорно и настойчиво он действовал вдоль дороги Алакуртти—Кандалакша — на самом танкоопасном направлении. Однако все его попытки отражались огнем всех видов оружия подразделений 420-го краснознаменного стрелкового полка и 596-го стрелкового полка, а также огнем орудий 285-го артиллерийского полка.

В ходе действий противника нашими подразделениями неоднократно проводились контратаки, которые успешно заканчивались нанесением противнику значительных потерь, захватом пленных и трофеев.

Заботу командования дивизии, а также армии вызвал открытый фланг южнее озера Толванд. В этой связи большой размах получили разведывательные действия во всех частях и подразделениях. Так, например, только за трое суток (16—19 ноября) по плану штаба дивизии одновременно проводилась разведка:

— силами 420-го краснознаменного стрелкового полка (взвод из 15 человек, командир — лейтенант Муратов), в районе западного берега озера Нижний Верман;

— 596-й стрелковый полк (группа лейтенанта Сулина (10 человек) и взвод 9-й стрелковой роты, командир — старший лейтенант Колегов) — в районе безымянной высоты и западного берега реки Нижний Верман;

— разведывательная рота 153-го разведывательного батальона под командованием капитана Репина — в направлении горы Килис-Тундра;

— 256-й отдельный батальон связи (линейный взвод (21 человек) под командованием старшего лейтенанта Попова) — в направлении озера Лахти-Ярви;

— 285-й артиллерийский полк (группа из 9 человек под командованием младшего лейтенанта Николаева) — в районе горы Ханхивара.

В результате действий разведчиков были захвачены пленные и получены ценные сведения о расположении огневых точек противника и его намерениях, кроме того, эти действия вселили уверенность в возможности успешно вести разведку.

Начало 1942 года ознаменовалось особенно интенсивными действиями разведчиков 420-го и 596-го полков. Благодаря их активным действиям командованию удалось почти полностью раскрыть группировку про-

тивника. Однако эти действия не обошлись без потерь. Так, в ночь с 22 на 23 февраля при выполнении боевой задачи погиб разведчик Герой Советского Союза Павел Власович Мегер¹. Разведвзвод 420-го краснознаменного стрелкового полка лейтенанта Макарова в ходе разведки на реке Нижний Верман попал под губительный огонь пулеметов и автоматов противника. Не имея возможности продвинуться или отойти, взвод залег. Павел Мегер решил уничтожить огневую точку гранатами и обеспечить отход, но, не достигнув пулемета 10—15 метров, он попал под огонь и погиб. Разведчики подхватили убитого Павла, взвод отошел, понеся значительные потери.

Опираясь на созданные опорные пункты, начались более активные действия наших частей на левом фланге дивизии. В это время года на кандалакшском направлении стали создаваться и действовать лыжные отряды. Суровая зима и длинные полярные ночи Заполярья, наличие открытых флангов и стыков благоприятствовали действиям этих отрядов.

1 декабря 3-й батальон 420-го краснознаменного стрелкового полка под командованием старшего лейтенанта Николая Архиповича Корякова отправился в рейд вдоль южного берега озера Толванд и далее — вдоль озера Лахти-Ярви. В течение 10 дней батальон вел разведку и в районах озер Ори-Ярви, Лахти-Ярви, где встретил опорный пункт противника, атаковал его, разгромил оборонявшуюся пехотную роту противника и, преследуя его в северо-западном направлении, углубился на 10—15 километров в оборону противника. В ходе этих действий отличились развед-

---

¹ Мегер Павел Власович (1912—1942) — судовой кок (повар) ледокольного парохода «Георгий Седов» Главсевморпути; первый из одесситов-моряков, удостоенный звания Героя Советского Союза. В годы Великой Отечественной войны красноармеец Павел Мегер — разведчик 420-го стрелкового полка (122-я стрелковая дивизия, Карельский фронт). В одном из боев, 23 февраля 1942 г., пал смертью храбрых.

чики батальона под командованием замполитрука Быкова, обнаружившие до двух взводов противника, расположившихся в палатках. Быков внезапно атаковал и разгромил их, захватив двух пленных. Батальон выполнил свою задачу и 10 декабря переправился по льду на северный берег озера Толванд в свое расположение.

После краткого отдыха батальон был усилен ротой автоматчиков и саперным взводом полка, двумя взводами разведроты дивизии и 14 декабря выступил во второй рейд с задачей вести разведку южнее озера Толванд и обеспечить работу двух рот 223-го отдельного саперного батальона, соорудивших инженерные заграждения вокруг горы Тюртойва, а также устанавливал столбы и надолбы на льду озера, производил маскировку берегов, «посадку» деревьев на озере и по берегу, устанавливал большое количество фугасов и минных полей. Работой саперов руководили заместитель командира батальона старший лейтенант Кладов и военный комиссар батальона старший политрук Ковалевский.

Второй рейд батальона продолжался также десять дней, из них шесть дней батальон вел бои с группами противника (от взвода до полутора). Противник пытался отрезать путь отхода батальону, но тыльный отряд лейтенанта Маркова неожиданно обрушился на противника и вынудил его к бегству.

Умело руководили действиями подразделений политруки Митин и Иващенко, командиры подразделений капитан Тимофеев, старшие лейтенанты Аносов и Березин, замполитрука Быков и сержант Ухов. Отважно действовал в бою красноармеец Зенатов. Встретив трех фашистов, он потребовал сдаться, но, когда ответа не последовало, он бросил гранату, двоих убил, а третьего захватил в плен.

Командованию дивизии стало ясно, что активные действия, а стало быть, и разведку в сложившейся оперативной обстановке необходимо вести на флан-

гах и в тылу противника. С этой целью 3-й батальон 420-го полка был выведен в резерв командира дивизии и начал подготовку к походу в район озера Лахти-Ярви общей протяженностью около 200 километров.

Дважды в декабре 1941 года и в январе 1942 года батальон совершил рейды в район озера Лахти-Ярви, горы Войта-Тундра. Было разгромлено два небольших гарнизона немцев, захвачены трофеи и много документов. Полученный опыт боев вызвал необходимость реорганизации батальона. Частично был обновлен личный состав, винтовки заменили автоматами, заменили мягкое крепление лыж на металлическое, чем значительно повысили маневренность батальона и его огневую мощь.

В начале марта 1942 года батальону была поставлена задача: выйти в район озера Ори-Ярви, установить расположение противника, разгромить один из гарнизонов и захватить пленных. В ходе движения в тылу противника разведка обнаружила движущийся навстречу батальон финнов. Батальон по приказу командира быстро и скрытно развернулся во фланг походной колонне противника и разгромил его основные силы. Атака была настолько внезапной и стремительной, что противник потерял только убитыми 75 человек. Остальные в панике бежали, бросая оружие и имущество. Было захвачено трое пленных, много документов и финских лыж. Батальон благополучно возвратился в свое расположение. За совершенные подвиги в тылу противника многие офицеры, сержанты и солдаты были награждены орденами и медалями. В последующем батальон неоднократно совершал рейды в тыл врага и всегда возвращался с успешно выполненным заданием.

Особое место в истории дивизии в период 1941—1943 годов занимает отдельный лыжный батальон 122-й стрелковой дивизии. Командир — старший лейтенант К.А. Кряков, заместитель — старший лейтенант Павел Гаврилович Шамо́в и начальник штаба — стар-

ший лейтенант И.А. Бурков. Батальон был сформирован в начале сентября 1942 года. Первый рейд батальон осуществил в декабре 1942 года (с 10 по 18 декабря) в район озера Лахти-Ярви, где организовал несколько засад на патрульных лыжнях в тылу противника, разгромил взвод немцев и захватил двух пленных противника. Больше десяти раз совершал свои рейды батальон в тыл противника, почти до самого начала наступления наших войск (сентябрь 1944 года).

Успешным действиям батальона способствовал созданный командирами крепкий воинский коллектив, а также эффективная партийно-политическая работа, проводимая среди личного состава политработниками, возглавляемыми заместителем командира по политической части Н.Г. Батуриным. Огромную работу проводили в батальоне инструктора политотдела дивизии Т.Т. Богданов, Розов и особенно Михаил Корнеевич Карцев — старший инструктор по пропаганде.

Разнообразные задачи выполнял отдельный лыжный батальон (ОЛБ). Командующий 19-й армией генерал-лейтенант Г.К. Козлов в присутствии командира дивизии полковника Мещерякова¹ поставил задачу — разыскать в тылу немцев роту предателей-власовцев, сформированную немцами на нашем направлении, разгромить ее и захватить пленных. Батальон, выслав разведку по нескольким направлениям, двинулся в тыл противника. На третьи сутки командир взвода разведки лейтенант Черников доложил: «На высоте 140 обнаружил две роты противника. Слышна русская и немецкая речь».

Командир батальона решил внезапной атакой всеми силами окружить высоту и уничтожить противника, захватив пленных. Все было исполнено настолько скрытно, что противник, ничего не подозревая, расположил-

---

¹ М е щ е р я к о в Николай Николаевич — полковник, командир 122-й стрелковой дивизии (31.08.1941—29.03.1943).

ся на обед. Тут и грянула атака. Бой был короткий и свирепый, много власовцев было уничтожено. Из 75 человек было взято в плен только шесть. Собрав трофеи, допросив пленных, батальон двинулся в обратный путь. В этом бою батальон потерь не имел.

Было бы неверным описывать только успешные походы. К сожалению, были и неудачи. Так, в ноябре 1943 года батальон получил задачу: выйти в тыл немецкой обороны, разгромить один гарнизон противника на западном берегу реки Тунстаса-Йоки и захватить пленных.

Стояла ясная, морозная погода, и ничто не предвещало беды. На третьи сутки рейда, когда батальон углубился в тыл противника на 70 километров, погода резко изменилась. Подул теплый ветер, и пошел мокрый снег. Весь личный состав промок. Намокли маскхалаты, полушубки, валенки, на лыжи налипло столько снега, что продвижение было практически невозможным. Командир батальона принял решение остановиться и принять меры к укрытию людей и оружие под плащ-палатки. На это ушло несколько часов.

Наступила ночь, небо прояснилось, постепенно стал крепчать мороз. За какие-нибудь два часа он достиг 20—25 градусов (так часто бывает в Заполярье). На людях все обледенело, невозможно было двинуть ни рукой, ни ногой. Упавшего в снег приходилось поднимать нескольким человекам. Люди стали замерзать, особенно ноги и руки. Остановиться и развести костер батальон не мог, так как рядом был противник. Батальон стал практически небоеспособным.

Командир батальона доложил обстановку командиру дивизии полковнику Перепичу¹. Однако послед-

---

¹ П е р е п и ч Григорий Федорович (14.03.1908 — ?) — полковник (1943). В Красной армии с 1925 г. В Великую Отечественную войну с октября 1941 г. — помощник начальника оперативного отдела штаба Карельского фронта. С мая 1942 г. — начальник штаба 7-й отдельной лыжной стрелковой бригады, а с июня — начальник оперативного отделения 289-й стрелковой дивизии. С 7 июля 1943

ний приказал выполнять задачу, не поверив докладу командира батальона. Обстановка с каждым часом усложнялась, появились первые обмороженные.

Капитан Коряков принимает решение на отход в исходный район. Двое суток без сна и остановок шел батальон. А двигаться было неимоверно трудно. Приходилось под мышками подрезать рукава у полушубков, чтобы свободнее двигать руками. Делалось все возможное, чтобы не допустить обморожения. Растирали снегом, водкой, спиртом обмороженные места на лице и руках. Труднее всего было с ногами. Валенки снять невозможно, их можно было только разрезать или оттаять на костре, но делать это в тылу врага, где каждую минуту батальон мог быть подвергнут нападению, не представлялось возможным.

Наконец, батальон прибыл на базу (южный берег озера Толванд) и немедленно приступил к оказанию первой помощи пострадавшим. По льду озера были переправлены конные и олени упряжки медико-санитарного батальона майора Темникова Якова Семеновича, которые делали все возможное, чтобы помочь обмороженным. 70 человек были госпитализированы. А обморожение ног и рук, но в более легкой форме получил весь батальон, в том числе и командир батальона.

Командир дивизии полковник Перепич всю вину возложил на командира батальона, а его радиogramмы о положении батальона таинственно исчезли. Так печально закончился один из рейдов отдельного лыжного батальона. Вскоре был освобожден от должности

по 12 февраля 1944 г. — исполняющий должность командира 122-й стрелковой дивизии 19-й армии Карельского фронта. С июня 1944 г. — слушатель Высшей военной академии им. К.Е. Ворошилова. С 28 января по 22 февраля 1945 г. — командир 144-й стрелковой дивизии 65-го стрелкового корпуса 5-й армии 3-го Белорусского фронта. В последующем — начальник отдела боевой и физической подготовки этой же армии. Участник советско-японской войны. После войны на различных командных должностях. В запасе с 1961 г.

полковник Перепич, а капитан Коряков после излечения в госпитале был назначен командиром ОЛБ соседней 104-й стрелковой дивизии.

Много рейдов совершил ОЛБ 122-й стрелковой дивизии и в конце 1943 года стал гарнизоном на южном берегу озера Толванд, а командиром батальона был назначен майор Николай Колегов.

В полосе дивизии систематически направлялись в тыл противника разведгруппы силами от взвода до роты из состава 420-го краснознаменного стрелкового полка и 596-го стрелкового полка. Смелыми действиями они дезорганизовывали оборону, уничтожали живую силу и огневые точки противника, захватывали пленных. О размахе, массовости и результативности действий разведывательных групп свидетельствуют такие данные. Только за период с января по ноябрь 1943 года в тылу противника в полосе дивизии действовали более 150 разведгрупп и разведотрядов, то есть 10—11 групп ежемесячно. За это время убито и ранено свыше 300 вражеских солдат и офицеров и 25 захвачены в плен. А всего за 1941—1943 годы было проведено 432 разведывательных мероприятия и уничтожено более 900 фашистов.

Действовали эти подразделения на лыжах (снег в Заполярье бывает с ноября по май месяц). Весь комплект боеприпасов, а также мины для диверсионных действий им приходилось нести на себе. Все это требовало от личного состава высокой физической подготовки и выносливости. В отдельных случаях для транспортировки пулеметов, минометов, больных и раненых использовались олени упряжки и лодочки-волокуши.

Высокая подвижность лыжников, широкое применение охватов и обходов позволяли им появляться с самых неожиданных для противника направлений, наносить удары по наиболее уязвимым местам. Обычно такие налеты осуществлялись на рассвете,

когда гитлеровцы меньше всего были готовы к бою. Особенно отличались в таких действиях отряды 596-го стрелкового полка во главе с капитаном В.Д. Чернышевым и 715-го стрелкового полка с капитаном Колеговым и др.

Другим наиболее распространенным способом боевых действий подразделений являлись засады, которые устраивались на дорогах и контрольных лыжных. Особого искусства требовала организация в тылу врага отдыха воинов-лыжников — дневок и ночевок. Обычно с этой целью выбирались высоты по возможности с густым лесом, где можно было укрыться и организовать устойчивую круговую оборону в случае обнаружения противником.

Широко практиковалась специальная разведка, которую организовывали артиллеристы и саперы. Например, артиллерийской разведкой, наряду с обнаружением целей, изучались местность, методы стрельбы артиллерии противника.

Большое внимание уделялось инженерной разведке с целью получения данных о местности и ее инженерном оборудовании. Много инициативы и находчивости при этом проявили саперы под руководством дивизионного инженера майора Евгения Ивановича Майкова (1942 — январь 1944 года).

В полосе дивизии в условиях пересеченной местности, удобной для маскировки, получило широкое распространение снайперское движение. Это потребовало от командиров частей и подразделений больше внимания уделять подготовке снайперов. Командиры, политорганы и штабы проделали большую работу по организации снайперского движения. В частях проводились двух-трехдневные сборы, на которых под руководством опытных офицеров воины тренировались в выборе огневой позиции, маскировке, ведении огня по мишеням.

В марте 1942 года в дивизии состоялся первый слет снайперов, сыгравший большую роль в развитии

снайперского движения, распространении передового опыта меткой стрельбы.

В течение более 30 месяцев (920 дней и ночей) части дивизии вели упорную активную оборону.

ВО ГЛАВЕ ОПЕРОТДЕЛА ШТАБА ДИВИЗИИ

Но вернемся к моему назначению в 122-ю дивизию.

В июле 1943 года я был принят начальником штаба 19-й армии генерал-майором Маркушевичем и отправлен на КП 122-й стрелковой дивизии.

В ближайшие дни я познакомился с командованием и оперативным составом дивизии и полков. Вот запись из моего дневника:

«Командир дивизии — полковник Величко¹ Алексей Никонович — 1896 года рожд. (2 ордена, 3-й — Бухарской Советской Республики).

---

¹ В е л и ч к о Алексей Никонович (2.11.1896—30.10.1978) — генерал-майор (1944). Служил в русской армии, старший унтер-офицер. Состоял в Красной гвардии (1918). В Красной армии с 1918 г. Участник Гражданской войны, командир роты. В начале Великой Отечественной войны — начальник Таллинского, затем 1-го Тюменского пехотного училища. По окончании Военной академии Генштаба полковник Величко назначен командиром 122-й стрелковой дивизии 19-й армии Карельского фронта. В конце ноября дивизия в составе 133-го стрелкового корпуса была переброшена на 3-й Украинский фронт, где вошла в состав 26-й армии и принимала участие в освобождении Венгрии. В ходе Будапештской операции дивизия отличилась при освобождении г. Секешфехервар. В конце марта 1945 г. дивизия была передана в состав 57-й армии того же фронта и участвовала в Балатонской и Венской операциях. 2 апреля 1945 г. совместно с другими соединениями фронта и болгарскими войсками дивизия овладела г. Надканижа — центром нефтяной промышленности Венгрии и важным узлом дорог, сильным опорным пунктом вражеской обороны.

После войны Величко командовал дивизией. С 1946 г. начальник отдела управления боевой и физической подготовки Прикарпатского военного округа. С 1955 г. в запасе.

Начальник политотдела — подполковник Еремеев¹.

Начальник штаба — полковник Безрукавый² Григорий Семенович.

Командующий артиллерией — полковник Синченко.

Начальник разведки — майор Петя Зайцев, заместитель его — Бесетов.

Зам. нач. оперотделения — майор Светенко.

Пом. нач. оперотделения — майор Широков.

Пом. нач. оперотделения — капитан Тюрин.

Дивизионный инженер — инженер-майор Огарков Николай Васильевич 1917 года рождения, 30 октября.

Нач. хим. службы — майор Гуркин.

Писарь оперотделения — рядовой Мишин.

Нач. связи дивизии — майор Поляков Александр Иванович (москвич).

Начальник тыла дивизии — вначале подполковник Гиндин, затем майор (вскоре подполковник) Вакарев.

Командир 420-го краснознаменного стрелкового полка — майор Чернышов Василий Дмитриевич. Зам. по политчасти, подполковник (бывший чекист), начальник штаба — майор.

Командир 596-го стрелкового полка — подполковник Данилов.

Зам. комполка по политчасти — майор Сердобинцев.

Заместитель по тылу — майор Бородин.

---

¹ Е р е м е е в Александр Ильич — в 1941—1942 гг. старший батальонный комиссар, начальник политотдела 52-й стрелковой, затем — 10-й гвардейской стрелковой дивизии. Начальник политотдела, с июня 1943 г. он же — заместитель командира по политчасти 122-й стрелковой дивизии (17.01.1943—9.05.1945), подполковник.

² Б е з р у к а в ы й Григорий Семенович — полковник, командир 420-го стрелкового полка 122-й стрелковой дивизии (19.08.1942—2.07.1944), начальник штаба 122-й стрелковой дивизии (19.08.1942—2.07.1944).

Командир 715-го стрелкового полка — полковник Громов Павел Сергеевич.

Начальник штаба — майор Николай Яковлевич Шумаков.

Зам. командира полка — подполковник Антикайнен Урхо.

Командир артполка — майор Баулин Николай.

Начальник штаба артиллерии — подполковник Котов.

Нач. орг. планового отделения — подполковник Малиновский.

Командир 262-го саперного батальона — майор Кладов.

Начсанбат — вначале майор (ФИО не помню), затем майор медицинской службы Боровик Александр Иванович.

Командир медсанбата — подполковник медицинской службы Темнилов Яша.

Главный хирург — майор (затем подполковник медицинской службы) Блюнз Леон Абрамович.

Военный прокурор — подполковник.

Пред. военного трибунала — подполковник.

Нач. особого отдела Смерш — майор (земляк из г. Николаева).

Нач. отд. кадров — майор Веселовский.

Нач. стр. отделения — майор Деркачев (из Архангельска).

Мой ординарец — ефрейтор Шубин Вячеслав (плотник из Ленинграда).

Начальник административно-хозяйственного отдела штаба дивизии — старшина Алексеев.

Комендант штаба дивизии — старшина Харьков П.В.

Старшая хирургическая сестра — старший лейтенант Смирнова Антонина Сергеевна (ленинградка).

Главный терапевт медсанбата — майор Соколова Надежда Григорьевна.

Хирург — Блюмина.

Начальник 8-го отделения штаба — майор Косырев (бывший директор пивзавода из Сталино (Донецк)).

Завсекретного делопроизводства — старшина Бабошкин».

Дивизия занимала оборону в системе рек и озер Верман. На левом фланге, растянувшись с востока на запад до 50 километров и по ширине около 12 километров, лежало озеро Толванд. На южном берегу находилась гора Тойва, на которой располагался отдельный лыжный батальон дивизии. Все полки располагались в первом эшелоне дивизии: на правом фланге 420-й краснознаменный стрелковый полк, на левом — 596-й стрелковый полк, в центре — 115-й стрелковый полк.

При тщательном знакомстве с делами, кроме схемы обороны дивизии на карте, других документов в штабе не оказалось. Ни приказа, ни таблицы взаимодействия, ни распоряжений, ни планов боевого обеспечения. Пришлось начинать с нуля. Буквально в течение одной недели мною лично был разработан боевой приказ на оборону, плановая таблица взаимодействия, а затем соответствующие начальники отработали свои документы. Доложил начальнику штаба и командиру, те подписали и отправили все по частям.

Буквально через несколько дней после этого в штаб прибыл командующий 19-й армией генерал-лейтенант Козлов и потребовал боевую и планируемую документацию. Командир дивизии и начальник штаба доложили, однако начальник штаба некоторые пункты и разделы объяснить не смог. Тогда командующий потребовал исполнителя, и я пришел в блиндаж комдива.

После моего доклада и некоторых замечаний командующего я понял, что он весьма удовлетворен. Командующий сказал: «Сохранение документов, их

оформление и доклад достойны офицера Генерального штаба». При этом он спросил, что я кончал (какую академию)? Я доложил, что кроме пехотного училища (сокращенного срока — полтора года и 1 месяц курсов) — ничего. Правда, один год я служил начальником штаба полка под руководством подполковника Кострова. Этим докладом командующий остался доволен. Высказал свое одобрение по этому поводу и мой тогдашний близкий товарищ и друг Николай Васильевич Огарков (к этому времени он закончил инженерный факультет Военной академии имени Кутешкова).

Дела в последующем пошли хорошо. Командование дивизии стало мне многое доверять и поручать.

В начале августа командование и штаб 19-й армии стали нас часто привлекать к занятиям с реальными расчетами по обстановке. Обычно от дивизии участвовали: командир дивизии полковник А.Н. Величко, командующий артиллерией, начальник оперотделения и дивизионный инженер. Когда мы вросли в обстановку, командир дивизии приказал мне совместно с дивизионными инженерами провести рекогносцировку на левом фланге дивизии в направлении высоты 200 примерно в 7—8 километрах от горы Тойва на запад. Эта дорога и высота вывели в последующем в тыл верманской оборонительной линии немцев.

Левый фланг упирался в северо-западный берег озера Толванд, протянувшегося с востока на запад на 50 километров и шириной до десяти километров. К нему с севера подходила водная система Верман (переплетение различного размера озер, горных рек и речушек), по которой проходил передний край нашей обороны. В опорных пунктах на горе Тойва, на южном берегу озера, расположился наш отдельный лыжный батальон с задачей прикрытия левого фланга дивизии и в целом 19-й армии. Далее на юг, до

лоухского направления, пространство протяженностью в 80—100 километров (почти по нашей старой государственной границе) прикрывалось пограничными заставами. Нас интересовала высота 220, расположенная в 7—8 километрах от горы Тойва, с которой на большую глубину просматривался противник.

Группе под моим началом была поставлена задача: разведать подходы к высоте; проходимость всеми видами боевой техники, в том числе танками; наличие опорных пунктов противника; условия наблюдения; возможности овладения высотой 220.

В состав группы вошел и дивизионный инженер Н.В. Огарков — будущий маршал и начальник Генерального штаба Советской армии. На рассвете 11 августа мы верхом на лошадях отправились на прибрежную базу, где была подготовлена переправа. По пути проверили состояние опорных пунктов во второй полосе обороны. Ночью переправились на весельных лодках на южный берег озера, ширина которого в этом месте достигала восьми километров. При подходе к берегу мы попали под артиллерийский обстрел, но обошлось без потерь. Пришлось нам поработать веслами!

На берегу нас встретили саперы, подчиненные Николаю Васильевичу. При встрече я увидел, что они его не только уважают как начальника, но чисто человечески любят. Николаю Огаркову тогда шел 27-й год, выглядел он энергично и даже моложе своих лет.

Уточнив маршрут и задачи, мы выслали головной дозор и вышли по проходам в наших минных полях за передний край обороны. Впереди со мной шли Николай Васильевич и командир отдельного лыжного батальона майор Николай Колчин. (Тому исполнился 21 год. Вот какие юные офицеры делали победу в Великой войне!) Высланный вперед дозор доложил: на нужной нам высоте пехотное отделение

противника оборудует окопы. Мы решили обойти их с флангов и взять в плен. Но нас они тоже каким-то образом обнаружили.

Шли молча, бесшумно и, как мы быстро ни старались, однако потратили на эти 7—8 километров около трех часов. Шли по каменистой, мшистой почве, а то и по заросшему болоту. Местность резко пересеченная. По сигналу головного дозора мы поднялись на высоту 200, и нашему взору открылся рубеж нашей обороны.

Первое, что мы увидели, были только что покинутые, еще «теплые» окопы немецких солдат.

— Чую по запаху серы, — объяснил комбат Колчин.

Серу немцы применяли для борьбы со вшами и чесоткой, которые им изрядно досаждали. Армия цивилизованного европейского государства постоянно страдала от последствий нездорового образа существования. А в наших советских окопах такое было редкостью. Интересное противоречие...

С вершины высоты открылся красивейший вид: растянутым эллипсом блистало зеркало озера Толванд, далее ярко зеленели хвойные леса с вкраплениями многочисленных небольших озер. За час мы выполнили поставленные задачи. Без помех мы осмотрели местность, уточнили карты, наметили маршруты для выдвижения войск. День был светел и тих, все кругом отлично просматривалось до десяти километров, в том числе передний край противника севернее озера Толванд. Задача выполнена, мы возвращаемся. Материалы разведки были использованы при нанесении войсками 19-й армии вспомогательного удара в обход с юга немецкой группировки на кандалакшском направлении.

Мы возвращались в расположение лыжного батальона, который тогда прикрывал левый фланг дивизии и армии. Тут я вспомнил, что сегодня, 12 августа, день моего рождения. Мне исполнилось 24 года!

И я решил: если все пройдет благополучно, то в расположении лыжного батальона сообщу, что сегодня мой день рождения. Вернулись мы к закату солнца. И тут командир батальона Колчин заявляет:

— Товарищ подполковник! Разрешите поздравить вас с днем рождения, а всех нас — с благополучным возвращением. Приглашаю на обед и ужин сразу.

Оказалось, Николай Огарков, ранее узнав о дате моего рождения от начальника отдела кадров дивизии, скрытно от меня сообщил комбату. Событие мы отметили по-братски. Надо сказать, такие вылазки редко проходят без потерь. И видимо, от большого нервного напряжения нас и водка не брала. На двоих с Николаем мы опустошили восьмисотграммовую фляжку. В жизни я ни до того, ни после столько не пил!

А в день моего пятидесятилетия в дивизию прибыл приказ министра обороны о моем назначении заместителем командующего войсками Приволжского военного округа по вузам и вневойсковой подготовке. На этой должности я прослужил до конца января 1977 года, затем был назначен для прохождения дальнейшей службы в Главное управление военно-учебных заведений Министерства обороны СССР. А в марте 1988 года был уволен в отставку по болезни и выслуге лет. В этих нескольких строках послужного списка долгие годы воинской службы в мирное время; останавливаться на них нет необходимости.

Ибо, как определено в начале книги, задача автора не описание быстротекущих дней, лишенных чрезвычайности. Впрочем, не исключено, что задача выбора нами решается не от случая к случаю, а ежесекундно или даже ежесекундно. И всегда готовый низринуться топор рока постоянно висит над каждым...

Вот, отвлекся на философское обобщение только что написанного, и память вернула к военному эпизоду, когда я находился в десяти минутах от неминуемой смерти...

На рассвете мы переправились на северный берег, где нас ожидали отдохнувшие лошади и мой Евфрат — конь, с которым я воевал с сорок второго года до конца войны.

С Николаем Васильевичем в тот день мы расстались на недействующей железной дороге Ням-озеро — Алакуртти. Он поехал на осмотр запасных позиций, я — проверить колонный путь для маневра резервом дивизии.

По возвращении на командный пункт дивизии мы нанесли данные разведки на карту и доложили командиву, а затем начальнику штаба армии. Началась подготовка наступательной операции. Для нанесения вспомогательного удара на левом фланге армии была создана оперативная группа в составе стрелкового, артиллерийского, танкового полков и отдельного лыжного батальона. Группу возглавил начальник штаба дивизии, в нее вошли я и Николай Огарков, так как оба хорошо изучили это направление.

Обстановка на кандалакшском операционном направлении к сентябрю 1944 года сложилась следующая.

36-й армейский корпус немцев, в который входили 158-я и 163-я пехотные дивизии, несколько отдельных батальонов и другие средства усиления, находился в хорошо оборудованной в инженерном отношении обороне, состоявшей из четырех полос общей глубиной до 100 километров.

Первая, главная полоса проходила по водной системе Верман, вторая находилась на западном берегу реки Тунстаса-Йоки, в 24 километрах от переднего края, третья — так называемый Кайральский рубеж — тянулась по западным озерам Куолоярви и Апарярви. Еще западнее, в бывшем финском укрепленном районе, располагался четвертый тыловой оборонительный рубеж. На флангах немцы имели систему опорных пунктов, расположенных в тактически выгодных районах. Строя оборону, противник умело использо-

вал характер местности, заблаговременно подготовил позиции и дороги для переброски резервов на случай наших фланговых ударов.

Главную полосу обороняли части 163-й и 169-й пехотных дивизий немцев. В корпусном резерве находились: в районе Кайралы — 14-й пулеметный батальон и батальон РОА, в районе Куолоярви — 211-й танковый батальон, 7-й и 57-й горноегерские батальоны. Открытые фланги прикрывались 230-м и 234-м разведывательными эскадронами и 56-м горноегерским батальоном. Укомплектованность личным составом была 80—100 процентов.

В состав 19-й армии к началу операции входили пять стрелковых дивизий — 104, 67, 341, 21 и 122-я, также 38-я гвардейская танковая бригада, 88-й отдельный танковый полк, восемь артиллерийских и минометных полков и одна штурмовая инженерная бригада. Армия имела 475 орудий и 484 миномета. Мы превосходили противника по пехоте в 1,2 раза, по артиллерии — в 1,4 раза, по минометам — в 2 раза.

Армию поддерживали с воздуха истребительная, бомбардировочная, штурмовая авиадивизии и два бомбардировочных авиаполка, имевшие в общей сложности 220 боевых машин, в том числе 50 штурмовиков, 120 бомбардировщиков и 50 истребителей.

Оперативное построение строилось в два эшелона. В первом находились 21, 104 и 122-я стрелковые дивизии, во втором — 67-я, 341-я стрелковые дивизии, 38-я гвардейская танковая бригада и 88-й отдельный танковый полк. Главные силы армии были сосредоточены на правом фланге.

При разработке наступательной операции прежде всего учитывались природные условия боевых действий. Местность здесь изобиловала горами, лесами, болотами, была труднопроходима, а местами совершенно непроходимой для танков, артиллерии и другой боевой техники. Многочисленные водные системы в сочетании с горными хребтами и высотами

представляли собой естественные оборонительные рубежи. На путях наступления имелась лишь одна магистральная грунтовая дорога, идущая от Кандалакши на Рованиemi, а также одна, параллельная ей, железнодорожная ветка. За время обороны на участке Куолярви—Вуориярви немцами был проложен обходной путь протяженностью около 80 километров. Таким образом, при разработке операции учитывалось, что перехват нашими войсками основной коммуникации в тылу противника будет означать его полное окружение, так как отвести свои войска и боевую технику по болотам и лесам немцы не смогут.

В этой связи наступление задумывалось как операция на окружение и полное уничтожение группировки противника. Осуществить это планировалось в два этапа. На первом этапе намечалось при поддержке артиллерии, танков, авиации прорвать оборону противника на его левом фланге, обойти фронт с севера силами 104-й и 341-й стрелковых дивизий и 38-го отдельного танкового полка танковой бригады и, выйдя в тыл противника, отрезать ему отход на запад.

122-я стрелковая дивизия двумя стрелковыми полками (420-й краснознаменный стрелковый полк и 596-й стрелковый полк) должна была держать оборону на Верманском рубеже (более 30 километров), а одним полком (715-й стрелковый полк), усиленным 1-м и 2-м дивизионами 285-го арtpолка и 88-м армейским танковым полком, нанести вспомогательный удар на Вуориярви, чтобы отрезать противнику пути отхода на юг и юго-запад. Следовательно, на первом этапе наступательной операции предусматривалось завершить окружение 36-го армейского корпуса немцев и создать условия для его разгрома.

На втором этапе — расчлнить и разгромить 36-й корпус в районе восточнее Куолярви.

104-я стрелковая дивизия на рубеже старой госграницы в районе Куолярви должна была воспрепят-

ствовать подходу резервов противника с запада и подвести резервы с этого направления.

341-я стрелковая дивизия должна была встречным ударом вместе с 715-м стрелковым полком и 122-й стрелковой дивизией овладеть Вуориярви, не допустить отхода противника на юг и подвести резервы с этого направления.

В это же время 67-й и 21-й стрелковым дивизиям, главным силам 122-й стрелковой дивизии предстояло уничтожить совместными ударами основные силы 36-го армейского корпуса в районе Алакуртти.

Через несколько дней, в середине августа, командующий армией решил проиграть наступательную операцию на картах. Как сейчас вижу большую землянку на командном пункте армии: за столами с оперативными картами сидят командующий, начальник штаба, член военного совета, начальники родов войск и начальник оперативного отдела.

Посмотрим же на некоторых из присутствующих...

Командир 104-й стрелковой дивизии — генерал-майор Г.А. Жуков¹, бывший командир погранотряда на кандалакшском направлении. Этот район был для него открытой книгой, он знал и умел использовать условия местности Заполярья для более целесообразного решения боевых задач; человек энергичный, смелый, с высоким чувством ответственности, глубоко вникал в обстановку и неоднократно в оборонительных боях вводил в заблуждение противника. Его не случайно называли Заполярный Лис. Эти качества

---

¹ Жуков Георгий Андреевич (4.04.1904—22.09.1975) — генерал-майор (1943). В Красной армии с мая 1919 г. по февраль 1921 г. и с ноября 1926 г. В годы Гражданской войны — красноармеец. В начале Великой Отечественной войны — командир пограничного полка войск НКВД в Ленинградском военном округе. С октября 1942 г. — командир 104-й стрелковой дивизии 19-й армии Карельского фронта. С октября 1944 г. — командир 127-го легкого горнострелкового корпуса 14-й армии Карельского фронта. В феврале 1945 г. корпус передан в состав 38-й, затем 1-й гвардейской армии 4-го Украинского фронта.

предопределили действия 104-й стрелковой дивизии на главном направлении, в глубоком обходном маневре армии.

Командир 341-й стрелковой дивизии — полковник И.В. Обыденкин¹, бывший командир морской бригады, на базе которой сформировалась 341-я стрелковая дивизия. Росту он невысокого, плотного телосложения, по его походке можно было с уверенностью сказать — идет морской волк, ступая будто по качающейся палубе корабля. Он умело управлял боевыми действиями подчиненных частей, творчески и инициативно выполнял задачи. Не случайно эту дивизию направили в состав главной группировки армии.

Командир 21-й стрелковой дивизии — полковник В.А. Архангельский, всегда в настроении, быстро реагирует на изменения в обстановке, в сложных условиях несколько шумлив. На вид суров, но по характеру очень добр и приветлив.

Командир 67-й стрелковой дивизии — генерал-майор С.Ф. Токарев. Молва о нем в армии: человек высокообразованный, за спиной которого дипломы двух военных академий — военно-инженерной и об-

---

¹ Обыденкин Иван Васильевич (27.09.1900—13.04.1954) — полковник (1942). В Красной армии с 1919 г. Участник Гражданской войны, красноармеец. В начале Великой Отечественной войны — майор, командир 337-го стрелкового полка 54-й стрелковой дивизии на Карельском фронте. С марта 1942 г. — начальник оперативного отделения штаба 263-й стрелковой дивизии. С июня 1942 г. — командир 132-го стрелкового полка 27-й стрелковой дивизии Карельского фронта. С декабря 1943 г. — заместитель командира 205-й стрелковой дивизии на том же фронте. С января 1944 г. — командир 85-й стрелковой, а с февраля 1944 г. — 77-й морской стрелковой бригады на Карельском фронте. С июня 1944 г. — командир 341-й стрелковой дивизии, сформированной на базе 77-й отдельной морской стрелковой бригады. С октября 1944 г. — командир 104-й стрелковой дивизии 14-й армии Карельского фронта. С 14 октября 1944 г. дивизия передислоцировалась в Румынию, где вошла вначале в состав 2-го Украинского, а затем 3-го Украинского фронта. В составе 57-й армии принимала участие в Будапештской наступательной, а затем в Балатонской оборонительной операции. С 1946 г. в запасе.

щевойсковой имени М.В. Фрунзе. Автору этих строк пришлось по службе кратковременно быть под его началом. В ходе подготовки наступательной операции армии, для обеспечения выгодного исходного рубежа на левом фланге армии, южнее озера Толванд, была создана оперативная группа под командованием генерала Токарева. Штаб оперативной группы возглавили подполковники Ушаков и Боград. Задача группы заключалась в захвате тактически важной высоты 220,0. Задача была не из легких. Однако генерал Токарев решил ее блестяще, проведя атаку ночью без предварительной артподготовки, вначале бесшумно, а с близкого расстояния — шквальным огнем из стрелкового оружия и криками «ура!». Забросав противника гранатами, мы ворвались частью сил в траншеи, остальные продолжали вести движение до полного захвата высоты. Это было смелое и в тех условиях единственно правильное решение. Задача, поставленная командующим армией, была выполнена в срок. До начала общего наступления оставалось еще 15—20 дней.

Командир 122-й стрелковой дивизии — полковник (с ноября 1944 года — генерал-майор) Величко Алексей Никонович, 1898 года рождения. В армии его за глаза называли «наш старик». Единственный из командиров дивизий — активный участник Гражданской войны, за что был дважды награжден орденом Красного Знамени. Спокоен, речь тихая, кажется — мягкий человек. Но в бою Алексей Никонович преобразался до неузнаваемости, проявляя решительность, упорство и неумную волю к достижению поставленной задачи. Нам, тогда двадцати- и двадцатипятилетним офицерам, было не угнаться за своим комдивом.

Вспоминается, какие у всех сосредоточенные лица. Идет розыгрыш операции. Командиры, в зависимости от полученной задачи, докладывают свои решения. Особенно активен командир 104-й: его дивизии предстоит большой и длительный марш-маневр по

охвату немецкого корпуса с севера. В ходе докладов уточняются детали отдельных эпизодов боевых действий.

Очень подробно разбираются действия в глубине обороны противника, в том числе неожиданные варианты. Шаг за шагом командующий генерал-лейтенант Г.К. Козлов вместе с начальником штаба генерал-майором С.А. Маркушевичем и начальником оперативного отдела полковником Дмитриевым, разыгрывают ход операции, создавая сложные ситуации, вынуждающие командиров дивизий искать целесообразные решения.

В ходе этой работы многих смутило решение командира 122-й дивизии, который решил, с целью нанесения мощного удара на узком участке силами двух полков, на остальном фронте (более 20 километров) растянуть две роты (стрелковую и пулеметную), создавая видимость обороны и прежний режим огня. Однако решение было утверждено, хотя и не без элемента риска. Впоследствии этот маневр обеспечил успешный прорыв обороны немцев вдоль железной дороги на Алакуртти.

Вот и сейчас в моих ушах звучит уверенный молодой голос дивизионного инженера 122-й дивизии инженер-майора Николая Васильевича Огаркова. Он уверенно и убежденно формулирует свои предложения по инженерному обеспечению боя, обращая особое внимание на обеспечение наступления войск южнее озера Толванд, которым предстоит в ходе боя преодолеть заболоченный лесной массив и форсировать узкие горные реки. Не забыл он и о мерах по преодолению противопехотных и противотанковых заграждений. Ни его друзьям, ни начальникам в тот момент не приходило в голову, что они слушают доклад будущего Маршала Советского Союза, начальника Генерального штаба Вооруженных сил СССР!

Наступление началось 9 сентября и, несмотря на лесисто-болотистую местность, развивалось в высо-

ком темпе. Обстановка осложнилась, когда части дивизии вышли на дорогу, ведущую к Алакуртти.

«Невероятно, но русские все же бросили свои основные силы на самый опасный для нас охват с севера и часть сил с юга... Маневр был хитро задуман и смело начат, причем этот маневр выполнила не только пехота, гужевой и вьючный транспорт, но и танки Т-34. Такой более чем неожиданный для нас рейд в тыл 36-го армейского корпуса — свидетельство о замечательном умении противника действовать в лесисто-болотистой и резко пересеченной местности в Заполярье. Наши части прикрытия в районе Корья (на севере) и высоты 162,7 (на юге) были смяты лобовым ударом, что потребовало вмешательства командования армии», — писал в своей книге «Армия в Арктике» генерал-лейтенант Хельтер, бывший начальник штаба 20-й немецкой армии, действовавшей в Северной Финляндии. (Речь в этом отрывке идет о действиях советской 19-й армии на кандалакшском направлении.)

Во время наступления все дороги и близлежащая местность оказались заминированными, в лесу противником устроены завалы. Потребовались невероятные усилия по разминированию и разгораживанию. Естественно, решение этих проблем возглавил Николай Огарков.

«Товарищ Огарков Н.В. очень много внимания уделял вопросам организации разминирования, исправлению дорог и мостов и прокладки колонных путей... Он организует работу, лично находится на самых ответственных участках», — говорилось в представлении комдива к награждению Огаркова орденом Красного Знамени.

Весь период наступления я находился рядом с Николаем. Мы не уходили с переднего края, ели из одного котелка, укрывались на отдых одним брезентом у танков, прямо у дороги, так как отход от нее в сторону грозил подрывом.

Шел уже третий день армейской наступательной операции, и мы были близки к завершению окружения алакурттской группировки противника. Мы с Николаем движемся в составе оперативной группы по дороге Алакуртти—Вуориярви. Дорога была заминирована противником, саперы дивизии хорошо поработали, но убрать все мины за короткий срок невозможно. А справа-слева непроходимое болото и валунные поля. Наступило время доклада комдиву, который с главными силами дивизии наступал южнее Алакуртти. Радист развернул новенькую радиостанцию А-7а, я прилег рядом и хотел было вытянуть уставшие ноги.

Тут раздался почти истерический крик Огаркова:
— Лежи! Не двигайся!!! Мина!

Естественно, я замер. Подошел Николай и показывает: в двух-трех сантиметрах от моей ноги торчат из земли металлические усики.

— Шпринг-мина!

Еще мгновение — и вся наша группа из семи офицеров и шести солдат, стоявших рядом с радиостанцией, погибнет. Достаточно тронуть усики, и мина выпрыгнет на высоту полметра и взорвется. В радиусе до 15 метров разлетится множество осколков.

Нет уже с нами Николая Васильевича, но я продолжаю благодарить его за бесценный подарок. Подарок, сделанный не только мне, но и другим, и себе...

Замечу, что из нас только Николай заметил мину. Ведь профессия военного инженера — одна из наиболее сложных военных профессий. Что такое военный инженер? Если предельно кратко, его боевая задача, с одной стороны, создать оптимальные условия для развертывания и наступления своих частей и подразделений, с другой — не допустить прорыва противника через боевые порядки своих войск. Держать в голове все детали непрерывно меняющейся фронтальной обстановки и действовать днем и ночью, чтобы изменить ее

в соответствии с боевой задачей. «Сапер ошибается только один раз!» — фраза крылатая. Военный инженер — тот же сапер. Вот она — главная деталь боевой жизни Николая Васильевича Огаркова.

Буквально через пару недель после описанного случая со шпринг-миной со мной произошел еще один случай, который я также трактую как счастливый перст судьбы, указавший, что я должен выжить в этой войне. Хотя я подозреваю, что каждый фронтовик может рассказать о чем-то подобном — именно потому и может рассказать, что судьба была к нему добра и он остался в живых в ситуации, в которой, казалось, у него не было шансов.

На рассвете в конце сентября 1944 года части дивизии продолжали наступление вдоль дорог, ведущих к государственной границе СССР—Финляндия. Я по радио запрашивал обстановку в частях. В это время подходит ко мне майор, заместитель начальника отдела Смерш дивизии, и предлагает:

— Давай, пойдем вместе со мной, очень спешу попасть в Лампелен...

А в этом местечке с 1941 года располагался лагерь наших военнопленных солдат. Естественно, я согласился с предложением представителя Смерша, но попросил подождать десяток минут, чтобы закончить радиопереговоры. А передвижения вне боевых позиций в тех условиях проходили таким образом: впереди один-два танка, а по следам гусениц в две шеренги идет пехота. Так мы спасались от противопехотных мин, которые уничтожались танками. Пока я заканчивал разговор по радио, майор нетерпеливо сказал:

— Ну, я пошел, догоняй...

Буквально несколько минут мне понадобилось, чтобы собрать связистов для сопровождения, как вдруг мы слышим сильный взрыв. Я только устремился со связистами по следам танка, как вижу: навстречу нам несут убитого майора. Он не дождался пехотного сопровождения, залез на броню головного танка. А тот

напоролся на противотанковую мину. Ударной волной майора сбросило на землю, где его ожидали противопехотные мины. Легкие и тяжелые ранения от их разрыва получили несколько солдат и сержантов.

Обстановка позволяла мне отложить радиопереговоры с частями дивизии, и тогда я разделил бы судьбу невезучего майора. Жалко его было в тот момент... И тем не менее и тогда, как и сейчас, я вспомнил случай, когда он, исполняя приговор военного трибунала, на глазах специально построенных представителей рот части лично расстрелял осужденного на смерть солдата...

Командование армии принимало энергичные меры для того, чтобы затянуть петлю и разгромить вражескую группировку. Но, к большому сожалению, завершающий удар не состоялся. Более того, к утру 13 сентября был оставлен район Кайрала и по приказу командующего фронтом генерала армии К.А. Мерецкова¹ советские войска отошли к северу, освободив дорогу Алакуртти—Куолярви, которой и воспользовался противник для отвода своих частей.

Генерал-лейтенант Хельтер утверждал, что немцам удалось «остановить и отбросить врага, очистить главную дорогу и отвести части 36-го армейского корпуса к Сале».

Таким образом, получается, что немцы в районе Алакуртти вроде бы добились успеха, освободили до-

---

¹ Мерецков Кирилл Афанасьевич (7.06.1897—30.12.1968) — маршал Советского Союза (1944), Герой Советского Союза (1940), кавалер ордена Победы. В Красной армии с 1918 г. В Гражданской войне участвовал в должностях комиссара отряда, помощника начальника штаба бригады, дивизии. Участвовал в национально-революционной войне 1936—1939 гг. в Испании, командовал армией в Советско-финской войне 1939—1940 гг. С августа 1940 г. — начальник Генерального штаба, с января 1941 г. — заместитель наркома обороны СССР. В годы Великой Отечественной войны командовал армиями, фронтами, был представителем Ставки ВГК на фронтах. После войны командовал войсками ряда военных округов.

рогу на Куоляярви и благополучно вывели из окружения свои части. В действительности же дело обстояло совсем иначе.

Утром 12 сентября командующий 19-й армией принял решение завершить окружение и разгром немецкого армейского корпуса, как это было предусмотрено планом армейской операции. И вот в тот момент, когда все было подготовлено для разгрома полуокруженной группировки немцев, командующий фронтом генерал армии К.А. Мерецков приказал активные наступательные действия войск 19-й армии прекратить.

Чем же мотивировало советское Верховное главнокомандование принятие такого решения? Вот что пишет об этом сам К.А. Мерецков в книге «На службе народа»: «19-я армия оказалась на высоте. Совершив по труднопроходимой местности 100-километровый марш, она в ночь на 12 сентября внезапно для противника, далеко обойдя его позиции, перерезала тыловые коммуникации. Одновременным прорывом на северном участке и ударом на южном вспомогательном направлении армия поставила немцев под угрозу разгрома. Опасаясь полного окружения, фашисты стали спешно покидать позиции...

Получив известие, что 19-я армия оседлала дорогу в районе Кайрала, я немедленно доложил об этом по прямому проводу первому заместителю начальника Генерального штаба генералу армии А.И. Антонову¹. Выслушав меня и попросив уточнить некоторые

---

¹ Антонов Алексей Иннокентиевич (15.09.1896—18.06.1962) — генерал армии (1943), кавалер ордена Победы. Участник Первой мировой войны, прапорщик лейб-гвардии Егерского полка. В 1919 г. вступил в Красную армию, служил в штабе бригады, дивизии. Во время Великой Отечественной войны — начальник штаба Южного (с августа 1941) и Северо-Кавказского (июль—август 1942) фронтов, Черноморской группы войск Закавказского фронта и т. д. С декабря 1942 г. — 1-й заместитель начальника Генштаба РККА. Участник Ялтинской и Потсдамской конференций.

детали, он сказал: «Ждите распоряжения». Я ожидал приказа о боях на уничтожение окруженного врага. Но ночью мне принесли телеграмму, в которой говорилось ни в коем случае не ввязываться в тяжелые бои с отходящими частями противника и не изнурять наши войска глубокими обходами; уничтожение фашистов вести в основном огневыми средствами, расставленными вдоль дороги, по которой они отходили».

Интересно, не правда ли?

Причиной прекращения задуманной операции по окружению и разгрому 36-го армейского корпуса, как сейчас стало известно, явилось то, что Ставка Верховного главнокомандования, имея данные о готовящемся отводе 20-й армии немцев в Норвегию и ведя подготовку к решающим военным действиям крупного масштаба на центральных фронтах, не считала возможным расходовать силы на проведение больших операций на севере. Как известно, 4 сентября с финнами был заключен договор о перемирии. Один из его пунктов гласил, что финны обязуются всех оставшихся после 15 сентября на территории Финляндии немецких солдат и офицеров разоружить и передать их в качестве военнопленных Советскому Союзу.

В итоге наступательной операции 19-й армии были разгромлены основные силы 163-й и 169-й пехотных дивизий немцев. 36-й немецкий армейский корпус понес большие потери, но все же его основным силам удалось уйти в Норвегию.

Немецкое командование использовало представившуюся возможность и до конца сентября отвело свои войска из района Алакуртти в западном направлении. Преследование немецких частей вели наши усиленные передовые отряды, нанося огневые удары в основном артиллерией, танками и минометами.

В начале октября войска 19-й армии вышли на государственную границу с Финляндией и закрепились на рубеже река Нарускайока — озеро Онкамоярви.

122-Я В ОПЕРАЦИИ ПО ОСВОБОЖДЕНИЮ ЗАПОЛЯРЬЯ (сентябрь—октябрь 1944 года)

Считаю необходимым несколько подробнее остановиться на анализе действий в данной операции частей 122-й стрелковой дивизии, поскольку я имел непосредственное отношение к планированию и реализации плана наступления дивизии и в немалой степени ответственен за итоги боевой работы дивизии. Для меня самого этот опыт был чрезвычайно важен, поскольку я — двадцатичетырехлетний подполковник, начальник оперативного отдела штаба дивизии — впервые принимал участие в столь масштабном сражении, занимая столь ответственный пост.

Готовясь к операции, в войсках и штабах организовывали и осуществляли тщательную разведку противника, перегруппировку войск, отрабатывали взаимодействие между частями и подразделениями пехоты и родами войск. Командир дивизии со штабом и командирами частей «отрепетировали» предстоящие действия на картах и макетах местности. Всем нам очень доставалось, подумать пришлось много. Дело в том, что боевой порядок нашей дивизии был не только растянут, но и разрезан озером Толванд. Отсюда и все трудности с управлением, которые возникли сразу же. На фронте от горы Пограничной до озера Нижний Верман у нас была растянута всего лишь одна рота, которая должна была создать видимость присутствия.

Для выполнения полученной задачи командир дивизии полковник А.Н. Величко решил силами 420-го и 596-го стрелковых полков (под собственным командованием) на узком участке вдоль железнодорожной ветки нанести удар в направлении перекрестка дорог юго-западнее Алакуртти, соединиться с усиленным 715-м стрелковым полком (под руководством начальника штаба дивизии, которому помогал я), наступавшим южнее озера Толванд, и выполнить поставленную

задачу. На дальнейшее ставилась задача: главными силами, совместно с 67-й и 21-й стрелковыми дивизиями, разгромить противника в районе Алакуртти, а частью сил 715-го стрелкового полка ударом в направлении Vuoriaarvi совместно со 341-й стрелковой дивизией — отрезать пути отхода противника на юг.

В решении командира дивизии предусматривалось на рубеже водной системы Верман (более 20 километров) растянуть один стрелковый батальон 420-го краснознаменного стрелкового полка, усиленный двадцатью ручными и станковыми пулеметами, с задачей создать видимость обороны на верманском рубеже, для чего системой кочующих огневых средств поддерживать существовавший режим огня. Это был риск, который впоследствии себя оправдал, так как позволил высвободить два полка для нанесения удара юго-восточнее Алакуртти.

715-й стрелковый полк с 88-м армейским танковым полком, ОЛБ, 1-м и 2-м дивизионами 285-го артиллерийского полка, саперной ротой 223-го отдельного саперного батальона атакой в направлении: высота 220, высота 162,3, перекресток дороги Алакуртти—Vuoriaarvi должен был разгромить гарнизон в районе высоты с отметкой 162,3 и, развивая наступление в направлении горы Войта-Тундра, овладеть ею. В дальнейшем, с ходу форсировав реку Тунстаса-Йоки, соединиться с главными силами дивизии юго-западнее Алакуртти. Ориентировка на дальнейшие действия заключалась в разгроме окруженной группировки, а частью сил — воспреещение подхода резервов противника с юга и юго-запада. Глубина задачи дивизии 45—50 километров.

В 17 часов 20 минут 9 сентября 1944 года, после 20-минутной артиллерийской подготовки, батальоны, выделенные от 67, 21 и 122-й стрелковых дивизий, начали разведку боем. Атака 2-го батальона 715-го стрелкового полка увенчалась успехом. Батальон ворвался в опорный пункт противника юго-западнее высо-

ты 220, разгромил его и захватил пленного. Пленный показал, что они потеряли до 50 солдат в этом бою.

Развивая успех, полк под воздействием артиллерийского огня противника преодолевал заболоченный участок местности глубиной шесть километров на подступах к крупному опорному пункту в районе высоты с отметкой 162,5. Для преодоления заболоченного участка местности приходилось валить лес и укладывать кроны деревьев рядами для продвижения 88-го армейского танкового полка и артиллерии.

Авангардный батальон полка (2-й стрелковый батальон) с рассветом 10 сентября завязал бой на подступах к опорному пункту. Остальные батальоны подошли к опорному пункту лишь с рассветом 12 сентября. Командир полка в этой обстановке принял решение — 1-м и 2-м стрелковыми батальонами атаковать опорный пункт противника с фронта и левого фланга, а ОЛБ, к этому времени переданному в состав 715-го стрелкового полка, как и 3-му батальону, совершить ночной обходный маневр по лесу, выйти в тыл противника и перерезать дорогу на запад в районе высоты 140,0 на берегу реки Тунстаса-Йоки и не допустить отхода противника на Алакуртти.

В 9.00 12 сентября началась артиллерийская подготовка. В течение 20 минут по опорному пункту на высоте с отметкой 162,9 было выпущено более 600 снарядов и 700 82-миллиметровых мин. 1-й и 2-й стрелковые батальоны проделали проходы в заграждениях и в 9 часов 20 минут атаковали противника. Завязался тяжелый бой. С обеих сторон велся сильный огонь из всех видов оружия, и только к 11 часам 1-й стрелковый батальон ворвался в первую траншею. Завязался рукопашный бой, пошли в ход гранаты, и через 30 минут батальон овладел восточной частью опорного пункта. 2-й стрелковый батальон ворвался в опорный пункт с севера и стал продвигаться навстречу 1-му стрелковому батальону. К 17.00 батальоны полностью очистили высоту от противни-

ка, остатки его бежали на запад, где попали под удар 3-го стрелкового батальона майора Колегова, который к этому времени перерезал дорогу на запад в районе высоты 140,0. Батальон огнем противотанковой роты сжег три автомашины, один тягач и захватил два 105-миллиметровых орудия, уничтожив до 20 человек прислуги, штабной автобус и связную автомашину.

В результате боя противотанковой роты, 1-го и 2-го стрелковых батальонов на высоте 162,9 были захвачены 12 пулеметов, 50 винтовок и автоматов, 50 палаток, 40 километров телефонного кабеля, 1 рация, 1 продсклад, 1 склад инженерного имущества, склад с боеприпасами (800 снарядов калибром 105 миллиметров и 586 мин калибром 81 миллиметр) и 5 мотоциклов.

Для развития успеха 3-го стрелкового батальона был выслан десант на танках в направлении горы Войта-Тундра в составе роты автоматчиков и роты танков, который к 17.00 12 сентября, совместно с подошедшим к этому времени 3-м стрелковым батальоном, завязал бой за гору Войта-Тундра, но был остановлен мощным огнем противника. Командир батальона майор Колегов, оставив перед фронтом противника небольшой заслон, основными силами обошел высоту и, выйдя противнику в тыл, открыл мощный огонь из пулеметов, автоматов, батальонной артиллерии и танков, однако овладеть высотой не удалось. Войта-Тундру обороняли подразделения 1-го и 3-го батальонов 307-го пехотного полка немцев.

В ночь на 12 сентября противник силами двух батальонов 307-го пехотного полка начал отход в направлении моста. 3-й стрелковый батальон с танковой ротой стал его преследовать. Однако ему удалось оторваться, взорвать мост и закрепиться на западном берегу. Попытки 3-го батальона с ходу форсировать реку с рассветом 13 сентября не удались.

2-й стрелковый батальон получил задачу обойти противника слева, форсировать реку Тунстаса-Йоки, овладеть высотой 141,1, оседлать дорогу на Алакуртти и обеспечить переправу главных сил 715-го стрелкового полка и 88-го танкового полка и артиллерию. Эту задачу батальон сумел выполнить к утру 14 сентября. Большую помощь в организации форсирования реки 2-му батальону оказал дивизионный инженер-майор Огарков, лично руководивший наведением переправы силами саперной роты 223-го отдельного саперного батальона. В ходе выполнения этой задачи 715-й стрелковый полк неоднократно отражал контратаки противника. Однако 2-му батальону к исходу дня удалось захватить высоту 141,1, отрезав этим пути отхода алакурттинской группировке противника на Вуориярви. Первый этап главной задачи был выполнен.

В ходе боев в районе горы Войта-Тундра, высоты 141,1 были захвачены 2 пленных, 2 пулемета, 36 велосипедов, 3 склада с вооружением (автоматы, пулеметы, минометы и фаустпатроны). Авангардный 3-й батальон 715-го стрелкового полка, преодолевая минные поля и завалы на дорогах, к 14.30 14 сентября в районе перекрестка дорог южнее Алакуртти встретился с подразделениями 596-го стрелкового полка.

На направлении действий главных сил дивизии события развивались следующим образом. После перегруппировки 420-й краснознаменный стрелковый полк и 296-й стрелковый полк в 9 часов 20 минут 2 сентября (то есть на сутки позже главных сил армии, как это было запланировано) после 40-минутной артиллерийской подготовки в 10.00 перешли в наступление. Преодолевая упорное сопротивление противника, части к 21.30 достигли северо-восточных скатов горы Войта в районе железнодорожной станции Карху и захватили трофеи. Дальнейшее продвижение частей было замедлено в связи с необходимостью преодоления большого количества минных полей и лесных завалов. Захваченные пленные показали, что с утра 12 сентября про-

тивник наметил отвод войск с верманского рубежа на запад.

Управление на направлении боевых действий главных сил дивизии осуществлялось с командного пункта дивизии, который двигался за 595-м стрелковым полком во главе с командиром дивизии, а на южном направлении управление осуществлялось оперативной группой штаба во главе с начальником штаба дивизии. Между группами управления на первом этапе поддерживалась устойчивая телефонная связь, в последующем — по радио.

К исходу 12 сентября на главном направлении действий 19-й армии войска выполнили задачу первого этапа. Группировка войск 122-й стрелковой дивизии на вспомогательном направлении армии подошла к развилке дорог юго-восточнее Алакуртти, отрезав пути отхода противника на Vuoriaarvi.

Как уже говорилось выше, к исходу 12 сентября все было подготовлено к дальнейшим действиям частей 19-й армии по завершению окружения и уничтожению противника. Войска продолжали преследовать отходящие части противника. Однако неожиданно наступление фактически было приостановлено. Частям 19-й армии ставилась достаточно пассивная задача преследования врага лишь огневыми средствами. Тем не менее сама объективная обстановка заставляла входить в непосредственное соприкосновение с отходящим противником.

В течение 13 и 14 сентября авангард дивизии 715-го стрелкового полка то и дело завязывал бои с арьергардными подразделениями противника. Наступление дивизии осуществлялось по единственной дороге Алакуртти—Vuoriaarvi. Движение вне дороги было исключено из-за непроходимых лесов, насыщенных минными полями, а также завалами. 15 сентября командир дивизии уточнил задачу 715-му стрелковому полку: захватить Vuoriaarvi и развивать наступление на северо-запад, выйдя в район Лампела.

Полк успешно выполнил поставленную задачу, преодолевая минные заграждения и завалы под огненным воздействием противника и восстанавливая по ходу дорогу и мосты. К исходу 15 сентября полк захватил Вуориярви. Действующий впереди передовой отряд в составе 3-го стрелкового батальона майора Колегова устремился в направлении Лампела.

В дальнейшем совместными усилиями всей дивизии наступали в направлении Вуориярви. Боевой порядок был своеобразный — растянутый в глубину («кишкой»). Впереди на танках шел отдельный лыжный батальон, за ним — 715-й стрелковый полк, затем — штаб дивизии и остальные полки. Время от времени части разворачивались в стороны от дороги для ведения боя.

Противник отходил, огрызаясь, и мы непрерывно несли большие потери как от его огня, так и от мин. Все было заминировано, буквально ступить негде было. Мы, как и весь личный состав, продвигались в пешем строю, имея при себе коротковолновую радиостанцию А-7а. Она позволяла иногда с возвышенностей обмениваться разговорами с передовым пунктом управления армии на расстоянии 40—50 километров.

Бои имели затяжной характер, так как противник старался вывести части своего корпуса на территорию Финляндии, поэтому он планомерно отходил от рубежа к рубежу, а мы были вынуждены эти промежуточные рубежи прорывать. Маневр в тех условиях (болота, каменистые поля, лесные массивы, многочисленные озера и мелкие реки) был крайне ограничен. Однако сейчас можно с уверенностью сказать, что и умения порою не хватало.

Колегов на танках со своей пехотой мчится вслед за противником по одной колее, с колее сойти боится, как бы не подорваться на минах. А вслед — растянутая в кишку почти вся дивизия. Затем упрямся в рубеж, развернемся, атакуем и — опять преследуем. Каждый бой на рубежах занимал двое-трое, а иногда

до пяти суток. На одном таком рубеже, куда вышли наши танки с ОЛБ, был убит пулей в сердце выглянувший из командирского люка танка Коля Колегов — наш дорогой и всеми любимый комбат лыжного. Шел ему в ту пору 23-й год, был он в звании майора.

Не обходилось и без курьезов, когда батальон 596-го стрелкового полка, посланный в тыл противнику, всю ночь двигался и перед самым рассветом командир доложил по радио: «Вижу больше двух десятков палаток, многие освещаются — видимо, вышел на крупный немецкий штаб». Я почему-то интуитивно дал команду коменданту погасить свет на командном пункте. А командир батальона, посланный в тыл противника, докладывает, что свет в палатках погас. Вот тут-то мы сообразили, что батальон вышел на наш дивизионный командный пункт.

А что могло быть?!

К 17 сентября противник под воздействием нашего огня и обходных маневров передового отряда отошел на заранее подготовленный рубеж в район высоты Маутинайнен, где встретил организованным огнем наш 3-й батальон 715-го стрелкового полка. Передовой отряд был вынужден остановиться и завязать огневой бой. Командир дивизии приказал обойти противника слева разведротой, а справа 1-м стрелковым батальоном 715-й стрелкового полка. В течение ночи на 17 сентября был совершен маневр, а с рассветом 3-й батальон атаковал противника с фронта, ворвался в первую траншею и, отразив несколько контратак, захватил урочище и высоту Маутинайнен.

Противник, понеся значительные потери, поспешно по лесным тропам начал отходить на Лампела, оставив на поле боя только убитыми более 50 человек. Было уничтожено 3 орудия, 5 пулеметов, захвачены 6 автомашин, 2 автобуса, 5 мотоциклов, 6 велосипедов, 10 пулеметов, 2000 снарядов, 500 тысяч штук патронов, 50 тысяч гранат, 32 фаустпатронов, 2 37-миллиметро-

вых орудия и 4 склада с продовольствием и боеприпасами.

Для развития успеха с утра 17 сентября в бой в направлении Лампела был введен 596-й стрелковый полк (командир — подполковник Данилов), который, энергично уничтожая мелкие группы противника, уже к исходу дня овладел Лампелом. В дальнейшем, развивая наступление в направлении озера Апа-Ярви, умело маневрируя и обходя очаги сопротивления противника, к исходу 19 сентября по бездорожью он вышел в район озер Апа-Ярви, Турус-Ярви. На этом рубеже полк встретил организованную оборону противника. Попытки с ходу прорвать этот рубеж были отражены противником. Полк по приказу командира дивизии временно перешел к обороне.

В ходе этих боев проявили героизм и мужество солдаты, сержанты и офицеры 596-го полка. Так, в ходе атаки немецкого дзота совершил бессмертный подвиг разведчик полка ефрейтор Владимир Дмитренко. Он закрыл своим телом амбразуру дзота и обеспечил захват опорного пункта противника. Дивизионная газета «Героический поход» (редактор Захар Махонько) на следующий день оповестила об этом героическом подвиге весь личный состав дивизии.

596-й стрелковый полк, находясь в обороне в районе озера Апа-Ярви, непрерывно вел разведку в западном и юго-западном направлениях. На рассвете 25 сентября разведка установила начало отхода противника. Полк немедленно стал преследовать противника и, достигнув безымянного озера на границе с Финляндией, по приказу командира дивизии был остановлен и занял круговую оборону.

420-й краснознаменный стрелковый полк (командир майор Чернышев Василий Дмитриевич) с рассветом 25 сентября был введен в бой в направлении Онкамо. Преодолевая минные заграждения и завалы, уничтожая отдельные опорные пункты противника, в 10.00 27 сентября полк вышел к государственной гра-

нице с Финляндией. Преследуя отходящего противника, полк к исходу дня овладел крупным населенным пунктом Онкамо (продвинувшись на 12 километров в глубь территории Финляндии), где был остановлен приказом командира дивизии. В этом районе полк закрепился и организовал разведку.

715-й стрелковый полк к концу сентября вышел в район горы Саллотунтури, где закрепился и приступил к инженерному оборудованию района.

8 октября 1944 года 122-я стрелковая дивизия, оставив в районе Онкамо до подхода финских пограничников 1-й батальон 420-го краснознаменного стрелкового полка, была выведена в резерв командующего 19-й армии, занимая район горы Саллотунтури, Лампела (исключительно), Куолоярви, где приступила к строительству жилья и восстановлению дорог.

На рассвете 15 октября разведка установила отход противника в направлении Мяркярви. На территории Финляндии продолжала действовать наша разведка, ожидая встречи с подходящими пограничными подразделениями финнов.

Во второй половине октября части дивизии вышли к государственной границе и начали готовиться к дальнейшему наступлению в общем направлении на Кемиярви, Рованиemi к Ботническому заливу. Были получены и склеены карты, нанесены маршруты, и на одной карте мною был произведен расчет. Однако нам было приказано стоять на месте. Части дивизии, организовав непосредственное круговое охранение и патрулирование районов, расположились вдоль западных скатов горы Саллотунтури.

122-я стрелковая дивизия в составе армии приняла активное участие в освобождении 45 населенных пунктов, девяти железнодорожных станций, очистила от противника шоссейные и железную дороги. В ходе этих боев противник потерял убитыми и ранеными не менее 7000 солдат и офицеров. Нами было уни-

чтожено 28 вражеских танков, 51 орудие, 33 миномета, 105 пулеметов, 20 противотанковых ружей, 71 автомашина, 26 мотоциклов. Были захвачены сотни пленных, 17 танков, 22 орудия, 17 минометов, 175 пулеметов, большое количество винтовок и пистолетов, 40 автомашин, один самолет, велосипеды, мотоциклы, много складов с боеприпасами, продовольствием и другим военным имуществом.

В ходе боев воины 122-й стрелковой дивизии проявили массовый героизм, мужество и отвагу. Особенно в этих боях отличились артиллеристы майора Николая Баулина и воины-саперы. Во время подготовки войск для наступления, в ходе его и особенно в процессе преследования врага в тяжелейших условиях Заполярья много усилий вложили саперы под руководством дивизионного инженер-майора Николая Огаркова, удостоенного ордена Отечественной войны II степени. В наградном листе, подписанном командиром дивизии, говорилось: «В период преследования противника товарищ Огарков Н.В. очень много внимания уделял вопросам организации разминирования, восстановления дорог и мостов и прокладки колонных путей, чем способствовал продвижению частей дивизии и материальной части. Он организует работу, лично находится на самых ответственных участках».

Были и неприятные моменты во взаимоотношениях с командирами, решение которых в силу моих должностных обязанностей мне приходилось брать на себя. По завершении операции, уже в октябре, по поручению комдива мною был написан приказ по дивизии с итогами проведенных боев. Командир дивизии приказал мне на совещании довести его до всех командиров частей и их заместителей. Много недовольства проявил по отношению к этому приказу командир 715-го стрелкового полка полковник Громов — личность своенравная, считавшая себя непогрешимым. Я как раз и указал на все слабые стороны

действий этого полка. Были и другие не всегда приятные стычки.

Уже не помню, какого числа, к вечеру части дивизии были остановлены противником за Лампела, а связи нет. Вскоре командир левофлангового полка Василий Чернышев подал свой кабель на КП дивизии. Обстановка сразу же прояснилась, а с 715-м стрелковым полком связи не было. Я вызвал начальника связи майора Александра Полякова и приказал дать связь этому полку. Он стал доказывать, что это далеко, опасно, темно и т. д. Я, естественно, пошумел. Он ушел к командиру дивизии и уговорил его не подавать конца связи, а дожждаться утра. Обстановка, сложившаяся к утру, показала, что я был прав, а полк поплатился потерями. Мне кажется, что А. Поляков мне этого не простил до конца войны, хотя обстановка сталкивала нас и в совместных согласованных действиях.

В целом же доблесть и мужество проявили воины многих частей и подразделений дивизии. Только за сентябрь приказами командира дивизии было награждено орденом Красной Звезды семь человек, в том числе командир взвода 596-го стрелкового полка лейтенант И.М. Бодня, командир отделения этого полка младший сержант П.В. Большаков, командир взвода 715-го стрелкового полка лейтенант И.Е. Лукашевич, хирургическая сестра 164-го медсанбата старший лейтенант Антонина Сергеевна Смирнова и др. Орденом Славы II степени было награждено 6 человек. Всего за время боев в августе—октябре 1944 года 1016 солдат, сержантов и офицеров дивизии были награждены орденами и медалями Союза ССР.

7 ноября 1944 года дивизия праздновала 27-ю годовщину Великой Октябрьской революции. В этот день командиру 122-й стрелковой дивизии Н.В. Величко было присвоено воинское звание генерал-майор. Все воины с большой радостью и энтузиазмом восприняли эту весть.

ФРОНТОВОЙ ДРУГ НИКОЛАЙ ОГАРКОВ

Описанный выше эпизод с немецкой шпрингминой, в котором я жизнью был обязан Николаю Огаркову, на многие годы связал меня тесной фронтовой дружбой с этим человеком.

Кому рок приготовил эту мину? У меня о ней не было никакого предчувствия. Реакция Николая Огаркова, остановившего мое движение к такой близкой гибели, — была ли она случайной? Ведь он мог и не заметить сверхчувствительных «усиков». Правы ли философы, утверждающие: нет случайностей, есть лишь непознанные закономерности?

В 1970 году мне исполнилось пятьдесят лет. К тому времени я уже несколько лет командовал 43-й учебной мотострелковой дивизией, которая в феврале 1968 года за отличные выпуски младших специалистов для сухопутных войск была награждена вторым орденом Красного Знамени. День рождения я отметил в кругу своих заместителей и командиров частей.

Возвращаюсь вечером домой, в семью, отдохнуть и от работы, и от праздничных тостов. И тут раздается телефонный звонок. Еще одно поздравление, но, пожалуй, самое желанное из всех, что услышал в тот день. Звонил генерал армии, заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных сил СССР Николай Васильевич Огарков. Поздравляет меня с днем рождения и напоминает о рекогносцировке южнее озера Толванд, ровно двадцать шесть лет назад.

С той мины началась наша дружба длиной во всю последующую жизнь. А знакомство наше состоялось в один памятный день в начале июля 1944 года в Заполярье.

Ночи в это время года здесь нет. Вечернее яркое солнце настороженно проводит меня в большую землянку, командный пункт, в тот момент служащую клубом 122-й дивизии, в которую я только что был

назначен начальником оперативного отделения — заместителем начальника штаба. По деревянному полу кружатся сапоги и редкие туфли. Негромко звучит духовой оркестр. Звуки то ли вальса, то ли танго отражаются от стен, создавая легкий эффект эха. И на войне иногда случаются праздничные часы, человеку без этого нельзя.

Приятно и немного грустно увидеть себя в тот далекий день с высоты сегодняшних лет... Мне тогда и двадцати четырех не исполнилось. Юный подполковник, стройный, подтянутый. Боевого опыта, по нынешним меркам, на троих, а вот умения раскованно и непринужденно вести себя в обстановке праздника — никакого. Офицеры, старшины, симпатичные девочки из узла связи и медсанбата — все танцуют, улыбаются, будто и не война рядом, а бал-маскарад. А я стою в сторонке и не знаю, как подойти, познакомиться, представиться.

Я его сразу увидел и отметил для себя — стройный, худощавый, русоволосый майор-сапер. Танцует красиво, свободно, я даже загляделся. «Вот, — думаю, — мне бы так...» Видимо, и его потянуло ко мне. Через несколько танцев майор подошел и спросил:

— Почему не танцуешь?

Что я ответил, не помню, но мы разговорились и как-то само собой оказались в моей землянке.

— Петр Боград, — сказал я.

— Николай Огарков, — ответил он.

Долго мы говорили в ту сравнительно спокойную фронтовую ночь. Он спросил, читал ли я историю советской дипломатии. Я объяснил, почему нет: окончив железнодорожный техникум в апреле 1939 года, уехал на стройку железнодорожной магистрали Акмолинск—Карталы, оттуда — в армию, затем пехотное училище и — война.

Многое рассказал он мне в ту ночь, в том числе и об истории дипломатии. Как обширны были знания

и интересы у фронтового майора! Расстались мы под утро как старые добрые друзья.

...Согласитесь, лишь очень редкий, наделенный особым даром человек способен видеть скрытую суть событий, определять истинное место звеньев-эпизодов в тайном переплетении цепей судьбы. Потому что столь высока цена неслучайных побед. Особенно побед в бою, где непременно будут рваться насмерть нити многих человеческих судеб.

Цена победы — цена дара предвидеть, вскрывать будущее лезвием интуиции, настоящей и закаленной в растворе знания закономерностей вооруженного столкновения тысячных и миллионных человеческих масс, вдруг ставших из мирных граждан Земли смертными врагами.

Звезда генералиссимуса Суворова зажглась в момент его рождения. Но сколько потребовалось Александру Васильевичу воли и целеустремленности, чтобы она засветилась в полную мощь! Мне теперь понятно, почему с юности были столь широки интересы Николая Огаркова. И почему он был против введения советских войск в Афганистан и, будучи начальником Генерального штаба, открыто отказывался от посещения ограниченного контингента... Только тот, кто жил и работал в условиях «руководящей и направляющей» роли в государстве Коммунистической партии, знает, каково противостоять решениям высшего эшелона власти. Знания, убеждения, характер — они были в нем не обретенные искусственно, извне, они возросли внутри, под теплым светом его звезды...

Они разные, наши звезды. Потому и мы так различны. Но видимо, вопрос не в яркости или размере той или иной звезды. Вопрос в том, сможет ли она в течение жизни разгореться в полную силу. Наверное, сможет, если человек ей не помешает, если правильно выберет себе цель, скоординирует желания, отбросит излишнее и второстепенное.

Можно ли увидеть свет горящей в человеке звезды? Посмотрите в глаза людям, присмотритесь внимательней. Все глаза светятся, и все — по-разному. У кого ярко, у кого тускло... У одного блеск холодно-фиолетовый, у другого жарко-солнечный...

Николай Васильевич Огарков, Герой Советского Союза, Маршал Советского Союза, родился в селе Молоково Тверской области. После окончания сельской девятилетки в 1937 году окончил энергетический рабфак Москвы. Начав в 1938 году службу в Красной армии, он в 1941 году закончил Военно-инженерную академию имени В.В. Куйбышева. Среди его учителей был известный всему миру Д.М. Карбышев¹. В этот последний предвоенный год и начала разгораться его звезда, которая в итоге привела Огаркова к посту начальника Генерального штаба Советских Вооруженных сил.

С начала и до конца войны Николай Васильевич в действующей армии, 12 апреля 1945 года был тяжело ранен. Полковым инженером участвовал в боях на Западном фронте в 1941 году (17-я стрелковая дивизия), затем последовательно занимал должности: старший инженер по фортификации в инженерном управлении фронта, вновь полковой инженер в 239-й стрелковой дивизии, бригадный инженер 61-й морской стрелковой бригады; в последующем, до мая 1944 года, рабо-

---

¹ К а р б ы ш е в Дмитрий Михайлович (26.10.1880—18.02.1945) — советский военный инженер, ученый, генерал-лейтенант инженерных войск (1940), профессор (1938), доктор военных наук (1941), Герой Советского Союза (посмертно, 16.08.1946). Подполковник русской армии, участник Русско-японской и Первой мировой войн. Участник Гражданской войны. В начале Великой Отечественной войны, находясь на фронте (Западная Белоруссия), был тяжело контужен и попал в плен. Категорически отказался перейти на службу к фашистам. Будучи узником фашистских лагерей смерти, проводил среди военнопленных активную антифашистскую подпольную работу. В 1945 г. в лагере Маутхаузен был подвергнут изощренным пыткам, окончившимся мучительной смертью.

тал в оперативном отделе штаба инженерных войск Карельского фронта, а с мая сорок четвертого и до конца войны — дивизионный инженер 122-й стрелковой дивизии Карельского, затем 2-го и 3-го Украинского фронтов. Отличался умелой организацией инженерного обеспечения боевых действий дивизии в обороне и наступлении.

После войны окончил оперативный факультет Военно-инженерной академии имени В.В. Куйбышева и был направлен на Дальний Восток. Занимал ответственные должности в инженерном управлении Приморского военного округа. Будучи начальником штаба укрепленных районов Дальнего Востока, на одном из учений полковник Н. Огарков, докладывая главнокомандующему войск Дальнего Востока Маршалу Советского Союза Р.Я. Малиновскому¹, ярко изложил характер театра военных действий на побережье с обоснованиями и конкретными расчетами. Маршал Малиновский тогда сказал:

— Такой доклад достоин уст начальника Генерального штаба!

Старый маршал оказался провидцем. Глубокая образованность, логичность и обоснованность в выражении своих мыслей, постоянное новаторство — вот объяснение быстрого продвижения Николая Васильевича по ступеням военной карьеры.

С должности начальника оперативного управления — заместителя начальника штаба войск Дальнего Востока он в 1957 году был направлен в Академию

---

¹ М а л и н о в с к и й Родион Яковлевич (1898—1967) — Маршал Советского Союза. Герой Советского Союза. Кавалер ордена Победы. Участник Первой мировой войны, штабс-капитан. В РККА с 1919 г., командир батальона. В начале Великой Отечественной войны — командир 48-го стрелкового корпуса. С августа 1941 г. — командующий 6-й армией. В дальнейшем, в 1941—1945 гг., командовал Южным, Северо-Кавказским, Юго-Западным, 3-м и 2-м Украинскими фронтами. После окончания войны занимал командные должности. В 1957—1967 гг. являлся министром обороны СССР.

Генерального штаба, а через два года, после окончания ее, по личной просьбе был назначен командиром мотострелковой дивизии. После двух лет командования дивизией его назначили начальником штаба Белорусского военного округа, а в декабре 1965 года — командующим войсками Приволжского военного округа, где особенно ярко проявился его талант крупного военачальника.

Николай Васильевич всегда поражал меня природной интеллигентностью, образованностью, культурой речи, начитанностью. В частности, он был увлечен историей российской и советской дипломатии. Мы с ним часто разбирали боевые сражения прошлого и настоящего.

Светом своей звезды (не геройской, не маршальской, а той, изначальной, что горит в сердце и душе) Николай Васильевич осветил и мою судьбу. И потому получается о нем не отдельная книжка, а как бы приложение к читаемым вами запискам. Приложение и продолжение — потому как моя судьба начиная с войны теснейше связана с судьбой Н.В. Огаркова.

Но это «приложение» имеет и самостоятельное значение, потому как я не ставлю задачу написать полную биографию маршала. Хочется, чтобы вышел не сухой военно-энциклопедический портрет, лишенный жизни и движения. Подобные описания вы найдете в статьях об Огаркове, помещенных во многих энциклопедических изданиях. Надеюсь, читатель увидит на страницах и этой книжки человека живого, в силе его и слабости, поймет особенности характера, таланта Николая Васильевича. Да, таланта или дара. Ибо звезда души — это и выражение данного человеку предназначения-дара. Писательского, поэтического, полководческого — не важно.

К сожалению, война — неотъемлемая часть человеческой истории. И как и другие виды человеческой деятельности, она проявляет суть людей, причем многократно сильнее, нежели другая работа. Доста-

точно вспомнить и напомнить, что и звезда генерала Власова разгоралась своим, неповторимым ярким блеском, но вдруг изменила свой цвет, стала черной звездой предателя.

ПЕРЕБРОСКА В ВЕНГРИЮ

Но вернемся к военной осени 1944-го.

27-ю годовщину Октябрьской революции мы отпраздновали уже не в землянках, а во вновь срубленных на поверхности земли домах. Финляндия окончательно вышла из войны, к границе стали выдвигаться пограничные отряды.

В ноябре 1944 года меня срочно вызвали в штаб армии. Ничто не предвещало каких-либо боевых действий, и я с хорошим настроением на «виллисе» командира дивизии помчался в штаб армии, который размещался западнее Куглоярви в 30—40 километрах, а всего мне предстояло проехать 80 километров.

Прибыл к генерал-майору Маркушевичу, а у него в сборе начальники ведущих отделов штаба. Все меня поздравили с награждением вторым орденом — орденом Красной Звезды.

Здесь же я получил задачу на проведение расчетов на перевозку 122-й стрелковой дивизии по железной дороге.

Куда? Зачем? С какой целью?

Всем было понятно, что наша спокойная жизнь на границе с побежденной уже Финляндией рано или поздно должна закончиться. Расчеты необходимо было доложить через сутки, и все в строгой тайне. Я закрылся в домике при штабе и за ночь произвел расчеты. Командир и начальник штаба их подписали и нарочным отправили в штаб армии.

Я и дивизионный инженер с нашими ординарцами получили задачу убыть на станцию Ням-озеро, произвести рекогносцировку района погрузки и принять

на себя управление подходящими в район назначения частями дивизии.

Задачу эту мы, естественно, выполнили четко и в срок и все организовали в соответствии с решением командира дивизии. Здесь на станции я поздравил своего товарища с получением ордена Отечественной войны II степени.

Так уж потом и повелось в дивизии, что, прежде чем куда сосредоточиться или начать какие-либо действия, посылался я и дивизионный инженер Н.В. Огарков.

Во второй половине ноября части 122-й стрелковой дивизии начали погрузку в эшелоны и стали убывать в южном направлении. Я и дивизионный инженер были отправлены первым эшелоном с небольшой рекогносцировочной группой. Первый эшелон состоял из подразделений 420-го краснознаменного стрелкового полка, включая командование и штаб полка. Командиром полка оставался подполковник Василий Чернышев.

В ходе движения по железной дороге мы, естественно, как и тысячи людей до нас, гадали, куда нас везут. Кое-что стало ясно, когда мы из Киева пошли на Жмеринку и далее на юг, в сторону румынской границы.

В конце ноября наш эшелон прибыл и стал разгружаться на станции Плоешти. Здесь я связался с одной из тыловых баз, где получил наряд на горючее для наших частей. Затем прибыл командир дивизии, и мы получили приказ на сосредоточение южнее Бухареста, в 25—30 километрах севернее города Джурджу на реке Дунай.

Штаб 133-го стрелкового корпуса, в который отныне была организационно включена 122-я стрелковая дивизия, разместился в городе Джурджу, в гостинице.

В течение месяца все части и их штабы занимались боевой подготовкой. Правда, трудно было заставить

личный состав и офицеров перестроиться с мирного лада. Но мы все этим упорно занимались. Наиболее плодотворно шли занятия в штабах.

Командир корпуса генерал-майор Артюшенко¹, начальник политотдела полковник Г.Н. Шинкаренко², начальник штаба корпуса очень много уделяли внимания подготовке штабов, и надо сказать, что в течение месяца с нами были проведены три крупных командно-штабных учения на картах, и это во многом способствовало поднятию общего тактического и оперативного кругозора.

Новый, 1945 год мы встретили в Румынии в кругу друзей: А.И. Боровик, Н.В. Огарков и др.

К исходу 1 января командир дивизии генерал-майор Величко приказал мне немедленно отправиться в штаб корпуса, иметь при себе расчеты на железнодорожную перевозку. Опыт расчетов, проведенных мною в ноябре на Карельском фронте, сыграл свою положительную роль, и у нас лежал заранее заготов-

---

¹ А р т ю ш е н к о Павел Алексеевич (6.01.1904—7.09.1962) — генерал-майор (1943). В Красной армии с 1920 г. В начале Великой Отечественной войны — комендант Кексгольмского укрепрайона Ленинградского военного округа. С сентября 1941 г. — командир 440-й стрелковой дивизии Волховского, затем — Ленинградского фронта. С сентября 1942 г. — начальник штаба 59-й армии Волховского фронта. С августа 1943 г. — командир 14-го стрелкового корпуса в составе 8-й, затем 59-й армии Волховского фронта, с апреля 1944 г. — 3-го Прибалтийского фронта. 9 августа 1944 г. отстранен от должности и отправлен в распоряжение ГУК. В конце сентября 1944 г. назначен командиром 133-го стрелкового корпуса Карельского фронта. В начале 1945 г. корпус был переброшен на 3-й Украинский фронт в состав 57-й армии. После окончания войны — на преподавательской работе.

² Ш и н к а р е н к о Григорий Наумович — 19.02.1942—30.09.1942 — старший батальонный комиссар, начальник политотдела 188-й стрелковой дивизии. С 30.09.1942 по 11.06.1943 — военный комиссар той же дивизии. Начальник политотдела, заместитель командира по политчасти 133-го стрелкового корпуса (5.09.1944—9.05.1945), полковник.

ленный вариант расчета дивизии на железнодорожные перевозки.

Вернулся я из штаба корпуса в середине дня 2 января с выпиской из корпусного плана погрузки. Начало погрузки было назначено на утро 4 января. Все закрутилось: рекогносцировка станций погрузки (их было три), маршрутов выдвигения к ним и т. д. Все было сделано очень тщательно, и дивизия организованно приступила к выполнению задачи.

Я со своим отделением, отделением разведки, связи, дивизионным инженером и начальником химической службы размещались в одном вагоне. Двигались мы быстро, и все понимали, что приближаемся к линии фронта. В это время шли тяжелые бои в окруженном Будапеште, в районе города Секешфехервар и далее по рубежу озера Балатон, южнее озера Балатон, западнее города Капошвар и реки Драва.

На станции Арад (Румыния) произошло событие, о котором нельзя не упомянуть.

Во время стоянки эшелона на станции солдатами, как потом мы об этом узнали, была обнаружена на железнодорожной платформе бочка со спиртом. Весть эта быстро разошлась по эшелону, и многие пошли с котелками за спиртом. Не постеснялись пойти туда и начальник 8-го отделения майор Косырев и начальник химслужбы майор Гуркин.

Последний попробовал жидкость на язык и дал авторитетное заключение о том, что спирт хорош, можно его пить. Бросились туда и ординарцы. Но когда я и Николай Огарков узнали, что происходит, мы своим ординарцам запретили ходить за спиртом. Все те, кто употреблял спирт, а это оказался спирт метиловый, тяжело отравились, а некоторые погибли. Первым скончался майор Косырев (бывший директор пивзавода в городе Донецке), затем «тихоня» Петя Зайцев (майор, начальник разведки дивизии), заместитель начальника связи (капитан) и др. Некоторые ослепли... Всего у нас пострадало 42 человека.

Лейтенант П.Л. Боград. Июнь 1941 г.

Район наблюдательного пункта 116-го стрелкового полка 21-й стрелковой дивизии 7-й отдельной армии во время боев за высоту Верблюды. Слева направо: стоит комиссар полка старший батальонный комиссар Кривич, сидит первый помощник начальника штаба полка капитан Павел Обшивнев, стоит начальник штаба полка майор П.Л. Боград, сидит помощник начальника штаба полка старший сержант Тарасенко, стоит сзади писарь сержант Родимов. 1943 г.

На командном пункте 116-го стрелкового полка. Слева направо: начальник штаба 21-й стрелковой дивизии полковник Зорин, подполковник Бугаенко, командир 116-го стрелкового полка подполковник Костров, заместитель командира полка по политической части подполковник Кривич, начальник штаба 116-го стрелкового полка майор Боград

Майор П.Л. Бוגрад — начальник штаба 116-го стрелкового полка. 1943 г.

Командный пункт 122-й стрелковой дивизии 19-й армии Карельского фронта. Начальник оперативного отдела — заместитель начальника штаба дивизии 23-летний подполковник П.Л. Буград. 27 июля 1944 г.

Фронтовой друг майор Михаил Крылов, начальник штаба 285-го артиллерийского полка

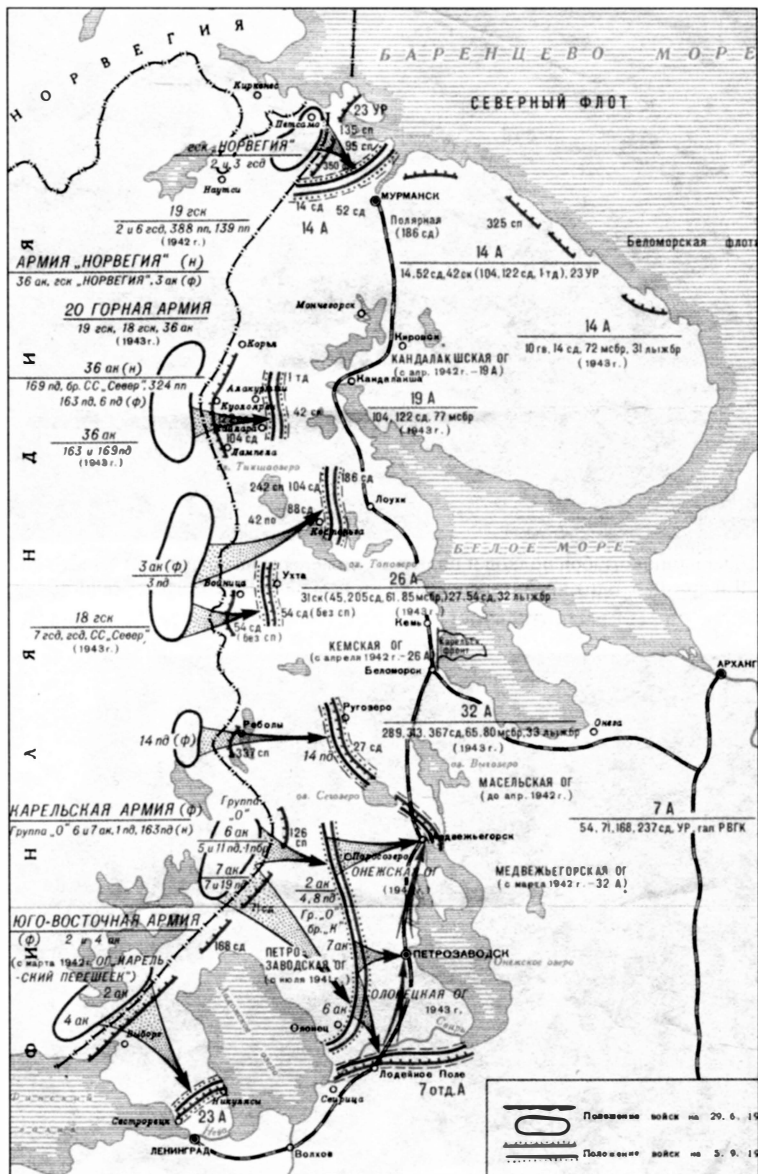
Командный пункт 116-го стрелкового полка. *Сидят:* командир полка подполковник Костров и начальник штаба майор Буград

Начальники штабов полков и подковые инженеры на сборах при штабе 19-й армии. Сидит крайний справа во втором ряду П.Л. Боград. Июль 1944 г.

Штаб 122-й стрелковой дивизии. В центре – П.Л. Боград. Карельский фронт, август 1944 г.

Оборона Заполярья и Карелии (июнь 1941 – июнь 1944 г.)

Свирско-Петрозаводская операция (21 июня – 9 августа 1944 г.)

Район действий 122-й стрелковой дивизии в 1944 г. Карта издания 1942 г.

Командующий Карельским фронтом генерал армии (с октября 1944 г. — Маршал Советского Союза) К.А. Мерецков

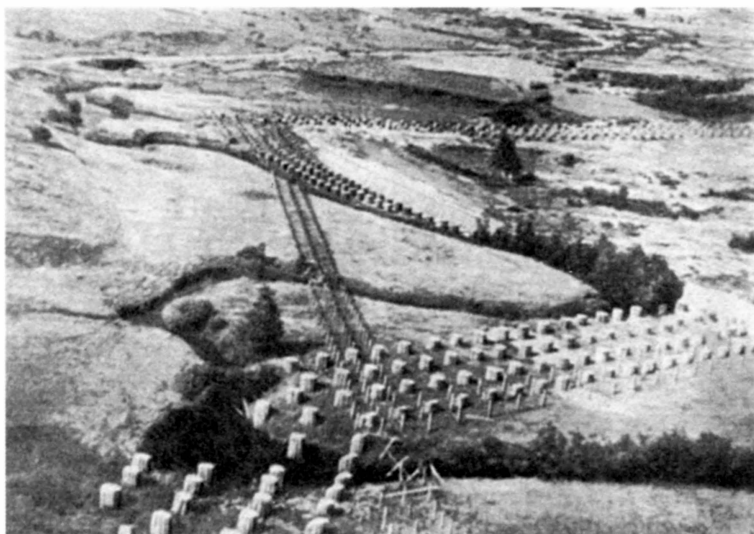
Командующий 7-й отдельной армией генерал-лейтенант С.Г. Трофименко (июнь 1942 — январь 1943 г.)

Командующий 7-й отдельной армией генерал-лейтенант А.Н. Крутиков (январь 1943 — август 1944 г.)

Командующий 19-й армией генерал-лейтенант Г.К. Козлов (май 1943 — май 1945 г.)

Заграждения противника в Карелии. Лето 1944 г.

Бои на захваченных плацдармах на западном берегу реки Свирь. Июнь 1944 г.

Пулеметный расчет в засаде.
Карельский фронт. 1944 г.

Салют в честь восстановления
советско-финляндской границы.
1944 г.

Дополнительное питание. Карельский фронт. 1944 г.

Венгрия. Места ожесточенных боев 122-й стрелковой дивизии в январе – марте 1945 г. Современные снимки. Господский двор Большеберанд, в котором в январе 1945 г. размещался командный пункт дивизии (*вверху*). Подступы к городку Драва-Соболч, где в марте 1945 г. дивизия понесла тяжелые потери

Командир
122-й стрелковой
дивизии (с ноября
1944 г.) генерал-майор
А.Н. Величко

Исполняющий
должность командира
596-го стрелкового
полка подполковник
П.Л. Боград. Снимок
сделан на югославно-
австрийской границе в
апреле 1945 г.

Победители. Фотография сделана 9 мая 1945 г. в 14.00, сразу после парада частей 122-й стрелковой дивизии в честь объявления Победы. На переднем плане П.Л. Боград и начальник медицинской службы дивизии майор медицинской службы Литвак. На заднем плане — командир 133-го стрелкового корпуса генерал-майор П.А. Артюшенко с группой офицеров

Фронтовой друг – дивизионный инженер 122-й стрелковой дивизии майор инженерной службы Н.В. Огарков (*крайний слева*)

Начальник
Генерального штаба
Вооруженных Сил
СССР – первый
заместитель министра
обороны СССР
(1977–1984)
Маршал Советского
Союза Н.В. Огарков

Генерал-майор в отставке Петр Львович Боград. Снимок 1990-х годов

По прибытии в район разгрузки юго-западнее Будапешта главные виновники происшедшего безобразия — начальник эшелона и начальник химической службы майор Гуркин — были отданы под суд. Первый получил 10 лет, второй 8 лет с отбыванием наказания на фронте при исполнении служебных обязанностей.

После разгрузки части дивизии получили приказ сосредоточиться в районе населенного пункта Кишкучлацзаза, а затем совершить марш, переправиться через реку Дунай в районе Аунафельтвар и сосредоточиться в районе Шерегельеш, что в 12—15 километрах юго-восточнее города Секешфехервар.

Самым трудным участком этого маршрута был участок с переправой по разрушенному железнодорожному мосту в районе Аунафельтвар.

Начальником переправы был лично начальник инженерной службы фронта генерал-полковник Котляр¹. Мимо него пройти было невозможно — он стоял на левом берегу Дуная и, несмотря на непрерывную бомбежку, пропускал войска, которые буквально бегом проходили по мосту. В ходе этого перехода пострадал командующий артиллерией дивизии полковник Сенченко, у которого за недисциплинированное поведение генерал-полковник Котляр отобрал «виллис».

Пострадал на этом переходе и начальник штаба дивизии полковник Безрукавый Григорий Семенович — упал с лошади и сломал ногу. В ходе марша мне пришлось принять на себя исполнение обязан-

---

¹ К о т л я р Леонтий Захарович (16.06.1901—28.12.1953) — генерал-полковник инженерных войск (1944), Герой Советского Союза (28.04.1945). В 1940—1941 гг. — начальник управления Главного военно-инженерного управления Красной армии. В Великую Отечественную войну в 1941—1942 гг. был начальником Главного военно-инженерного управления и начальником инженерных войск Красной армии; с апреля 1942 г. — генерал-инспектор Инспекции инженерных войск, в 1942—1945 гг. — начальник инженерных войск Воронежского, Юго-Западного и 3-го Украинского фронтов. После войны — на преподавательской работе.

ностей начальника штаба дивизии, и до середины апреля я выполнял эту работу, обеспечивая командиром дивизии управление частями. Замечаний или нареканий за все это время в мой адрес со стороны командира дивизии, командира или штаба корпуса не было.

К середине января дивизия сосредоточилась в районе Шерегельеш и находилась в резерве 3-го Украинского фронта (командующий фронтом — Маршал Советского Союза Ф.И. Толбухин¹, член военного совета генерал-полковник Желтов, начальник штаба генерал-лейтенант С.П. Иванов²).

---

¹ Толбухин Федор Иванович (16.06.1894—7.10.1949) — Маршал Советского Союза (1944). Герой Советского Союза (посмертно, 7.05.1965). Герой Народной Республики Болгария (посмертно, 1979). Кавалер ордена Победы. В русской армии с 1914 г., штабс-капитан, командовал ротой и батальоном. В Красной армии с 1918 г. В период Гражданской войны — начальник штаба дивизии, начальник оперативного отдела штаба армии. В Великую Отечественную войну Ф.И. Толбухин — начальник штаба Закавказского, Кавказского, Крымского фронтов (1941—1942). В мае—июле 1942 г. — заместитель командующего войсками Сталинградского военного округа. С июля 1942 г. — командующий 57-й армией Северо-Западного фронта. С марта 1943 г. Ф.И. Толбухин командовал Южным, с октября — 4-м Украинским, с мая 1944 г. и до конца войны — 3-м Украинским фронтами. После войны командовал войсками Закавказского военного округа.

² Иванов Семен Павлович (13.09.1907—26.09.1993) — генерал-полковник. Герой Советского Союза (8.09.1945). В Красной армии с 1926 г. Участник Советско-финской войны, начальник штаба 1-го стрелкового корпуса 8-й армии, подполковник. В начале Великой Отечественной войны — заместитель начальника штаба 13-й армии. С декабря 1941 г. — начальник штаба 38-й армии. С июня 1942 г. — начальник штаба 1-й танковой армии, с августа — 1-й гвардейской армии, затем — заместитель начальника штаба Юго-Восточного фронта. С мая 1943 г. — начальник штаба Воронежского фронта, затем — 3-го Украинского фронта. В июне 1945 г. назначен начальником штаба Главного командования советских войск на Дальнем Востоке. За лето под его руководством была тщательно подготовлена операция по разгрому Квантунской армии. После войны продолжил службу в центральном аппарате Министерства обороны СССР.

Задача дивизии заключалась в том, чтобы произвести рекогносцировку двух направлений: первое — на Бичке и второе — южнее Секешфехервар — и быть в готовности к вводу в бой.

14 и 15 января мы выехали с группой офицеров во главе с командиром дивизии в направлении Бичке и провели там очень тщательную разведку. Командир корпуса генерал-майор Артюшенко заслушал нас, и мы вернулись в штаб дивизии, где получили новую задачу внезапно.

Обстановка в полосе 3-го Украинского фронта к середине января сложилась очень напряженная. Фашистские войска на правом крыле фронта продолжали оказывать упорное сопротивление в окруженном Будапеште. В центре, в районе города Секешфехервар, шли упорные кровопролитные бои с переменным успехом, и лишь на левом крыле фронта в полосе 57-й армии (командующий генерал-полковник Шарохин¹, член военного совета генерал-майор Цинев², начальник штаба — генерал-майор Верхолович) была сравнительно спокойная обстановка.

---

¹ Шарохин Михаил Николаевич (23.11.1898—19.09.1974) — генерал-полковник (1945), Герой Советского Союза (28.04.1945). В ноябре 1917 г. вступил в Красную гвардию, участвовал в боях против германцев в районе Пскова (1918). С 1939 г. — старший помощник начальника отдела, с 1940 г. — начальник отдела оперативного управления Генштаба. Во время Великой Отечественной войны заместитель начальника оперативного управления, затем заместитель начальника Генштаба (1941—1942). С февраля 1942 г. — начальник штаба 3-й ударной армии на Калининском фронте, с августа начальник штаба Северо-Западного, с октября — Волховского фронта. С августа 1943 г. — командующий 37-й армией на Степном, 2-м и 3-м Украинских фронтах. С октября 1944 г. до конца войны командовал 57-й армией на 3-м Украинском фронте. После окончания войны на руководящих должностях в Генеральном штабе.

² Цинев Георгий Карпович — генерал-майор (19.04.1945). Начальник политотдела 4-й ударной армии (7.07.1942—12.11.1942), 57-й армии (18.05.1943—9.05.1945).

ПРЕДПОБЕДНЫЙ ДРАП

Жизнь распорядилась так, что военные судьбы Огаркова и моя тесно переплелись. Вместе мы переживали плохое и хорошее, победы и поражения. Боевая обстановка непрерывно меняется, она таит в себе неожиданности, плюсы могут внезапно смениться минусами и наоборот.

В победном сорок пятом случалось и так, что наши части и подразделения теряли успех и вынуждены были отступать; иногда приходилось даже спешно ретироваться, другими словами — бежать, чтобы напрасно не расстаться с жизнью.

16 января 1945 года противник на фронте озеро Балатон, город Секешфехервар нанес контрудар силами пяти танковых дивизий (как потом стало известно) с большим количеством артиллерии при поддержке авиации с целью прорыва к реке Дунай и организации коридора для деблокирования Будапешта.

Во второй половине 18 января, получив приказ, мы стали выдвигать дивизию на рубеж канала Шарвиз, западнее Шерегельеш и южнее города Секешфехервар. В авангарде шел 420-й краснознаменный стрелковый полк, и по приказу командира дивизии я с небольшой группой офицеров шел с ним. Когда уже стало темнеть, мы подошли к каналу и стали развертывать полк по восточному его берегу. Справа от него развертывался 596-й стрелковый полк (командир полка — подполковник Данилов), слева одним батальоном прикрывал левый фланг дивизии 715-й стрелковый полк. Главные силы полка находились за левым флангом дивизии. Артиллерийский полк (двухдивизионного состава) развернулся за боевыми порядками 420-го краснознаменного стрелкового полка.

В ночь на 20 января два стрелковых полка дивизии заняли оборону.

Я по указаниям командира дивизии записал в блокнот задачу командиру 420-го краснознаменного стрел-

кового полка и приказал ему расписаться. Затем я отошел от канала примерно на 800—1000 метров на юго-восток, где у дороги находился артельный дом, и стал оборудовать НП. Примерно через один час прибыли командир дивизии, командующий артиллерией и дивизионный инженер, и я стал докладывать обстановку. Здесь же к домику прибыл один подполковник, представивший документы старшего офицера оперативного управления штаба 3-го Украинского фронта.

Как было установлено, по приказу командующего фронтом в полосе дивизии вдоль канала Шарвиз был развернут истребительно-противотанковый артиллерийский полк (ИПТАП). Представитель оперативного управления настаивал на том, чтобы полк снялся с боевых порядков и перебазировался на север, где, по его докладу, обстановка была более сложной. Не знаю и, пожалуй, не помню, имел ли он лично такое право на переброску полка. Но его убедительные и обоснованные доводы вынудили командира дивизии согласиться с ним. По-видимому, это было правильно, ибо в противном случае танкам противника открывался прямой путь на северо-восток, то есть на Будапешт.

Таким образом, противотанковый полк фронта в эту же ночь был убран с полосы обороны нашей 122-й стрелковой дивизии на другое направление. Между тем танковые дивизии противника прорвали оборону стрелкового корпуса генерала П.В. Гнедина, действовавшего на рубеже город Секешфехервар, озеро Балатон, и с рассветом танки устремились на поспешно занятые нашей дивизией позиции. Части дивизии, используя лишь штатное противотанковое вооружение, стояли насмерть и до полудня отбивали танковые атаки. Были и критические моменты у нас, когда кончились боеприпасы в артиллерийском полку, но каким-то чудом их подвезли, и лично начальник штаба артиллерии дивизии подполковник Котов развез их по огневым позициям.

После полудня создалась угроза прорыва на правом фланге дивизии, где оборонялся 596-й стрелковый полк подполковника Паши Данилова. Ситуация складывалась критическая. Участок прорыва — неубранное кукурузное поле, для немецких танков раздолье, полная свобода маневра. Без противодействия танки могли бы за несколько часов уничтожить обороняющиеся стрелковые полки и создать угрозу всему фронту.

Спасительное решение созрело у одного человека — дивизионного инженера Н. Огаркова, только накануне ставшего подполковником. У наблюдательного пункта стоял всемирно знаменитый военный грузовик — полуторка. Несколько четких команд, и солдаты саперного батальона с комбатом майором Кладовым загрузили в кузов несколько десятков противотанковых мин, устроились рядом с ними, а Огарков сел в кабину. Полуторка устремилась к участку прорыва. Мины бросали по определенной схеме на поле, не маскируя — их хорошо скрывали заросли кукурузы. Лихорадочная, скоротечная работа делалась на расстоянии прямой наводки танковых орудий и пулеметов противника.

Н. Огарков со своей группой возвращается на НП дивизии, и тут танки один за другим начинают подрываться. Используя растерянность немцев, комдив выдвигает на прямую наводку гаубичную артиллерийскую батарею, ибо ничего у него больше в резерве нет. Эффект получился ошеломляющий — многообещающая атака противника на правом фланге дивизии захлебнулась.

Все это произошло на моих глазах. И поскольку я тогда исполнял обязанности начальника штаба дивизии, начал докладывать по радио о кардинальном изменении обстановки комкору генерал-майору П.А. Артюшенко. В то время мы уже не кодировали радиопереговоры, а общались в эфире открытым текстом. Но помехи мешали настроиться.

Дивизионная радиостанция РСБ-Ф размещалась на базе автомобиля, и я со связистами находился внутри. Пытаясь наладить устойчивую связь, я бросил взгляд в окошко станции и увидел метрах в трехстах от НП более десятка движущихся немецких танков. Выскочив наружу, я дал команду свернуть станцию. В тот момент командир дивизии и Н. Огарков заняли места в командирском «виллисе». Комдив дал мне рукой знак «за мной», и «виллис» погнал на восток.

Я сел в кабину станции, и машина устремилась по дороге, ведущей в лес, окружающий наблюдательный пункт. По лесной дороге не разгонишься, а тут еще вдруг опустился густой туман. По обеим сторонам дороги, следом за мной, ведя огонь с ходу, шли немецкие танки. То, что сопровождают меня именно они, я понял по выстрелам справа и слева.

Внезапно впереди показался небольшой овраг, уходящий от дороги в стороны. По грунтовке я преодолел его легко, а танки в тумане замешкались. Через 15 минут гонки я прибыл в назначенное место, где меня ждали комдив, Огарков и комендант штаба дивизии старшина Харьков Павел Васильевич. А перед ними на столе — жареный гусь с картошкой! Запах, разлетевшийся по всему лесу, просто потянул за собой и заставил забыть об отступлении, о близости прорвавшихся немецких танков, о прочей суете жизни.

Тут я вспомнил, что мы целый день ничего не ели. И Николай улыбается так весело, будто мы не на войне, а на пикнике встретились.

Но приступить к трапезе не удалось, так как подъехал адъютант комдива старший лейтенант Лосев и доложил:

— Танки противника в двухстах метрах!

Это были те танки, которые шли параллельно нам вдоль дороги, но которые из-за тумана нас не рассмотрели, да и мы их плохо видели.

Пришлось срочно сворачивать стол и снова уходить на восток. Вот такая забавная ретирада случилась с нами в победном сорок пятом...

Под угрозой быть отрезанным от своих частей командир дивизии принял решение КП отвести в Шерегельеш. Отход КП, к сожалению, из-за отсутствия должных средств передвижения был организован поспешно, однако все через один-два часа целыми и невредимыми собрались в Шерегельеш.

Здесь мы стали разбираться с обстановкой. 420-й, 596-й полки, штаб и один дивизион арtpолка также отошли к западной окраине Шерегельеш; с 715-м стрелковым полком и приданным ему арtdивизионом связи не было, отсутствовала связь и с командиром корпуса. Направленная в тыл колонна раненых была разгромлена, а некоторые легкораненые, вернувшись в медсанбат, доложили, что танки противника находятся где-то юго-восточнее Шерегельеш. К 24.00 19 января вернувшаяся разведка с флангов доложила, что противник обходит нас с севера по южному берегу озера Веленца и что дорога на юг от Шерегельеш перерезана танками противника. Все эти данные показывали, что мы находимся в полуокружении и что единственная дорога свободна в направлении города Адонь на западном берегу реки Дунай. Командир дивизии в этой сложной обстановке принимает решение на ночной выход из окружения и занятие к рассвету рубежа обороны по западной окраине города Адонь.

Первыми начал отход батальон 420-го краснознаменного стрелкового полка, за ним тылы дивизии, затем КП дивизии и, в арьергарде, 546-й стрелковый полк.

К утру 20 января части дивизии закрепились на указанном рубеже.

К сожалению, дивизия понесла тяжелые потери. Особенно пострадал 262-й саперный батальон. Стало известно, что погиб командир батальона майор Кладов, а штаб батальона был раздавлен танками. Ото-

шла только одна саперная рота во главе с командиром роты капитаном Н.В. Гарковым (москвич).

Однако спустя много лет после окончания войны, уже 1985 году, мне рассказали, что майор Кладов остался жив, попал в плен, а затем в феврале—марте 1945 года был освобожден нашими войсками в районе Секешфехервара (рассказал бывший корпусной инженер подполковник Е.И. Майков, сейчас — генерал-лейтенант в отставке).

В течение 20 и 21 января части дивизии совместно с отошедшим в боевых порядках кавалерийским полком корпуса оказывали упорное сопротивление противнику на этом рубеже и к исходу 21 января отошли на север и закрепились на рубеже южнее населенного пункта Эрчи, где совместно с 113-й стрелковой дивизией 46-й армии организовали оборону. Дивизия к этому времени понесла значительные потери, в полках оставалось по 150—200 человек.

Противник непрерывно атаковал своими танковыми частями, стремясь во что бы то ни стало деблокировать будапештскую группировку немцев и венгерской армии. Однако с каждым днем атаки его становились слабее и первоначальный удар терял свою мощь.

В этой обстановке решением командующего фронтом дивизия получила задачу сдать свой участок фронта 113-й стрелковой дивизии, переправиться через реку Дунай южнее Будапешта, по правому берегу совершить марш, а затем через Дунафельтварскую переправу выйти в район севернее Цеце, где поступить в распоряжение командира 133-го стрелкового корпуса, соединиться с 715-м стрелковым полком и быть в готовности к наступлению в направлении: Шартегардт, Або, Шалонье.

К исходу 26 января дивизия сосредоточилась в указанном районе и с утра 27 января с ходу, двумя

полками — 420-м и 715-м — нанесла удар в указанном направлении. Завязались тяжелые кровопролитные бои с участием большого количества танков, особенно со стороны противника.

По указанию командира дивизии мне пришлось в эти дни быть в боевых порядках 420-го краснознаменного стрелкового полка. Бои шли буквально за каждую высотку, рожицу, господский двор, хуторок, а их было много в этой части Венгрии. Противник упорно сопротивлялся и нес большие потери; подбитыми танками и бронетранспортерами были усеяны поля между Шартегардтом и Або. И все же к концу января мы захватили Або и вышли опять к известному каналу Шарвиз восточнее населенного пункта Шалонье. В ночь на 1 февраля, несмотря на усталость, мы форсировали канал и с утра завязали бой за Шалонье.

Командный пункт штаба дивизии я разместил на западной окраине Або; НП во главе с командиром дивизии находился на безымянной высоте западнее канала Шарвиз.

Соседом справа была 36-я гвардейская стрелковая дивизия и кавалерийский полк, с которыми мы установили связь и регулярно информировали друг друга.

Весь февраль месяц шли упорные, кровопролитные бои с переменным успехом. Населенный пункт Шалонье неоднократно переходил из рук в руки, много было и курьезного в эти дни. Поля за Шалонье в любую сторону были усеяны подбитыми танками. Наш 715-й стрелковый полк, развивая наступление, захватил населенный пункт Чёс в 3—4 километрах западнее Шалонье. Туда же вышли части дивизии генерала Обыденкина. Противник предпринял очередную контратаку и окружил танками Чёс. Несколько дней находились в окружении эти части, затем командир дивизии отправил в Чёс дивизионного инженера

Огаркова с группой офицеров разобраться и установить пути и время выхода частей из окружения.

К концу февраля все было восстановлено, а затем к 1 марта 1945 года дивизия была выведена во второй эшелон 26-й армии в районе населенного пункта Шаркерестур, где получила пополнение и приводила в порядок свои части.

13 февраля город Будапешт был полностью освобожден.

4—5 марта дивизия получила новую задачу — сосредоточиться в районе южнее озера Балатон и поступить в распоряжение командующего 57-й армией.

5 марта я возглавил рекогносцировочную группу, отправленную штабом дивизии на обследование нового района. Со мной был дивизионный инженер Н.В. Огарков, помощник начальника связи дивизии, топограф и небольшие группки офицеров от полков во главе с заместителями командиров полков. 5—6 марта мы провели рекогносцировку, а в ночь на 7 марта нас вызвали на фронтовой телефонный КП и передали распоряжение командира дивизии: 7 марта прибыть со всей группой в город Печ. Получена новая задача, и части дивизии начали погрузку. Мы сразу же собрались и на машинах отправились на Печ. Расстояние — примерно 150 километров.

Вся моя группа прибыла в Печ к середине дня 8 марта, быстро нашла командира дивизии и от него узнала о новой задаче.

В начале марта фашистские войска предприняли очередную попытку разгрома войск 3-го Украинского фронта. С этой целью ими были предприняты два удара: главный — юго-западнее Будапешта в районе озера Балатон (Балатонская операция); второй — группой армий «Ф» под командованием генерала Вейкса (8—10 дивизий) из района Дольни, Михоляц на Печ и из Осиека на Берименд. Все это происходило на границах Венгрии и Югославии на южном берегу реки Драва. Наша дивизия получила задачу с

ходу, ударом в направлении Драва-Собольч разгромить переправившиеся подразделения немецкой армии и отбросить их за реку Драва.

Обстановка сложилась так, что части дивизии были вынуждены вступать в бой последовательно по мере разгрузки в районе Печа. Бой начал 1-й батальон 715-го стрелкового полка, затем правее развернулся 596-й стрелковый полк (под командованием подполковника Данилова, самого любимого мною командира полка). Противник оказывал упорное сопротивление, цеплялся за каждый дом, каждое строение. Населенный пункт Драва-Собольч растянут узкой полосой (ширина не более одного километра) с юга на север примерно три — три с половиной километра. Приходилось буквально выкуривать противника из каждого дома и подвала. Мы несли немалые потери.

КП дивизии мы развернули в 150—200 метрах на безымянной высоте севернее Драва-Собольч, зарылись в землю и разместили всю аппаратуру. Во время ввода в бой 59-го стрелкового полка и батальона 16-й пехотной дивизии болгарской армии я, по заданию командира дивизии, осуществлял согласование их действий с нашей дивизией. С этой целью я пробрался на НП командира полка. Ввели в бой полк и батальон болгарской армии и по пахоте стали продвигаться вслед за их боевым порядком.

К утру 9 марта после 40-километрового марша я со штабом дивизии прибыл в населенный пункт Городище, в нескольких километрах северо-восточнее Драва-Собольч. Части дивизии вводились в бой с марша, так как фашисты развивали успех по реке Драва, на стыке границ Венгрии и Югославии, где оборонялись отдельные части югославской и болгарской армий.

Итак, 9 марта, день. Во второй его половине на командный пункт дивизии прибыл генерал-лейтенант, начальник штаба одной из армий Югославии, в сопро-

вождении полковника из штаба 3-го Украинского фронта. Они попросили выделить один стрелковый полк для закрытия бреши в обороне близ города Берименд. Я был согласен — боевая обстановка того требовала. Но пока не было связи с комдивом. И я решил доложить о ситуации командованию корпуса. Комкор генерал-майор Артюшенко согласился с предложением. И только что подошедший 420-й краснознаменный стрелковый полк с ходу был направлен в район города Берименд. Бойцы полка, совместно с югославской партизанской бригадой, отбросили противника к реке Драва. Вместе с немцами бежали и подразделения владиславцев.

Но в районе Драва-Собольч немцы сумели создать крепкую оборону. Атаки нашего 715-го стрелкового полка были безуспешны. Завершив длительный марш, к середине 9 марта подошел 596-й стрелковый полк под командованием подполковника П. Данилова. К утру 11 марта полк Данилова вместе с 715-м стрелковым полком получил задачу овладеть городком Драва-Собольч и отбросить противника за реку.

Координировать действия обоих полков было приказано мне. Ранним утром, изучая местность с наблюдательного пункта подполковника Данилова, я убедился, что выполнить задачу будет непросто. Чтобы добраться до наблюдательного пункта, пришлось под беспорядочным обстрелом полтора километра бежать от укрытия к укрытию. А земля мягкая, словно усталая перина. Я еще подумал во время перебежек: «Надо же, земля пухом». Ассоциации от такой мысли, понятно, возникали не из ряда приятных. Но предчувствия обманывают нечасто, если только их услышать и правильно понять. Видимо, будущее существует реально, чему немало гипотез, в том числе научных. А если так, оно связано с настоящим, с неуловимым быстротекущим мгновением, в коем мы и обитаем. А где связь — там и действие. Или влияние...

Решив с командирами полков вопросы взаимодействия, мы получили от комдива добро на начало атаки. И после короткой артподготовки батальоны двинулись вперед.

Прошло менее часа. Левофланговый батальон вошел в городок, но был остановлен. Правый батальон залег на дороге западнее Драва-Собольч. Мы решили перенести НП ближе к переднему краю. Помню, я спросил Данилова:

— А как у тебя там, что-нибудь подготовлено?

Он ответил, невозмутимо улыбнувшись:

— Ладно, там на месте разберемся, пошли!

«Пошли»-то мы ползком или перебежками, используя канавы и высокую сухую траву. Было бы удивительно, если бы противник нас не обнаружил. Преодолев около 500 метров, мы с Даниловым оказались на голом поле под пулеметным огнем и взялись за саперные лопатки. Надежда была хотя бы на ячейки для стрельбы лежа. В группе нас было человек десять, и пулеметный огонь по нас становился прицельным. Деваться некуда. Впереди — открытая со всех сторон местность, насквозь простреливаемая ружейно-пулеметным огнем. Назад нельзя — залегшие батальоны, неправильно поняв маневр, могут последовать примеру командиров.

Даже на маленький окопчик необходимо время. Даже когда вгрызаешься в грунт, лежа на нем. Противник не стал ждать, пока мы окопаемся. Все ближе разрывались его артснаряды. Я лежал рядом с Даниловым, где-то в трех метрах. Он вдруг поднял голову, улыбнулся мне, как всегда спокойно и обаятельно, резко приподнялся и крикнул:

— Давай вперед несколько метров, там уже связисты окопались по пояс!

Это было решение истинного командира полка!

В момент броска разорвался наш с ним снаряд. Наш — то есть нам предназначенный то ли судьбой,

то ли роком. Да и есть ли между ними разница? Или они в такие секунды сливаются воедино?

Сознание померкло, меня швырнуло на Данилова. Очнувшись, увидел, что его нога выше колена раздроблена, кости и мясо спеклись в жуткой смеси. Лицо командира полка от шока и потери крови побелело, как гипсовая маска. На мне — ни царапины. Вот и «земля пухом». Я имел предчувствие, да не о себе...

Артогонь немцев не прекращался. С замполитом полка майором Сердобинцевым мы втащили Данилова в окоп связистов, наложили жгут. Затем связисты вынесли командира из боя и отправили в медсанбат. Каким-то чудом это удалось. Командование полком я взял на себя. Дорогого моего друга Данилова с тех пор я больше не видел и не знаю, что с ним произошло потом.

К вечеру мы ворвались в Драва-Собольч и соединились с подразделениями 715-го. Боевые будни продолжились...

Командир дивизии приказал мне возглавить полк до прихода начальника штаба полка, а на следующий день я вернулся на НП дивизии. Это было мое первое вступление во временное командование 596-м стрелковым полком.

После ввода в бой левее нас 87-й стрелковой дивизии под командованием полковника Куляко и ввода в бой на правом фланге нашей дивизии 16-й пехотной дивизии 1-й Болгарской армии, нами был захвачен населенный пункт Драва-Собольч и прилегающий правее его на удалении 3—4 километров хутор Драва-Пилконе.

Взаимодействие с болгарскими частями пришлось организовывать мне и дивизионному инженеру Огаркову. 11 марта в течение суток противник на направлении нашего наступления сумел сосредоточить столько сил, что был в состоянии сорвать нам выполнение боевой задачи.

Комдив генерал Величко доложил обстановку комдору генералу Артюшенко. Выслушав доклад, командир корпуса сообщил, что завтра, с утра 12-го, на правом фланге нашей дивизии будет введена болгарская 16-я пехотная дивизия. Задача 122-й: обеспечить выход 16-й на указанный рубеж и организовать взаимодействие с двумя нашими полками. Атака — по общему сигналу.

Оставались считанные часы. Генерал Величко приказал мне и подполковнику Огаркову встретить болгарскую дивизию и с ходу лично нам обоим вывести ее на указанный рубеж. При встрече с комдивом 16-й пехотной дивизии полковником Ганевым и командирами его частей мы тотчас поняли, что болгары впервые в такой обстановке, не имеют нужного опыта. Короче, они без малейшего понятия, как прямо с марша начать боевые действия. Прав был наш комдив, предложив им опекунство. Мы с Николаем разделились и к рассвету все-таки смогли создать боевой порядок дивизии. И после артиллерийской подготовки части болгарской дивизии перешли в наступление одновременно с нашими полками.

Ввести с ходу в бой недостаточно подготовленную, «необкатанную» дивизию — крайне сложная задача. Болгарским воинам пришлось осваивать военное искусство не на учебном полигоне, да и мы с Николаем изрядно понервничали и попотели.

Я был по горло занят порученным мне делом, так что результаты работы Николая Васильевича увидел только в бою.

Можно о ночи с 11-го на 12-е и атаке 12 марта написать целый рассказ, а то и повесть. А можно и кратко, как это сделал Г.Н. Шинкаренко в книге «Несущие факел», изданной в 1984 году:

«Инициативу и мужество в этом бою проявил Н.В. Огарков, когда в решающий момент боя, находясь на броне головного танка, направлял действия болгар-танкистов. Личный пример, хладнокровие

офицера, его непосредственное участие в действиях танкового батальона во многом способствовали успеху наших и болгарских частей в бою за Драва-Собольч».

За успешное обеспечение ввода в бой 16-й болгарской пехотной дивизии командующий 1-й Болгарской армией генерал-лейтенант Владимир Стойчев наградил нас орденами «За храбрость». Его приказ за № 161 от 21.05.1945 подтвержден Указом Президиума Народного собрания Болгарии № 131 от 26.09.1947.

ТЯЖЕЛЫЕ БОИ В ВЕНГРИИ

В марте сорок пятого я занимал должность начальника оперативного отделения штаба 122-й стрелковой дивизии и в то же время исполнял обязанности начальника штаба дивизии — в конце февраля начальник штаба полковник Григорий Семенович Безрукавый ухитрился упасть с лошади и сломать ногу. Он — на излечении, а я исполняю две должности.

В те дни на левом крыле 3-го Украинского фронта, южнее венгерского города Печ, шли жестокие бои. Наши части пытались ликвидировать немецкий плацдарм на реке Драва, где закрепились после контратак пехотная и авиаполевая дивизии вермахта.

Семь дней наша дивизия трепала немецкие части, буквально вгрызшиеся в плацдарм на нашем уже берегу Дравы. 13 марта был ранен командир дивизии генерал-майор Алексей Никонович Величко. Я доложил об этом командиру корпуса генерал-майору П.А. Артюшенко. 14 марта ночью он позвонил мне и приказал командовать дивизией до прибытия вновь назначенного замкомдива полковника Сидоренко. Пять суток я, выполняя приказ, управлял частями дивизии. Но не один — мне активно помогал дивизионный инженер подполковник Н.В. Огарков. Без него пришлось бы намного труднее, дивизия — весьма сложный боевой организм.

К исходу 18 марта дивизия, преодолев упорное сопротивление противника, вышла непосредственно к реке Драва, продолжая вести огневой бой. Мелкие подразделения немцев еще держались за отдельные участки сокрушенного плацдарма. Я понимал, что успешно справился с задачей, выполняя разом три должности: комдива, начальника штаба дивизии и начальника оперативного отделения.

Но ночью с 18-е на 19-е...

Раздался телефонный звонок. Поднимаю трубку: у аппарата командир корпуса генерал Артюшенко. Я его с трудом понимаю, так невнятно он говорит. Наконец до меня доходит: генерал требует усилить левый фланг дивизии, на границе с соседом, 84-й стрелковой дивизией. Почему-то комкор решил, что именно там немцы сосредоточили большие силы для контратаки. Но я-то, находясь на переднем крае, знаю реальную обстановку и докладываю, что на левом фланге дивизии все спокойно, наши войска держат берег до уреза воды, что я только что говорил с командиром полка подполковником Чернышевым...

Командир корпуса отреагировал грубо, оскорбительным тоном:

— Ничего вы не знаете! Немцы сейчас прорвутся, а вас я расстреляю!

Он всегда относился ко мне с уважением. И сейчас по его крику я понял: генерал нетрезв. Тогда меняю тактику общения и докладываю, что, к сожалению, резервов у меня нет и усилить левый фланг не могу. Тут комкор совсем рассвирепел и приказывает направить на «опасный» участок весь ДОП.

А что такое ДОП? Это дивизионный обменный пункт со складами продовольствия, горюче-смазочных материалов, вещевого и военно-технического имущества. Кроме того, мы держали там загон с коровами, быками и овцами для снабжения подразделений свежим мясом. Охраняло это хозяйство всего лишь отделение солдат.

Напоминаю комкору об этом единственном отделении. Трубка отвечает мне невероятным шумом и криком. Я не выдерживаю и говорю:

— Слушаюсь! Сейчас лично поведу в бой весь ДОП!

Генерал замолкает, сеанс связи комдива с комкором заканчивается. Я сразу же звоню начальнику тыла корпуса подполковнику Гридину и все подробно рассказываю. Он мне отвечает:

— Не обращай внимания. Он уже спит. А ДОП не трогай...

Никогда после генерал Артюшенко не напоминал мне о том случае. Но мы с Николаем Огарковым долго еще смеялись, вспоминая о «невыполнении приказа»...

В середине марта дивизия получила задачу сосредоточиться в районе местечка Берименд и совместным ударом с партизанской бригадой югославов и мотоциклетным полком фронта разгромить противника на основном плацдарме и отбросить его за реку Драва.

К этому времени к нам в дивизию на должность заместителя командира дивизии прибыл полковник Сидоренко¹. (Бывший командир дивизии. Его дивизия понесла значительные потери в Балатонской операции, и он был снят с занимаемой должности.)

Мы провели рекогносцировку, наметили участок прорыва, маршруты выдвижения частей, а с утра 24—25 марта должны были нанести удар. Противник накануне под воздействием подразделений 420-го краснознаменного стрелкового полка и югославской армии отошел за реку Драва.

---

¹ Сидоренко Тимофей Ильич — полковник, командир 223-й стрелковой дивизии (4.06.1944—10.03.1945), командир 122-й стрелковой дивизии (14.04.1945—9.05.1945).

В течение трех суток дивизия приводила себя в порядок, пополнялась личным составом и материальной частью. За эти бои и бой юго-западнее Будапешта дивизия была награждена орденом Кутузова II степени, а весь личный состав получил благодарность от Верховного главнокомандующего.

Я и Н.В. Огарков были награждены орденами Отечественной войны I степени и болгарскими орденами «За храбрость». Для меня это были третий и четвертый ордена.

К этому времени в дивизию прибыл из госпиталя генерал-майор Величко и вступил в командование дивизией. Опять новая задача, опять марш и сосредоточение дивизии южнее города Калошвар с задачей разгрома противника и овладения венгерским городом Надьканижа.

Операция по захвату города Надьканижа и всего нефтедобывающего района Венгрии началась в первых числах апреля и вначале проходила с большим напряжением. Контратаки противника следовали одна за другой, и это понятно, так как наши успешные действия и затем их развитие выводили советские войска в тыл югославской группировки немцев.

122-я стрелковая дивизия в начале операции находилась во втором эшелоне 57-й армии, однако после полудня первого дня операции она была введена в бой, так как действовавшая впереди 212-я стрелковая дивизия несколько снизила темпы наступления. Наша дивизия имела в первом эшелоне два полка (420-й и 715-й). С ходу введенные в бой, они быстро опрокинули противостоящего противника и стали стремительно продвигаться в направлении города Надьканижа, до которого к ночи осталось пройти 10—15 километров.

С рассветом полки ворвались в город, и это было так внезапно для противника, что полуодетые немец-

кие офицеры выскакивали из теплых постелей и пу-скались наутек. К утру был захвачен центр города. Части вышли к западной окраине, где немцы стали оказывать ожесточенное сопротивление по рубежу реки (названия не помню), особенно из района му-комольного завода и мясокомбината. Командир ди-визии, я и небольшая группа связистов вышли к же-лезнодорожной линии на северо-западной окраине города и залегли, попав под сильный обстрел прямой наводкой артиллерии, танков и самоходок. В распо-ложенном рядом с железной дорогой доме с подвалом мы организовали пункт управления, откуда руково-дили действиями частей по очистке города от немцев. Пока я налаживал связь с частями, командир дивизии с дивизионным инженером, используя складки мест-ности и закрытые участки, отправились к мясоком-бинату, где шел особенно упорный бой.

С установлением связи я получил задачу от коман-дира дивизии срочно прибыть в левофланговый полк, где в районе мукомольного завода шел бой. С при-бытием на место я выбрал участок на крыше завода, где со всех сторон были уложены бетонные плиты, установил стереотрубу, организовал связь с команди-ром дивизии, и сразу же дело пошло веселее, так как, управляя боем с этих двух пунктов, нам было легко увязывать взаимодействие частей в ходе самого боя и наблюдать его результаты. К ночи город был пол-ностью очищен от противника, и с рассветом части дивизии стремительно стали продвигаться в направ-лении стыка трех границ: Венгрии, Югославии и Ав-стрии. 4 апреля мы подошли к границе с Югославией, а это означало, что вся Венгрия была очищена от не-мецких войск.

Много было тяжелых моментов до выхода к реке Мур (приток реки Правы), но было и радостно ви-деть, как встречали нас жители сел и городков Юго-славии. Развивая наступление, дивизия вышла к реке Мур, что юго-восточнее города Мурски-Собота. Здесь

мы вновь были остановлены обороной немцев на этом рубеже. Наступавшие левее нас части 1-й Болгарской армии были также остановлены в междуречье Дравы и Мура.

К 9 апреля мы получили задачу: оставив прикрытие на достигнутом рубеже, всеми частями переправиться через реку Мур в 10—15 километрах восточнее деревни Одраницы. 1-я Болгарская армия развивала наступление на левом крыле 3-го Украинского фронта в направлении: Гановиц, Марибор в междуречье рек Ярава и Мур. В связи с медленным продвижением войск армии командующий 57-й армией принял решение ввести нашу дивизию в бой в общем направлении на Марибор. Местность в междуречье всхолмленная, изобилует большим количеством садов и виноградников. Много старинных подвалов с большими бочками яблочного вина — сидра (бочки емкостью в десятки тысяч литров).

С утра 9 апреля дивизия, переправившись через реку Мур, с ходу атаковала противника и вклинилась в его оборону на глубину 3—4 километров. Правый фланг упирался в реку Мур, слева наступали болгарские части. Однако дальнейшее наступление было приостановлено возросшим сопротивлением противника и опасностью образовавшегося разрыва между нашим левым флангом и болгарскими частями.

С утра 10 апреля командованием дивизии принимается решение: ввести в бой 420-й полк из-за левого фланга (на левом фланге наступал 596-й стрелковый полк), обойти противника и выйти на его тылы. Глубина охвата составляла примерно 12—15 километров. Для доведения приказа командиру 420-го краснознаменного стрелкового полка и контроля за его исполнением командир дивизии приказал мне с тремя офицерами и радиостанцией отправиться в 420-й полк.

Быстро развернув полк, мы после десятиминутного артиллерийского налета атаковали подразделения прикрытия и быстро стали продвигаться на левом

фланге, встречая незначительное сопротивление отходящих мелких групп противника. К исходу 10 апреля мы захватили населенный пункт (к стыду моему, название его забыл). Организовав прикрытие, мы в течение ночи подтянули весь полк. Дальнейшее продвижение было остановлено сильным артиллерийским и минометным огнем и огнем из стрелкового оружия. Выход полка почти на тылы противника заставил его в течение ночи 11 апреля отойти перед фронтом 715-го и 596-го стрелковых полков, однако он продолжал упорно удерживать большую высоту у самой реки Мур, которая господствовала над всей округой междуречья.

К утру 11 апреля в полк прибыл командир дивизии со всем составом НП дивизии. Я быстро выбрал место, а дивизионный инженер распорядился открыть НП с площадками, траншеями и ходами сообщения для выхода на обратные скаты, где проходила дорога, а дальше стояла небольшая церковь. Ниже находилась усадьба попа.

В течение 11-го и первой половины 12 апреля незначительно, на полтора-два километра, в центре боевого порядка дивизии продвинулся 596-й стрелковый полк. На левом и правом фланге полки успеха не имели. Невдалеке от НП командира дивизии расположился командующий артиллерией полковник Синченко, а несколько позади его командир артиллерийского полка майор Коля Баулин.

12 апреля. Дело шло к обеду, и все, кроме меня, Н.В. Огаркова и связистов, спустились вниз на обед. Мы же продолжали управлять боем. Где-то около 14.00—14.30 командир вернулся и приказал нам отправиться на обед, что мы с большим желанием исполнили.

Возвращаясь с обеда, мы остановились на НП командира артполка, пошутили: уж явно был хороший

день, на душе у нас у всех было легко и ничто не предвещало плохого. Помню, мы даже спели какую-то шуточную песенку и отправились по ходу сообщения на НП.

Мы прошли буквально три-четыре шага по траншее: впереди шел Николай, я шел вслед за ним, в это время вокруг стали рваться снаряды. Николай упал, а я на него. Слышу, он кричит: «Ноги, ноги!»

Вначале я подумал, что, падая, я прижал ему ноги, но, встав на колени, я увидел, что он весь в крови.

Я сразу поднял его, посадил на свои плечи и — бегом вниз к домику, где находился медпункт НП, выделенный от медсанбата (по существу, медпункт был представлен санинструктором, который мог делать перевязки). Я уложил Николая на кровать, он был бледен, видимо от потери крови. Мы быстро перебинтовали ноги. В это время я увидел, что сюда же занесли командира дивизии, тоже раненного, но в правый бок. Сам пришел легко раненный в ногу командующий артиллерией корпуса.

Я простился с Николаем и комдивом, пожелав им быстрейшего выздоровления. Их уложили в санитарную машину и отправили в медсанбат. Когда я вышел из домика, то услышал в подвале плач. Я спустился туда и увидел старшего лейтенанта Лосева, адъютанта командира дивизии, который был смертельно ранен и буквально на моих глазах скончался. Плакали навзрыд шофер командира дивизии и связисты. На душе стало тяжело: ранены мои дорогие боевые друзья и убит любимец управления дивизии скромный Лосев.

В это время шел ожесточенный бой, особенно на участке 596-го стрелкового полка, в командование которым вступил из резерва армии один подполковник, фамилию не помню.

Я сразу стал возвращаться на НП, а связисты доложили, что с КП выехал начальник штаба дивизии полковник Г.С. Безрукавый и заместитель командира

дивизии полковник Сидоренко. Начало смеркаться, и, так как НП находился под непрерывным обстрелом, полковник Сидоренко сменил свое укрытие в рядом расположенном доме, куда я направился.

За 15—20 шагов от дома буквально передо мной раздался взрыв, и я упал. Мне показалось, что я весь изрешечен осколками, и примерно около минуты не мог сообразить, что случилось. Затем я стал осторожно двигать руками и ногами и понял, что осколки меня миновали, правда, гимнастерка была продырявлена сбоку в нескольких местах.

Собравшись на новом НП, мы приняли решение отразить контратаки пехоты и танков противника, а с рассветом 13—14 апреля силами 596-го стрелкового полка нанести удар в направлении реки Мур на север и отрезать подразделение противника, обороняющееся перед фронтом 715-го стрелкового полка и частично перед фронтом 546-го стрелкового полка. Для оказания практической помощи в выполнении принятого решения меня направили в 596-й стрелковый полк, а начальника штаба дивизии — в его бывший 420-й стрелковый полк.

Находясь в 596-м стрелковом полку, я неоднократно встречался со знавшим меня начальником политотдела корпуса, тогда полковником Григорием Наумовичем Шинкаренко (ныне генерал-майор в запасе, проживающий в Москве).

В течение 13, 14, а затем и 15 апреля с переменным успехом шли упорные кровопролитные бои, так как на этом участке местности между реками Ярава и Мур противник оборонял важное направление, прикрывавшее город Марибор. Это был один из кратчайших путей для соединения с английскими войсками, продвигавшимися из Северной Италии. Кроме того, развитие нашего наступления на Марибор угрожало отрезать югославскую группировку фашистов.

Помню, как на НП корпуса, находившемся рядом с НП нашей дивизии, прибыли командующий 57-й ар-

мией генерал-полковник Шарохин и начальник политотдела тыла армии генерал-майор Цинев (после войны генерал-полковник Цинев — первый заместитель председателя КГБ СССР) и поставили задачу найти добровольцев, чтобы водрузить флаг на вершине высоты, где перед фронтом 715-го стрелкового полка засел противник и господствует над окружающей местностью. Было обещано наградить орденом Красного Знамени всех, кто останется в живых, а в случае смерти — посмертно орденом Ленина.

Таких смельчаков в дивизии было немало, и солдат 715-го стрелкового полка — фамилию уже не помню — получил-таки за этот подвиг орден Красного Знамени.

В ходе боев в междуречье мы узнали о захвате нашими войсками Вены и об успешных боевых действиях наших войск на берлинском направлении.

В двадцатых числах апреля дивизия получила задачу сдать участок войскам 1-й Болгарской армии, переправиться на северный берег реки Мур и перейти к обороне на участке протяженностью 20—25 километров, фронтом на юг, вдоль реки Мур. В ходе выполнения этой задачи противник атаковал части болгарской армии и несколько потеснил их (примерно на 5—6 километров), однако принятыми мерами немцы были остановлены, и части болгарской армии также перешли к обороне в междуречье Дравы и Мур.

К этому времени к нам в дивизию был назначен новый дивизионный инженер, майор (фамилию не помню). С первой встречи я понял, кого мы потеряли. Николай Огарков был большой друг, человек с большой буквы, взаимоотношения у нас сложились самые теплые и братские. Все делили и радость и горе — все, все. Не скрою, из-за молодости, может быть, ершистости, а порой и невоспитанности своей я иногда допускал несправедливость к товарищам. Но хорошо помню, что это было не по злобе, а скорее из-за недостаточной воспитанности и культуры. Но

так сильно я почувствовал горечь расставания только тогда, когда вместо него прибыл другой — я бы сказал, распущенный, неумный, безграмотный офицер, который никого ни в чем не обижал, но и ничего не делал, только много пил и развратничал.

Душа болела, я очень грустил, но вместе с тем попытался найти Н.В. Где он? Как он? В каком госпитале? Об этом я узнавал через начсандива, полковника медицинской службы Яши Темникова. Встретились мы с Н.В. уже потом, после войны — осенью 1945 года в Москве. И казалось — больше никогда не расстанемся, но жизнь сложила все по-своему, не виделись мы после войны более 20 лет.

Заняв оборону по реке Мур и расположив штаб дивизии в санпункте Одранцы (Югославия), мы срочно приступили к инженерному оборудованию местности.

В конце апреля вышел из строя новый командир 596-го стрелкового полка, и исполнявший обязанности командира дивизии отправил меня временно командовать полком. Я командовал полком где-то с 24—26 апреля до 5 мая, пока не вернулся из госпиталя командир дивизии генерал-майор А.Н. Величко.

Командуя полком, я несколько раз встречался с представителями частей 1-й Болгарской армии. Согласовывали взаимодействие на стыках, затем представляли дивизию на согласование взаимодействия в штабе корпуса. Не обошлось без традиционного болгарского хлебосольства.

ДОЛГОЖДАННАЯ ПОБЕДА!

Чувствуя приближение конца войны, солдаты венгерской армии стали сдаваться в плен. Вначале мелкими группами по 2—3 человека, а затем и целыми подразделениями. Помню, я находился на КП командира 1-го стрелкового батальона, и мне доложили, что

сержант и солдат венгерской дивизии «Сент-Ласло» сдались в плен. Я приказал направить их ко мне. По прибытии, после короткого допроса, с разрешения командира дивизии, я их отправил за линию фронта с условием привести все подразделение, обговорив направление и время перехода линии фронта ими.

Буквально на следующую ночь около 20 солдат и сержантов пришли вместе с ранее сдавшимися венгерскими солдатами.

5—6 мая возвратился в госпиталь после второго ранения командир дивизии генерал-майор А.Н. Величко. Сразу дело пошло веселее. Первое, что он мне приказал, было немедленно сдать полк начальнику штаба полка и возвратиться к исполнению своих прямых обязанностей — начальника оперативного отделения штаба дивизии. Дело в том, что начальник штаба полковник Безрукавый Григорий Семенович был замечательным человеком и хорошим командиром, а штабную работу, к сожалению, не знал и к тому же не любил. Поэтому командир дивизии и приказал быть мне на своем месте. Сам же командир дивизии, как бывший оперативник, хорошо знал штабную работу и ценил ее.

Началась кропотливая работа. Надо было опять оформлять все боевые документы, на что уходило немало времени.

На нашем участке фронта наступило затишье, только иногда раздавались пулеметные или автоматные очереди. Артиллерия сторон совсем молчала. У нас в душе тоже творилось такое, что и словами трудно выразить. Как-то нутром чувствовалось приближение конца великой битвы.

6 мая, помню, меня пригласили вечером посмотреть новый кинофильм «В 6 часов вечера после войны». Приглашал подполковник медицинской службы Блюдз Леон Абрамович — наш ведущий хирург и его бессменная ассистентка — медсестра, старший лейтенант медицинской службы Антонина Сергеевна

Смирнова. Фильм нас очень увлек, мы сидели и всеми клеточками чувствовали притягательную силу 6 часов вечера после войны.

После кино мы долго мечтали, но как-то было странно и страшно было еще об этом думать всерьез, не верилось, что дело идет к концу.

На рассвете 7 мая дивизия получила боевую задачу: сдать участок обороны частям 1-й Болгарской армии, совершить марш и сосредоточиться в районе южнее города Грац в готовности к наступлению. Район сосредоточения частей после сдачи — южнее и юго-восточнее окраины города Мурски-Собота к утру 8 мая.

Все шло по плану: в течение 7-го и к утру 8 мая части дивизии, сдав свои участки, сосредоточились в указанном районе и готовились к маршу в направлении города Грац.

Мною был оформлен приказ на марш, и к концу дня он был доведен до всех командиров частей. Этим приказом 420-й краснознаменный стрелковый полк был назначен в авангард, а 596-й и 715-й стрелковые полки двигались по двум параллельным маршрутам до Сенотарда. Пишу эти строки и вспоминаю, как воспринималось на слух наименование населенного пункта в предгорьях Австрийских Альп. Многие считали, что вот, мол, куда забрались, к местам, где Суворов водил своих чудо-богатырей. Однако название такое же, но место суворовского Сен-Готарда в Швейцарских Альпах.

Полки начали выдвижение по плану с наступлением темноты, где-то примерно в 20—21 час. Командир дивизии приказал мне организовать связь и управление по радиосигнальной таблице, а сам ушел отдыхать с тем, чтобы в 4.00 9 мая начать движение со всем штабом дивизии.

Накануне вечером болгарские офицеры, части которых пришли на смену частей дивизии, стали говорить, что по радио передают: «Разбой конец».

Мы не особенно верили этим сообщениям, однако в душе заронили искру надежды.

Командир корпуса во второй половине дня 7 мая прибыл на СП дивизии, не найдя командира дивизии и начальника штаба, которые находились в частях, вызвал меня и сказал: «Я поехал на рыбалку, буду находиться (указал мне район). Если меня будут срочно спрашивать, пришли офицера». Вначале я всему этому не придавал значения, и только 8-го я понял, что, коль командир корпуса решил заняться рыбалкой, значит, других забот у него сейчас нет — дело идет к развязке.

Организовав управление, я расположился с оперативным отделением в каком-то общественном здании, вошел в связь и ждал докладов. После 22 часов, или около этого, я приказал радисту нет-нет да настраиваться на Москву — а вдруг что-нибудь передадут.

00.00 часов 9 мая.

В установленное время начали поступать сигналы от командиров частей о прохождении исходного рубежа. Все пошло по плану. Сейчас уже точно не помню, но я все время находился у радиостанции, и вдруг где-то в районе одного или двух часов ночи (забыл) мы услышали позывные Москвы. Все, кто был со мною рядом, будто замерли. Вдруг голос Левитана, сообщающий о том, что сейчас будет передано важное сообщение, и спустя несколько минут началось...

Трудно передать, что творилось... На улице поднялась стрельба из автоматов, ракетниц, стоял такой грохот, какого я не слышал за всю войну. Люди обнимались и целовались, не зная друг друга, но ощущая какое-то неведомое, неизбежное ликование и облегчение, не веря себе. Многие плакали...

Всю ночь продолжалось всеобщее ликование. Думаю, в эти часы мы были уязвимы, как никогда. Но никто уже не верил в то, что может погибнуть после объявления Победы.

А наутро было назначено торжественное построение всей дивизии с объявлением праздничного приказа о Победе в Великой Отечественной войне.

Надо было всех переодеть в новое обмундирование, а время 6 часов утра. Скажу откровенно, что в мирное время решить эту задачу в такое короткое время, даже имея все необходимое на стационарных складах, почти невозможно, времени нужно в несколько раз больше. А вот заместитель командира дивизии по тылу подполковник Вакарев эту задачу решил блестяще. Думаю, что это могло бы стать хорошим примером оперативности в работе вещевого службы дивизии и других частей.

Ровно в 12.00 была построена вся 122-я стрелковая ордена Кутузова II степени дивизия. В строю стояло немногим более 3500 человек. Во время боев в междуречье (Драва и Мур), особенно в обороне по северному берегу реки Мур, дивизия понесла очень тяжелые потери. Она в последние дни пополнилась личным составом, однако до штата полного было далеко. Но и это была большая сила (относительно, конечно) к концу войны.

Дивизию построил полковник Сидоренко — заместитель командира дивизии по оперативной части.

Вспоминаю эти торжественные и радостные первые часы после войны. Но никто и никогда не забыл, как это нам досталось, кто с нами не дошел до этих светлых майских дней 1945 года.

А погода стояла чудная — весна. Мы впервые за многие годы по-настоящему увидели красоту мира, нас окружавшего.

Ровно в 12.00 9 мая 1945 года командир дивизии генерал-майор Алексей Никонович Величко начал обход частей и поздравление с победой.

Примерно в 12.40—13.00 прибыл командир корпуса и начальник политотдела полковник Григорий Наумович Шинкаренко, которые провели митинг в связи с успешным окончанием войны и победой над фашистской Германией и ее сателлитами.

После митинга, когда войска стали уходить в свои районы, ко мне здесь же подошел мой хороший знакомый, начсанкор Литвак. Мы здесь же с ним сфотографировались на память. Эту фотографию я храню до сих пор и берегу ее как очень дорогую для меня память.

После построения во всех частях были организованы торжественные обеды. Весь личный состав отдыхал, веселился, отмечая это дорогое, очень дорогое событие.

10—11 мая 1945 года был получен приказ переместить части дивизии на 45—50 километров юго-восточнее города Грац. Оперативным отделением быстро была отработана карта на марш примерно 60—80 километров и доведена задача до командиров частей. Переход совершился за несколько дней.

Вперед на рекогносцировку новых районов по указаниям командира дивизии я отправился с представителями от частей.

До 28 мая дивизия находилась в районе юго-восточнее города Грац. В это время состоялся приказ командующего 1-й Болгарской армии о награждении большой группы генералов и офицеров 57-й армии болгарскими боевыми орденами. Вручение состоялось 25 мая в здании университета города Грац. Вручение началось в 12—13 часов.

Присутствовали: командующий 57-й армией генерал-полковник Шарохин, начальник политотдела армии генерал-майор Цинев, начальник штаба генерал-майор Верховлович, командиры корпусов, в том числе командир нашего корпуса — генерал-майор П.В. Артюшенко. От 122-й стрелковой дивизии заместитель командира дивизии полковник Сидоренко, началь-

ник опероделения, командир 420-го краснознаменного стрелкового полка подполковник В.А. Чернышев. Отсутствовал генерал-майор Величко (по болезни).

Ордена вручал генерал-лейтенант Стойчев¹, командующий 1-й Болгарской армией, в актовом зале университета.

В ходе вручения орденов произошел конфуз. Генерал-лейтенант Стойчев при встрече с первым офицером поздоровался, в ответ молчание, в строю находилось около 20 офицеров. Затем он стал вручать ордена, и тут опять конфуз. У нас было принято отвечать «Служу Советскому Союзу», и что ответить болгарскому генералу — никто не знал. Когда подошла моя очередь, я ответил: «Благодарю за честь!» Впоследствии все оставшиеся так и отвечали.

Я об этом забыл. Однако в апреле 1985 года мне позвонил старый товарищ по академии Петр Горелин и напомнил этот случай. Оказывается, он этот случай обнаружил в архиве поэта Бориса Слуцкого, который умер в 1986 году, однако присутствовал на этой церемонии в качестве корреспондента армейской газеты 57-й армии.

Но вернемся к церемонии.

Все было обставлено торжественно, всем после вручения орденов были определены места на банкет. У каждого в тарелочке лежали изготовленные визитные карточки с указанием звания, фамилии, имени и отчества. Все это было оттиснено золотом.

---

¹ Стойчев Владимир Димитров (24.02.1892—27.04.1990) — болгарский военачальник, генерал-лейтенант (1944). Участвовал в перевороте 9 сентября 1944 г., в результате которого к власти в Болгарии пришли просоветские силы. В сентябре 1944 г. был назначен начальником Софийского гарнизона, а затем командующим 1-й армией, сформированной 21 ноября 1944 г. Под командованием Стойчева армия в 1945 г. достигла Австрийских Альп — самого дальнего рубежа в истории болгарских вооруженных сил. Участник Парада Победы 24 июня 1945 г. в Москве. Участник Олимпийских игр 1924 и 1928 гг. Член Международного олимпийского комитета (1952—1987).

Обед (или банкет) проходил в непринужденной обстановке. Гости были разные, больше всего в связи с победой и дружбой народов СССР и Болгарии. Здесь, в зале, проходил концерт ансамбля песни и пляски 57-й армии, состоящего из артистов Одесского театра оперы и балета. Кто посмелее — принимал участие (пением, пляской, рассказом). Это событие запомнилось мне на всю жизнь.

Вскоре был получен приказ о передислокации дивизии в новый район — 3—4 километра северо-западнее города Брук на Муре. Штаб дивизии — населенный пункт Алендорф. Это уже ближе к Вене (южнее примерно до 80—100 километров).

В этом районе начались прикидки по организации боевой подготовки войск. На меня возложили разработку конспектов по разным видам боевой подготовки (устава, строевая служба, изучение материальной части стрелкового оружия). Должен сказать, что первые конспекты я переделывал по нескольку раз, а затем, в ходе их разработки, стал вспоминать то, чему учили в училище, и конспекты стали приобретать надлежащий вид.

Кроме этого, в штабах шли работы по завершению журналов боевых действий, и здесь было немало работы, так что штабы без дела не сидели. Войска кое-как занимались, стали оборудовать лагерь для размещения личного состава. Очень хорошо поработал командир 420-го краснознаменного стрелкового полка, мы его всем ставили в пример.

Часть подразделений была выделена на охрану особых объектов (например, охотничьи земли и поместья бывшего императора Франца-Иосифа и др.).

Командование дивизии было занято написанием аттестаций. Писали как кому бог на душу положит. Бывали и объективные аттестации, но больше всего писалось отрицательного, особенно «обиженными» наградами начальниками. Мою аттестацию писал лично командир дивизии. Скажу, что она довольно

объективна. Вывод был — если оставлять в Вооруженных силах, то отправить в военную академию.

Это была и моя мечта — поступить учиться в Военную академию имени Фрунзе.

Примерно в середине июня были получены указания о начале движения в пешем строю колоннами на восток. Это была величественная картина движения громадной армии — армии-победительницы — домой, на родину. Движение осуществлялось примерно со второй половины дня и продолжалось до глубокой ночи. Места, по которым мы проходили, были сказочно красивыми, особенно западная часть Венгрии. Вот, после одного из переходов, уже в Западной Венгрии, ночью был получен приказ о моем командировании в штаб фронта на мандатную комиссию на предмет зачисления кандидатом в слушатели Военной академии имени Фрунзе.

Радости моей не было пределов. Командир дивизии генерал-майор Величко и начальник штаба полковник Безрукавый устроили мне пышные проводы, на которых присутствовали все начальники отделения штаба дивизии, не говоря уже о командовании дивизии.

В тот же день я сел в машину и отправился в штаб корпуса вместе с В.Я. Чернышевым (командиром 420-го полка). Там нас долго не держали. Через два дня мы были уже в районе Винер-Нойштадта в резервном офицерском полку 3-го Украинского фронта. Там я встретился с лейтенантом Токаревым (мой бывший сокурсник по Камышинскому пехотному училищу, попавший в начале войны в плен, а затем воевавший в рядах партизан Югославии).

Пребывая в этом полку в ожидании мандатной комиссии, мы — а нас было немало, более 20 человек, — посетили город Вену, побывали в оперном театре, слушали «Чио-Чио-сан» на немецком языке. Музыка нас заворожала.

Осмотрели город и побывали на знаменитой могиле Иоганна Штрауса. В конце июня нам сказали до-

бираться самостоятельно до города Констанца (Румыния), где будет находиться Южная группа войск, вернее, штаб группы 3-го Украинского фронта. Там мы будем проходить комиссию.

Пробирались кто как мог. Вместе со мной были В.Д. Чернышов, А.Г. Шурупов (тогда подполковник), два офицера оперативного отдела штаба 134-го стрелкового корпуса, Н.Ф. Кузьмин — подполковник соседнего корпуса и др.

Побывали в Будапеште, находились там около двух суток, осмотрели город: воевали вокруг него, а в городе побывали уже после войны. Много социальных контрастов заметили мы там, думали, что это скоро отомрет. Затем воеводы выделили нам вагон для сидения, и мы, мучаясь от всего (холода, голода, бессонницы), в начале июля прибыли в Констанцу. Я разместился со своим ординарцем в квартире одной гречанки, на берегу Черного моря, рядом с резиденцией начальника штаба группы. Говорили, что тут находится генерал-майор С.П. Иванов. Рядом с домом стояли два бронетранспортера с пулеметами.

Дни, проведенные нами в Констанце, мы использовали для отдыха: загорали, купались на берегу Черного моря и ожидали комиссию.

В десятых числах июля наконец-то прибыла мандатная комиссия во главе с генерал-лейтенантом Сухолепиным Александром Васильевичем — заместителем начальника академии и генерал-майором Цыбенко — начальником политотдела академии. Два слова, сказанные ими: «Вы зачислены», были самыми радостными для меня и многих моих товарищей.

Вскоре мы стали собираться в дорогу. Были обсуждены несколько вариантов выезда в Москву. Все решили немедленно ехать по домам, с тем чтобы к концу июля прибыть в академию, как было нам приказано.

Наконец, маршрут и средства были определены. Едем водой на пассажирском лайнере «Трансильва-

ния», принадлежащем Румынии, но под советским флагом. Помню замечательный вечер, когда мы отчалили от стенки морского порта и взяли курс к родным берегам. Конечный пункт — Севастополь. Ночь, а затем день. Во второй половине дня мы видели Медведь-гору, нам сказали, что это вблизи Ялты, затем вечером мы причалили в Севастополе. К ночи мы уже были на вокзале, переночевали кто как мог, а утром получили в сбербанке деньги и к вечеру поездом Севастополь—Москва тронулись по родной стране в столицу.

Столица нас встретила приветливо, а уже вечером в тот день я отправился со своим ординарцем Вячеславом Шубиным в Саратов, оттуда в село Орловское Марксовского района, где встретил своих родителей. Это было в период 18—25 июля 1945 года.

Что касается моей родной 122-й стрелковой дивизии, то приблизительно одновременно со мной она также отправилась на родину.

Маршрут общей протяженностью 1730 километров проходил по территории Австрии, Венгрии и Румынии. Он был рассчитан на 56 суток со средней скоростью 31 километр в сутки. К 22 августа дивизия сосредоточилась в районе железнодорожного узла Жмеринка. Штаб дивизии расположился в селе Тартак.

В период с 25 августа по 1 сентября 122-я стрелковая ордена Кутузова II степени дивизия по приказу народного комиссара обороны была расформирована. Знамена частей переданы на хранение в архив Генерального штаба ВС СССР.

Прощальный ужин, устроенный командиром дивизии генерал-майором А.Н. Величко, состоялся 7 сентября в городе Жмеринка.

122-я стрелковая ордена Кутузова II степени дивизия просуществовала ровно 6 лет, или 2100 дней и ночей полной боевой напряженной героической жизни. Более 30 тысяч граждан нашей страны прошли

службу в ее частях за эти годы, из которых более 10 тысяч отдали свою жизнь за родину и похоронены на полях сражений Южного Заполярья, а также в Венгрии, Югославии и Австрии.

В частях 122-й стрелковой дивизии начинали боевой путь, мужали и крепили в боях сурового Заполярья советские военачальники, а также известные в вооруженных силах генералы: генерал армии Маргелов Василий Филиппович (командующий воздушно-десантными войсками Советской армии), генерал-полковник Попов Николай Гаврилович (начальник Военной академии связи Вооруженных сил), генерал-полковник Крутских Дмитрий Андреевич (ответственный работник гражданской обороны), генерал-лейтенант Майков Евгений Иванович (заместитель министра обороны по строительству и расквартированию войск), генерал-майор Еремеев А.И. (ответственный политработник), генерал-майор Сатгач Г.Н., генерал-майор Тамразов А.Н. (работник Генерального штаба), генерал-майор Боград П.Л. (помощник командующего войсками округа), генерал-майор Лиховецкий В.В. (работник Генерального штаба), генерал-майор Скобликов (начальник кафедры Военной академии связи).

ПОСЛЕВОЕННАЯ СЛУЖБА

Первые послевоенные годы ознаменовались для меня учебой в Военной академии имени М.В. Фрунзе. Они многое дали мне со всех точек зрения.

Моими однокашниками были замечательные офицеры — люди, прошедшие всю войну и многое вынесшие на своих плечах. Многие из них впоследствии стали во главе соединений, объединений, управлений и учреждений мирной Советской армии.

В Академии имени Фрунзе было пять параллельных курсов по 200 человек на каждом курсе, и мой набор назывался Сталинским. Здесь учились 83 Героя

Советского Союза, подполковники, полковники, майоры, редко капитаны. Я закончил войну подполковником, причем я получил это звание в 23 года, в начале 1944 года. Академия наша во время моей учебы участвовала в шести парадах. В академии было очень трудно и интересно учиться. Учились люди, имевшие разное образование — от начального до высшего. Брала не по образованию, а по заслугам во время войны. Я был старостой группы. В моей группе, например, был майор, Герой Советского Союза, образование у него было 4 класса.

Учеба давалась мне легко, занимался я с большой охотой, особенно полюбил английский язык. Видимо, приобретенный в боях опыт многое помогал мне понять в военном искусстве.

Во время учебы выезжал на стажировку. Так, в 1946 году ездил на два месяца в Центральную группу войск в Австрию. Штаб группы — Баден-Баден, около Вены. Стажировка проходила в 5-й армии.

Стажировку я проходил в должности заместителя командира стрелкового полка.

Во время учебы, особенно в 1945—1946 годах, я часто встречался с Николаем Васильевичем Огарковым, он неоднократно бывал у меня дома на Таганке. Но после этого мы долго, почти целых 20 лет, не виделись и не знали друг о друге ничего.

Нас выпустили в ноябре 1948 года. На выпускном вечере были маршалы Советского Союза А.М. Василевский и С.М. Буденный и многие другие видные военачальники.

Я получил назначение на должность начальника штаба полка в городе Саратове. По сравнению с фронтовой должностью это было понижение, но так тогда поступали с большинством офицеров: армия сокращалась и должностей, адекватных опыту многих фронтовиков, попросту не хватало. Зато в Саратове я нашел свою первую любовь, которую пронес через всю жизнь.

Тяжелая выпала мне доля на первые пять лет после окончания военной академии. Дело в том, что командующий войсками ПриВО, в распоряжение которого я прибыл, усмотрел в моем личном деле опытного офицера штаба. А так как в то время офицеров с высшим военным образованием было не так много, он принял решение назначить меня помощником начальника оперативного отдела корпуса, где три долгих года я не знал ни отдыха, ни покоя. Все учения, групповые упражнения, лекции и просто ответственные документы поручались мне, не говоря уже об учениях, где все плановые таблицы взаимодействия, планы формирования и расчеты также доставались мне.

Это от меня требовало работы от раннего утра до поздней ночи. За это время я работал в тесном контакте с такими генералами, как Андрей Трофимович Стученко¹ и Иван Михайлович Афонин², Алексей Михайлович Кузнецов — герои войны.

---

¹ Стученко Андрей Трофимович (30.10.1904—18.11.1972) — генерал армии (1964). В Красной армии с 1921 г. Во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. командовал кавалерийским полком, кавалерийской и стрелковой дивизиями, с августа 1944 г. — командир 19-го гвардейского стрелкового корпуса. После войны командовал войсками ряда округов, начальник Военной академии им. Фрунзе.

² Афонин Иван Михайлович (1904—1979) — генерал-лейтенант. Герой Советского Союза (1945). В Красной армии с 1926 г. В начале Великой Отечественной войны командовал стрелковой дивизией. Весной 1942 г. назначен начальником штаба 5-го кавалерийского корпуса. С августа 1942 г. — командир 300-й стрелковой дивизии, принимавшей участие в Сталинградской битве и преобразованной в 87-ю гвардейскую стрелковую дивизию. С февраля 1943 г. командир 18-го гвардейского стрелкового корпуса. Корпус отличился в сражении за Будапешт. Генерала Афонина назначили командующим Будапештской группой советских войск 2-го Украинского фронта: 24 января 1945 г. во время боев за Будапешт Афонин получил тяжелое ранение. Был на излечении до 24 марта 1945 г. Войну закончил в районе Праги. В день Парада Победы на Красной площади генерал-лейтенант И.М. Афонин командовал сводным полком 2-го Украинского фронта. Участник советско-японской войны. 19 августа 1945 года пленил императора Маньчжоу-Го Пу И. После войны — на командных должностях в Сибирском военном округе.

Видимо, мое усердие было замечено, и в 1951 году меня назначили заместителем начальника оперативного отдела штаба 123-го стрелкового корпуса. Таким образом, спустя шесть лет после войны я приблизился по службе к тому положению, которое занимал в последние годы на фронте. Должность была по категории полковничья, а к этому времени я ходил в чине подполковника уже более 7 лет. В 1952 году я был уж в какой раз представлен к очередному воинскому званию, тем более что позволяло служебное положение, но не тут-то было. Как сказал мне командир корпуса, генерал-лейтенант, Герой Советского Союза Иван Михайлович Афонин: «Ты достоин звания полковника, и мы тебя представили к присвоению, но тебе отказано из-за «дела врачей».

Так из-за выдуманного «дела врачей» я еще после этого два года ходил в звании подполковника (всего 11 лет). Получил это звание в неполных 24 года, и только на 35-м году жизни мне присвоили звание полковник.

С ноября 1954-го по сентябрь 1958 года я командовал полком, вначале механизированным, а затем, с весны 1956 года, — мотострелковым.

Годы командования полком меня закалили разносторонне — физически, морально и даже умственно. Я стал самостоятельным, инициативным, не побоюсь этого слова — творческим командиром с определенной целеустремленной волей. Полк — это, я бы сказал, многоотраслевой войсковой механизм, особенно мотострелковый. Я приобрел большие навыки в самостоятельном решении больших и нужных задач. Я занимался не только боевой подготовкой — это, безусловно, было главным в моей деятельности, но много времени пришлось уделять хозяйственной деятельности. Так, пришлось вспомнить, что я по образованию и некоторому опыту гражданской работы — строитель. И я много строил: склады, парки и парковые помещения, препятствия на танко- и авто-

дромах, стрельбища, казармы и столовые. И когда в 1958 году приехала инспекция, а полком к этому времени я уже командовал уверенно, полк получил хорошую оценку, а меня назначили начальником штаба 110-й мотострелковой дивизии (бывшей 63-й механизированной). Приказом министра обороны мне была объявлена благодарность.

Начальником штаба дивизии я был с конца сентября 1958 года до марта 1961 года.

Мне кажется, что, будучи начальником штаба 110-й мотострелковой дивизии, я не испытывал каких-либо затруднений в исполнении этой должности. Объяснить это я могу тем, что к этому времени я уже почти 20 лет прослужил в армии (точнее — 19 лет), прошел войну, на завершающем этапе которой я почти четыре месяца исполнял обязанности начальника штаба дивизии в очень трудных боевых условиях на полях Венгрии, Югославии и в горах Австрии. Затем — большой опыт штабной работы в штабе корпуса с 1948 по 1953 год, ну а главное — четырехлетнее командование полком.

Я этим не хочу сказать, что вот такой должен быть путь военного человека. Но вызывает удивление, когда на должность начальника штаба дивизии — в сердце управления соединением — очень часто назначали офицеров, имевших незначительный опыт командной и штабной работы (примерно везде по году и все — вверх, вверх, вверх). Не случайно поэтому иногда встречаешь таких горе-командиров, которые только и думают, как бы скорее получить очередной высокий пост.

Помню, в 1978 году, будучи председателем выездной приемной комиссии по Сибирскому военному округу, случайно разговорился с командиром кадровой дивизии из Итатки (где-то в районе Томска). Он мне рассказал, что всю дивизию огородил хорошим забором и «знаете, дальше уже неинтересно, надо что-то большее». Я его спросил: «Что, может быть, уже армию пора забором огородить?» Он иронии не понял.

В 1960 году первый заместитель командующего войсками ПриВО генерал-полковник Сергей Матвеевич Штеменко¹ высоко оценил работу и штабную культуру штаба 110-й мотострелковой дивизии. Видимо, это послужило затем причиной моего перевода в отдел боевой подготовки округа на должность заместителя начальника отдела.

За время службы в 110-й мотострелковой дивизии пришлось в 1960 году передислоцировать дивизию из района Шиханы, Вольск Саратовской области, в район лагеря Тоцкое Оренбургской области. Дивизия перешла на сокращенный штат, командир дивизии генерал-майор Клесов Петр Иванович убыл на учебу в Военную академию Генерального штаба, и вот мне и моему хорошему товарищу, заместителю командира дивизии полковнику Городецкому. Георгию Дмитриевичу, было поручено провести это мероприятие.

А было это так. Я со штабом рассчитал количество эшелонов на перевозку дивизии, но так как мы передислоцировались в район Тоцкого, где не было никаких строительных средств, то нам пришлось весь стройматериал (бут, цемент, кирпич, известь, лесоматериалы, строительные трубы) — а его было у нас немало — грузить в эшелоны и отправлять в Тоцкое. Я был ответственным за отправку дивизии с трех станций: Сенная, Причернозойский и Верхняя Тернавка, а встречу, разгрузку, перевозку со станции возглавлял Г.Д. Городецкий в Тоцком.

---

¹ Штеменко Сергей Матвеевич (1907—1976) — военачальник, генерал армии (1968). В Великую Отечественную войну с августа 1941 г. — заместитель начальника, с июня 1942 г. — начальник направления, с апреля 1943 г. — 1-й заместитель начальника и с мая 1943 г. — начальник управления. С 1943 г. — начальник оперативного управления Генштаба. В 1948—1952 гг. — начальник Генштаба. В 1962—1964 гг. — начальник Главного штаба Сухопутных войск, с 1968 г. — начальник штаба Объединенных Вооруженных сил государств — участников Варшавского договора.

Мне помогло то, что военные коменданты на станциях Саратов и Сызрань были моими хорошими деловыми товарищами и подвижной состав всегда подавали на 8—12 часов раньше расчетного времени. Поэтому и бут, и кирпич, и все прочее текло рекой из Шихан в Тоцком и в последующем нам здорово помогло в строительстве в Тоцком хранилищ для техники, складов для имущества. Учебный корпус и клуб для личного состава, все было завершено, вплоть до перестройки казармы под штаб дивизии, и многое другое. В зиму с нашим «куцым» штатом мы вошли хорошо. Началась размеренная войсковая жизнь в сокращенном составе, и прибывший к нам командующий войсками округа генерал-полковник Андрей Трофимович Стученко сказал мне, что тут мне делать нечего, надо идти на интересную насыщенную работу в боевую подготовку.

Вскоре, а вернее, в конце февраля 1960 года состоялся приказ главкома, и я был назначен заместителем начальника отдела боевой подготовки и вузов ПриВО.

Очень тепло прошли мои проводы из родной дивизии, мне тогда и не думалось, что через четыре года я опять сюда вернусь, уже на должность командира этой дивизии.

С 1961 по 1964 год я служил заместителем начальника отдела боевой подготовки ПриВО. В декабре 1963 года командующим войсками округа был назначен генерал-полковник Николай Григорьевич Лященко¹. Настоящий человечище — большой, креп-

---

¹ Лященко Николай Григорьевич (р. 16.05.1910) — генерал армии (1968). В Красной армии с 1929 г. В 1937—1938 гг. принимал участие добровольцем в гражданской войне в Испании. Во время Великой Отечественной войны в должностях командира стрелкового полка (1941—1942), заместителя командира дивизии, командира отдельной морской стрелковой бригады и стрелковой дивизии (1942—1945) воевал на Южном, Волховском, Ленинградском и 2-м Белорусском фронтах. После войны командовал войсками Приволжского, Туркестанского и Среднеазиатского округов.

кий, человеколюбивый, не смотревший на чин и национальность и т. д.

Это ему я должен быть обязанным всю оставшуюся жизнь. Он, вопреки мнению «света», лично обратился к министру обороны маршалу Р.Я. Малиновскому, доложив, что вот, мол, у меня есть подчиненный полковник — еврей, участник ВОВ, войну закончил начальником оперотдела штаба дивизии в звании подполковника. И попросил назначить меня командиром 29-й мотострелковой дивизии (бывшая 110-я мотострелковая дивизия — моя родная).

И вот в марте 1965 года я стал командиром дивизии.

А 23 февраля 1967 года мне было присвоено звание генерал-майор.

В 1977 году приказом министра обороны я был переведен в Москву на должность начальника управления программ военных учебных заведений России. На этой должности я и закончил военную службу, уволившись в 1985 году по выслуге лет и по здоровью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Какие странные зигзаги делает жизнь... И с отдельными людьми, и с целыми народами. Всего лишь десятки лет назад немцы изобрели и устроили холокост, а теперь, разговаривая на улицах Берлина с евреем, считают идиш старинным диалектом немецкого. Разговор идет, есть понимание. Языки бывших врагов — преступника и жертвы — оказались родственными диалектами.

Преступники получили свое, уничтоженных в печах и рвах не вернуть, целый народ признал свою вину, но и она в каком-то завтра исчезнет, забудется.

Но тогда зачем все это было? Ведь во всем имелся свой смысл, ибо всему назначена своя цена. Эти смысл и цена не исчезнут никогда, они проявят себя и в грядущем, хотим мы того или нет, понимаем или не желаем о том думать.

И выходит, в начале времен все мы — граждане Земли или даже Вселенной. Сколько сменилось на карте планеты могучих империй и малых этносов, сколько народов пришло, чтобы уйти, многие канули в Лету бесследно для нас. Политическая карта мира меняется много быстрее географической. Не видимый нами ластик начисто стирает старые, привычные названия, и тут же невидимая рука пишет новые име-

на на месте исчезнувших. Пройдя сквозь годы, люди забывают не только уроки судьбы, как чужой, так и своей. Часто многие теряют в глубинах памяти имена близких и друзей, не вспоминают тех, без которых их жизнь состоялась бы совсем по-иному. А может быть, и вовсе бы не состоялась. Нет, не хочу я оказаться одним из них...

ПРИЛОЖЕНИЯ

Директива Ставки ВГК № 220186 командующему войсками Карельского фронта о мерах по улучшению управления войсками

27 августа 1944 г.

Ставка Верховного Главнокомандования считает, что последняя операция левого крыла Карельского фронта закончилась неудачно в значительной степени из-за плохой организации руководства и управления войсками. Одновременно Ставка отмечает засоренность фронтового аппарата бездеятельными и неспособными людьми. Кроме того, на ряде командных должностей стояли офицеры финской национальности, которые, естественно, не били по-настоящему действующих перед нашими войсками родственников им по национальности финнов и в силу этого не могли пользоваться доверием со стороны подчиненных им войск. Командование фронта не приняло своевременных и достаточно решительных мер к устранению этих крупных недочетов, отрицательно влияющих на боевые действия войск фронта.

В связи с этим Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Военному совету Карельского фронта наладить твердое управление войсками и изгнать бездельников и людей, не способных руководить войсками.

2. Расформировать вспомогательный пункт управления фронта в составе 67 человек, как не оправдавший своего назначения, и обратить личный состав на усиление аппарата штаба фронта, штабов армий и корпусов.

Генерал-полковника Фролова, возглавляющего управление войсками мурманского участка фронта, использовать по своему прямому назначению — заместителя командующего Карельским фронтом.

3. Заместителя командующего Карельским фронтом генерал-полковника Кузнецова Ф.И. откомандировать в распоряжение начальника Главного управления кадров НКО.

4. Начальника штаба фронта генерал-лейтенанта Пигаревича Б.А., как не обеспечившего должного руководства штабом фронта, освободить от занимаемой должности и откомандировать в распоряжение начальника Главного управления кадров НКО.

5. Начальника оперативного управления штаба фронта генерал-майора Семенова В.Я. откомандировать в распоряжение начальника Главного управления кадров НКО для использования на другой работе.

6. Назначить:

а) начальником штаба Карельского фронта генерал-лейтенанта Крутикова А.Н., освободив его от должности командующего 7-й армией;

б) командующим 7-й армией генерал-лейтенанта Глуздовского В.А.;

в) начальником оперативного управления штаба Карельского фронта генерал-майора Рождественского С.Е., освободив его от должности командира 83 ск.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

Русский архив. Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1944—1945. Т. 16 (5—4). М., 1999. С. 131—132.

Директива Ставки ВГК № 220193
командующему войсками Карельского фронта
на переход армий левого крыла к обороне

29 августа 1944 г. 01 ч 50 мин

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Наступательные действия войск 7-й и 32-й армий приостановить и перейти к жесткой обороне на достигнутом рубеже.

2. На фронте 32-й и 7-й армий немедленно приступить к инженерному оборудованию оборонительных рубежей и продолжать совершенствовать оборону на участках остальных армий фронта.

3. При организации обороны тщательно спланировать огни артиллерии и минометов по районам вероятного скопления противника, систематически тренируя артминометные части в вызове и сосредоточении огня как днем, так и ночью. Особо тщательно организовать артминометное обеспечение маневра пехоты, подвижных частей, артиллерии и инженерных средств на наиболее угрожаемых направлениях и на стыках соединений и армий.

4. Особое внимание уделить обороне на направлениях: Большая Западная Лица, Мурманск; Кестеньга, Лоухи; Лоймола, Сувилахти; Кителя, Питкяранта, Сальми.

5. Создать сильные резервы на левом крыле фронта (32-я и 7-я армии) и дополнительные резервы в 14, 19 и 26-й армиях.

6. Одновременно со строительством оборонительных рубежей во всех соединениях и частях фронта приступить к плановым занятиям по боевой подготовке, сколачиванию подразделений, частей и штабов, уделив основное внимание наступательному бою применительно к условиям фронта.

7. Запретить работу на передачу радиостанций во всех сетях фронта и ниже, кроме ВВС, ПВО,

радиоразведывательных дивизионов и радиоузлов разведотделов штабов и артиллерии для управления артогнем. Ограничить использование телефонной связи в войсках от штаба корпуса и ниже, обеспечив меры СУВ. Командующие армиями, командиры корпусов и дивизий могут разрешать использование радиосвязи только в крайне необходимых случаях.

8. О времени разрешения и последующего запрещения каждый раз доносить в вышестоящий штаб.

Для соблюдения указанного режима организовать жесткий радиоконтроль и контроль за телефонными переговорами.

8. Наступательных действий без разрешения Ставки не вести.

9. Об отданных распоряжениях донести.

Подробный план обороны 32-й и 7-й армий представить в Генштаб к 5 сентября 1944 года.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

Русский архив. Т. 16 (5—4). С. 135—136.

Директива Ставки ВГК № 220206
командующим войсками
Карельского и Ленинградского
фронтов о прекращении военных
действий против вооруженных сил
Финляндии

5 сентября 1944 г. 03 ч 00 мин

Ввиду того, что финское правительство удовлетворило требования советского правительства о разрыве отношений с Германией и о разоружении немецких войск, Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. С 8.00 5 сентября 1944 г. войскам Карельского и Ленинградского фронтов прекратить военные действия против финских войск на участке Минозеро (120 км зап. Беломорска), Куолиσμα, Питкяранта и на всем Карельском перешейке от Ладожского озера до Финского залива.

2. Войскам Карельского и Ленинградского фронтов на указанном участке впредь до особых указаний оставаться на занимаемых рубежах в боевой готовности.

3. Севернее участка Минозеро и до Мурманска, где расположены немецкие войска, войскам Карельского фронта быть в полной боевой готовности.

4. Об исполнении донести.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

Русский архив. Т. 16 (5—4). С. 139—140.

Командующему войсками Карельского фронта о преследовании и разгроме отходящего противника

10 сентября 1944 г. 01 ч 30 мин

Перегруппировка и действия войск фронта ведутся крайне медленно, ни на одном из направлений не созданы ударные группы для разгрома немецких войск, уже начавших на некоторых участках отход.

На кандалакшском и кестеньгском направлениях наши войска втягиваются во фронтальные бои с частями прикрытия противника и позволяют ему планомерно отходить, вместо того чтобы отрезать пути отхода и разбить его.

Для доклада Ставке прошу 10 сентября донести конкретный план действий войск правого крыла

фронта с указанием группировок, порядка действий, рубежей и сроков их достижения по каждому направлению в отдельности.

АНТОНОВ

№ 204759

Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1944—1945 гг. Т. 23 (12—4). М., 2001. С. 429—430.

**Директива Ставки ВГК № 220213
командующему войсками
Карельского фронта о запрещении
ведения наступательных действий
против немецких войск на территории
Финляндии**

12 сентября 1944 г. 02 ч 20 мин

Из представленного Вами за № 00112/44/оп доклада видно, что Вы ставите войскам фронта задачу разбить своими силами группировку немцев в Северной Финляндии. Это ваше решение неправильно. Согласно переговорам с финнами, выдворением немецких войск из Финляндии должны заняться сами финны, а наши войска будут оказывать им в этом только помощь.

Исходя из указанного, Ставка Верховного Главнокомандования запрещает Вам вести самостоятельные наступательные операции против немецких войск. В случае отхода немцев продвигаться вслед за ними, не навязывая противнику больших боев и не изматывая свои войска боями и глубокими обходными маневрами для того, чтобы лучше сохранить свои силы. Ставка требует от Вас точного выполнения ее указаний и еще раз предупреждает, что невыполне-

ние указаний Ставки и Ваши попытки забегания вперед повлекут за собой отстранение Вас от командования фронтом.

Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

Русский архив. Т. 16 (5—4). С. 143.

Директива Ставки ВГК № 220219
командующему войсками
Карельского фронта о порядке действий
на территории Финляндии

18 сентября 1944 г. 23 ч 40 мин

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Немедленно вывести из 26-й армии один стрелковый корпус и направить его в составе двух стрелковых дивизий через Кандалакшу на усиление 19-й армии. Одну стр. дивизию этого корпуса направить в Мурманск на усиление 14-й армии.

2. 26-й армии в составе трех стрелковых дивизий с выходом на фронт Куусамо, Юнтусранта, Суомуссалми, Анттила прекратить продвижение на запад и закрепитесь на достигнутых рубежах.

3. 19-й армии в составе семи стрелковых дивизий продвигаться вслед за отходящими немецкими войсками, занять Куолоярви и выйти в район Соданкюля, Рованиеми.

4. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

Русский архив. Т. 16 (5—4). С. 147.

**Доклад командующего войсками
Карельского фронта № 00118/44/оп
Верховному Главнокомандующему плана
наступления в Финляндии**

18 сентября 1944 г.

Докладываю соображения о дальнейших действиях 14, 19 и 26-й армий Карельского фронта.

1. Главные силы 36-го армейского корпуса (кандалакшское направление) и 18-го горного корпуса СС (кестеньгское направление) 20-й лапландской¹ армии немцев отходят через Куолоярви, Рованиеми на Соданкюля, Ивало, Инари, Лаксэльвен и Куусамо, Рованиеми, Киттиля, Муониониска, Альтен. К исходу 17.09.1944 г. арьергарды 36-го армейского корпуса в составе 378, 379 и 324-го пехотных полков перешли к жесткой обороне на рубеже р. Тенние-Йоки, Кайрала, имея, видимо, задачу прикрыть отход 18-го горного корпуса СС на Рованиеми. Арьергард 18-го горного корпуса СС в составе 11-го горноегерского полка в районе Корпиозеро ведет подвижную оборону. На направлении Юнтусранта — мелкие группы автоматчиков. На направлении Суомуссалми сопротивления противника нет. Данных о движении противника к портам Кеми и Оулу (Улеаборг) не имеем. 13.09.1944 г. авиаразведка отмечала в порту Кеми шесть транспортов.

19-й горный корпус «Норвегия» (мурманское направление) ведет жесткую оборону на прежних рубежах.

Наши войска продвигаются за арьергардами противника, имея с ними тесное соприкосновение.

2. Обходом 18-го горного и 36-го армейского корпусов немцев в районе Куолоярви, Рованиеми, Соданкюля выполнение основной задачи по Вашей ди-

---

¹ 1 июня 1942 г. армия «Лапландия» переименована в 20-ю горную армию.

рективе № 220213 от 12.09.1944 г. будут осуществлять 19-я и 14-я армии.

В связи с этим дальнейшее наступление 19-й армии будет организовано так: один стрелковый корпус в составе трех стрелковых дивизий и танковой бригады пойдет из района Куолюярви на Соданкюля, Ивало и далее по обстановке. Один стрелковый корпус в составе двух стрелковых дивизий пойдет на Куолюярви, Кемиярви, Рованиеми и далее на Киттиля.

31-й стрелковый корпус 26-й армии в составе трех стрелковых дивизий, танковой и инженерной бригад преследует противника через Куусамо на Рованиеми. С подходом к Рованиеми 31-й стрелковый корпус войдет в состав 19-й армии и будет использован по обстановке.

С включением 31-го стр. корпуса в состав 19-й армии она будет [иметь] восемь стрелковых дивизий и две танковые бригады.

26-я армия в составе трех стрелковых дивизий с выходом в район Куусамо, Юнтусранта, Суомуссалми, Кондоки, Кимасозеро дальнейшее движение на запад прекращает, имея задачей прикрыть эти направления и быть готовой в случае необходимости выдвигаться на Оулу (Улеаборг).

14-я армия (мурманское направление) находится в готовности в случае отхода 19-го горного корпуса «Норвегия» преследовать его и одновременно готовиться, с получением особого приказа, атаковать противника, разгромить его и овладеть Луостари и Петсамо.

Из района Луостари на Ивало армия выделяет один корпус с задачей закрыть отход немцам в Норвегию через Инари.

Состав 14-й армии в настоящее время — четыре стр. дивизии и четыре стр. бригады. Одна стр. дивизия (368 сд) и одна стр. бригада (3 сбр) грузятся. С подходом их в составе армии будет пять стр. дивизий и пять стр. бригад.

3. Прошу Ваших указаний:

а) НКПС — о спешном восстановлении жел. дороги Алакуртти—Рованиemi;

б) начальнику тыла Красной Армии — о выделении трех автобатов.

В случае Вашего утверждения подробно разработанная операция на каждую армию будет представлена немедленно.

*Командующий войсками Карельского фронта
генерал армии МЕРЕЦКОВ*

*Член Военного совета Карельского фронта
генерал-лейтенант ШТЫКОВ*

*Начальник штаба Карельского фронта
генерал-лейтенант КРУТИКОВ*

Русский архив. Т. 16 (5—4). С. 299—300.

**Директива Ставки ВГК № 220226
командующему войсками
Карельского фронта о порядке действий
на территории Финляндии
и подготовке операции
по овладению Петсамо**

26 сентября 1944 г. 24 ч 00 мин

Ввиду того, что финские войска двигаются на север для сближения с немцами медленно, неохотно и тем самым, возможно, стремятся втянуть в бои с немцами в первую очередь наши войска, а сами оказаться в тылу у наших войск, что крайне нежелательно, Ставка Верховного Главнокомандования во изменение директивы от 18.09 за № 220219 приказывает:

1. После занятия района Куолоярви войскам 19-й армии выдвинуться на рубеж р. Наруска-Йоки, Келлоселькя, оз. Онкамо-Ярви, где остановиться с целью пропустить на север войска финнов с тем, чтобы наши войска оказались у них в тылу.

Дальнейшее продвижение вперед войск 19-й армии производить с разрешения Ставки в зависимости от обстановки, складывающейся на этом направлении.

2. 31 ск, выведенный из 26-й армии, направить в составе всех трех стрелковых дивизий в Мурманск для усиления 14-й армии.

3. Подготовить наступательную операцию силами 14-й армии, усиленной 31 ск, с привлечением фронтовых средств усиления с задачей очистить от немцев район Петсамо.

План этой операции представить 28 сентября.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

Русский архив. Т. 16 (5—4). С. 149—150.

**Командующему войсками Карельского
фронта о передислокации
133-го стрелкового корпуса**

Копия: начальнику управления по оперативно-организационным мероприятиям Генерального штаба

14 ноября 1944 г. 18 ч 30 мин

Верховный Главнокомандующий приказал 133-й стр. корпус в составе 21, 122, 104 сд и 1942 кап изъять из состава войск Карельского фронта и отправить по жел. дороге не в район Грязовец, Данилов, Буй, а в другой район дислокации.

В соответствии с этим Вам надлежит:

1. 133-й стр. корпус в полном составе исключить из состава войск фронта.

2. Дать указание своему заместителю, находящемуся в районе Ярославля, прибывающие эшелоны

133 ск в районе Грязовец, Данилов, Буй не выгружать, а направлять по железной дороге далее в направлении на Москву. По линии НКПС и ВОСО такие указания Генштабом даны.

3. Корпус отправить в полном составе и перед отправкой обеспечить боеприпасами, горючим и продовольствием по нормам в соответствии с директивой Ш 297673 от 10.11.1944 г.

Об исполнении донести.

АНТОНОВ

Русский архив. Т. 23 (12—4). С. 517.

**Директива Ставки ВГК № 11013
командующим войсками
2-го и 3-го Украинских фронтов,
представителю Ставки о ликвидации
противника южнее озера Веленце**

22 января 1945 г. 00 ч 30 мин

С целью ликвидации группировки противника, прорвавшейся к Дунаю южнее озера Веленце, Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Командующему войсками 2-го Украинского фронта:

а) на направлении Комарно перейти к жесткой обороне;

б) сосредоточить на западном берегу Дуная юго-западнее Будапешта 23-й танковый корпус и не менее одного стр. корпуса для того, чтобы не позднее 25—26 января нанести удар между озером Веленце и Дунаем в направлении на Шарашд, навстречу удару войск 3-го Украинского фронта. Ликвидацию окруженной группировки противника в Буде продолжать.

2. Командующему войсками 3-го Украинского фронта:

а) пополнить танками и самоходными орудиями 18-й танковый корпус, привести в порядок 133-й стр. корпус и не позднее 25—26 января силами 18 тк и 4—5 стр. дивизий нанести удар между каналом Шарвиз и Дунаем в направлении Шарашда, навстречу удару войск 2-го Украинского фронта;

б) по восточному берегу р. Дунай на участке Адонь, Дунафельдвар и на участке от канала Шарвиз до озера Балатон организовать оборону и не допустить прорыва противника как на восточный берег р. Дунай, так и на юг.

3. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН

А. АНТОНОВ

Русский архив. Т. 16 (5—4). С. 194.

**Директива Ставки ВГК № 11036
командующим войсками фронтов
об улучшении организации
боевых действий**

Копия: представителю Ставки

6 марта 1945 г. 01 ч 30 мин

За последнее время на некоторых фронтах имели место случаи беспечности и ротозейства, пользуясь которыми противнику удавалось наносить нам внезапные и чувствительные удары. В результате этих ударов наши войска вынуждались к отходу. Отход в этих случаях происходил неорганизованно, войска несли большие потери в живой силе и особенно в материальной части. Так, например:

7-я гв. армия 2-го Украинского фронта, оборонявшаяся восточнее Комарно, будучи атакованной противником, не сумела отбить его наступление, несмотря

на достаточное количество сил и средств, оставила занимавшийся ею оперативно важный плацдарм (на западном берегу р. Грон), потеряв при этом личного состава — 8194 человека, орудий разных калибров — 459 (из них 76-мм и выше — 374), танков и СУ-54.

Части 26-й армии 3-го Украинского фронта, наступая вдоль канала Шарвиз, углубились в оборону противника на 3—5 км. Противник, предприняв контратаку, без труда прорвал боевые порядки наших наступающих частей, не имевших серьезной артиллерийской поддержки, т. к. вся их артиллерия была одновременно снята с позиций и выдвигалась вперед. В результате двухдневных боев части 133 и 135 ск 26-й армии потеряли 42 миномета, 90 орудий разных калибров и были отброшены в исходное положение.

Ставка Верховного Главнокомандования считает, что указанные случаи могли иметь место только в результате преступной беспечности, плохой организации обороны, отсутствия разведки и контроля со стороны вышестоящих командиров и их штабов за положением и действиями войск.

Командующие войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов не сочли нужным своевременно донести Ставке об этих позорных фактах, желая, видимо, скрыть их, и Генштабу пришлось через голову командующих фронтами добывать эти сведения от штабов фронтов.

Ставка указывает командующим войсками 2-го Украинского фронта Маршалу Советского Союза Малиновскому и 3-го Украинского фронта Маршалу Советского Союза Толбухину на плохой контроль за действиями войск, неудовлетворительную организацию разведки и недопустимость непредставления в Ставку донесения об указанных выше потерях.

Ставка приказывает:

а) командующему 7-й гв. армией генерал-полковнику Шумилову за беспечность и плохую организацию обороны объявить выговор;

б) командующим войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов по указанным случаям произвести строгое расследование и виновных привлечь к ответственности.

О результатах расследования и принимаемых мерах донести.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

Русский архив. Т. 16 (5—4). С. 206.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Детство	7
Яростный 1937-й	13
Довоенная армия	25
Первые дни войны	31
Рубеж на реке Свирь	44
Куриная слепота	56
Весна 1942 года. Наступление на реке Свирь	66
Начальник штаба полка в 22 года	75
Переброска в Заполярье	88
122-я стрелковая дивизия: немного истории	95
Опыт обороны в особых условиях Заполярного театра военных действий	106
Во главе оперотдела штаба дивизии	118
122-я в операции по освобождению Заполярья (сентябрь—октябрь 1944 года)	139
Фронтной друг Николай Огарков	151
Переброска в Венгрию	157
Предпобедный драп	164
Тяжелые бои в Венгрии	177
Долгожданная победа!	187
Послевоенная служба	198
Заключение	206
Приложения	208

Боград Петр Львович

ОТ ЗАПОЛЯРЬЯ ДО ВЕНГРИИ

Записки двадцатичетырехлетнего подполковника

1941—1945

Ответственный редактор *А.Ю. Безугольный*

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Технический редактор *Н.В. Травкина*

Корректоры *О.А. Левина, Т.В. Соловьева*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 26.05.2009.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,76.
Уч.-изд. л. 9,57 + вклейка = 10,44.

Тираж 4 000 экз. Заказ № 2444.

ЗАО «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечата о в ООО «Спектр-П»
305025, г. Курск, ул. Строительная, 8

НА ЛИНИИ ФРОНТА

ПРАВДА О ВОЙНЕ

Петр Боград

ОТ ЗАПОЛЯРЬЯ ДО ВЕНГРИИ

ЗАПИСКИ
ДВАДЦАТИЧЕТЫРЕХЛЕТНЕГО ПОДПОЛКОВНИКА

1941—1945

Генерал-майор Петр Львович Боград относится к тем фронтовикам, которые прошли Великую Отечественную войну от первого до последнего дня. Юношей, в начале жизненного пути, П.Л. Боград оказался в эпицентре жестокого противостояния. Удивительно сложилась судьба молодого лейтенанта, выпускника военного училища, 21 июня 1941 г. прибывшего по распределению в Прибалтийский особый военный округ. Вместе со всеми он сполна испытал горечь первых поражений: отступление, окружение, ранение.

Уже в 1942 г., благодаря незаурядным способностям, П.Л. Боград был выдвинут в командиры стрелкового батальона. В 22 года он стал начальником штаба полка, а войну закончил подполковником, исполняющим должность начальника штаба стрелковой дивизии.

Его воспоминания о сражениях, участником которых он был, потрясающих эпизодах боев и обычной жизни на фронте отличаются точностью и масштабом видения событий.

ISBN 978-5-9524-4391-4

9 785952 443914

ЦЕНТРОЛИГРАФ®